ВОЕННЫЕ ВМ МЕМУАРЫ

В. М. МАЛКИН

КАРПАТСКИЕ ОРЛЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания заместителя командира полка по политической части посвящены ратным подвигам однополчан, тяжелым боям в Карпатах. Книга позволяет читателям представить, как в ротах, батареях, батальонах 327-го горнострелкового полка 128-й горнострелковой дивизии в сложных боевых условиях велась партийно-политическая работа. Полк участвовал в боях за освобождение Польши и Чехословакии. Книга проникнута духом верности советских воинов своему интернациональному долгу. Рассчитана на массового читателя.

- Василий Малкин
  -
  - К читателю
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Иллюстрации

Василий Малкин
КАРПАТСКИЕ ОРЛЫ

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
В. М. МАЛКИН

КАРПАТСКИЕ ОРЛЫ

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА—1975

Василий Максимович Малкин

К читателю

Красноармейскую шинель и кирзовые сапоги впервые я надел 18 июля сорок первого. На фронт ушел добровольцем. Во второй половине августа железнодорожный эшелон доставил наш 1077-й стрелковый полк на Северо-Западный фронт. К началу октября, когда гитлеровское командование развернуло операцию «Тайфун», полк в составе 316-й стрелковой дивизии перебросили под Москву. Здесь в ходе ожесточенных боев наша дивизия, проявившая мужество и стойкость, была преобразована в 8-ю гвардейскую. Командовал ею бывший чапаевец генерал-майор Иван Васильевич Панфилов, имя и подвиги которого стали легендарными.

Помню невероятно трудные октябрьские, ноябрьские и декабрьские дни в окопах и блиндажах, опоясывавших столицу. Всех защитников Москвы на ратные подвиги вдохновляли боевые призывы Центрального Комитета ВКП(б), опубликованные в газете «Правда» 1 ноября 1941 года: «Ни шагу назад! Остановить врага, отстоять Москву!», «Под Москвой должен начаться разгром немецких захватчиков!».

О некоторых из множества героев Московской битвы я вспоминал в своей книге «Грудью заслонившие Москву», опубликованной в 1971 году. От столицы мои фронтовые дороги шли на Кавказ, в Крым, а затем по полям Украины, Польши, Чехословакии. Потребовалась бы не одна книга, чтобы рассказать обо всем виденном, пережитом, перечувствованном на фронтовом пути. Здесь же я решил поделиться лишь теми впечатлениями, которые накопились у меня за 345 боевых дней и ночей в Восточных и Западных Карпатах, когда наш 327-й гвардейский горнострелковый Севастопольский полк участвовал в освобождении братских народов Польши и Чехословакии. Я был тогда заместителем командира полка по политической части. Как и все политработники нашей армии и флота, горжусь тем, что мне выпало счастье партийным словом вселять в солдатские сердца веру в нашу победу. Буду удовлетворен, если читатель, знакомясь с описываемыми в этой книге событиями, ощутит своеобразие и колорит партийно-политической работы в полковом звене при разных, порой самых острых и неожиданных ситуациях, в условиях горной войны.

Большую помощь в работе над книгой оказали мне друзья-однополчане. Они прислали письма, напомнили эпизоды, которые стерлись в моей памяти за три послевоенных десятилетия. Хочется поблагодарить однополчан В. П. Аленовича,

Н. В. Аленович, А. В. Берлезева, Ф. Ф. Бородкина, А. А. Гришина, В. П. Иваненко, В. И. Костина, И. И. Королева, М. С. Князева, Ф. Г. Лукова, И. Я. Науменко, П. Г. Поштарука, А. В. Румянцева, М. А. Хорошавина.

Эту книгу я посвящаю доблестным воинам 327-го гвардейского горнострелкового Севастопольского ордена Богдана Хмельницкого полка, а также польским и чехословацким братьям, помогавшим нашим воинам-освободителям.

Глава 1
Полк готовится к новым боям

Май сорок четвертого. Прогремели последние выстрелы под Севастополем. 128-я гвардейская горнострелковая дивизия, в которую входил наш 327-й полк, около четырех месяцев проходила переформировку, совершенствовала боевую подготовку. 8 августа полк покидает Крым, который отнюдь не был для нас курортом.

Вместе с командиром батальона М. И. Брагиным мы идем вдоль железнодорожного состава, мимо распахнутых настежь вагонов. Брагин, рослый, круглолицый, энергичный, с мужественным характером, говорит с некоторым, едва уловимым волнением:

— Дел навалилось много. Трудных, непривычных… Вчера еще ротой командовал, а теперь вот комбат, начальник эшелона. Справлюсь ли?

Мне почему-то кажется, что Брагин уверен в себе, но слегка кокетничает. Волнение в его голосе, видимо, нарочитое. Сильный, волевой человек, он вряд ли нуждается в ободрении. Тем не менее я отвечаю словами, которыми обычно пользуются в подобных случаях:

— Не теряйся, не боги горшки обжигают… А если что — спрашивай, советуйся.

— Научусь, товарищ гвардии майор. Думается, с такими орлами не пропадешь. — Брагин кивнул на группу бравых бойцов и командиров.

Навстречу с двумя автоматами на плече бежит сержант — узкоплечий, гибкий, с румяным улыбчивым лицом.

Это непорядок: команда «По вагонам» уже подана, личный состав предупрежден о недопустимости опозданий. Всем сказано, что прыгать на ходу опасно. Мы ожидали, что эшелон вот-вот тронется, но паровоз вдруг отцепили. Он начал маневрировать. Затем отошел к водокачке, потом вдруг переехал на другой путь…

— Куда? — грозно окликнул сержанта Брагин.

— Командир отделения гвардии сержант Головань, — звонко, срывающимся мальчишеским голосом доложил он, погасив улыбку. — Письма ребята просили отправить… Потому и опаздываю немножко…

— Откуда родом? — спросил я сержанта.

— С Кубани, станица Раевская.

— Слышал, у вас там гитлеровцы побывали. В семье-то все благополучно?

— Ой, товарищ гвардии майор, что понаделали!.. Два моих братана погибли. Сколько хат попалили да разграбили…

Лицо парня посуровело. От улыбки не осталось и тени.

— Мстить врагу надо, товарищ Головань!

— Да уж щадить их, гадов, не буду.

Сержант плотнее прижал к груди автомат. Выразительно похлопал по нему.

Пока мы разговаривали с Голованем, к нам подошел капитан Гора. Глядя вслед удаляющемуся сержанту, я спросил:

— Это и есть тот ваш земляк?..

— Он самый.

— Поговорите еще, подбодрите.

Стучат колеса. Уже проехали Крым. Поезд мчится по Украине. Свободного времени много. Любители поспать, как говорит ротный весельчак, «дрыхнут без отрыва от нар». А Голованю не спится. Под стук колес вспоминается о том, о сем…

Через распахнутые двери теплушки виднеются выжженные зноем незасеянные поля, разрушенные строения, обломки вагонов, автомашин.

В эшелоне продолжается внешне неприметный процесс: люди сближаются, раскрывают друг перед другом душу, делятся надеждами, сомнениями, тревогами, планами на будущее. Уверен, что к тому времени, как подъедем к линии фронта, в полку увеличится число закадычных друзей.

Нам, политработникам, важно использовать это время для духовного формирования полкового воинского коллектива. Ведь в него влилось много новых людей. Батальонные политработники, ротные парторги, комсорги, агитаторы всегда с людьми. Они участвуют в задушевных беседах, выступают в импровизированных концертах самодеятельности — словом, делают то, что открывает путь к красноармейским сердцам.

У каждого политработника своя манера работы, свой подход к делу. Для того чтобы заглянуть в душу человека и через нее уловить настроение всего коллектива, я выбирал нескольких бойцов и внимательно присматривался к ним. Расспрашивал о них командиров, парторгов, комсоргов, близких товарищей.

Почему мой выбор в те дни пал именно на сержанта Василия Голованя? Озадачила меня быстрая смена его настроения: за две-три минуты, пока я беседовал с ним, на лице Голованя сменилось несколько выражений: грусть, тоска, веселое лукавство, боль. «Душу этого парня, — подумал я, — можно читать как раскрытую книгу. Интересно, что же в ней будет завтра, послезавтра, через

месяц и через полгода, если только военная судьба будет добра к нам обоим?»

Вскоре я узнал, что Василий Головань родился в семье землепашца. Было ему два года, когда случилось несчастье: отец поехал в лес по дрова, да лошади понесли, телега наскочила на пень. Батька разбился насмерть. Мать — Ксения Сергеевна — в тридцать лет осталась вдовой с пятью сыновьями на руках. Трудно пришлось ей. Два старших сына определились в наем, к кулакам. Отдавали свой скудный заработок матери. Лишь в тридцатом году, когда семья вступила в колхоз, жизнь начала постепенно налаживаться. Василия зачислили в полеводческую бригаду. Потом он перешел на ферму, вступил в > комсомол.

С началом войны Василий и его братья ушли на фронт. Прошло немного времени, и Ксения Сергеевна получила извещение: под Ростовом убит старший, Николай. Мать долго оплакивала его. А потом из фронтового госпиталя вернулся второй брат, Степан: ранило его в бою, списали из-за непригодности к службе. В августе 1942 года фашисты заняли Кубань, к сентябрю продвинулись к Новороссийску. Станица Раевская оказалась у гитлеровцев.

Лишь в сорок третьем Василий получил письмо от матери. Она сообщала: «Степана расстреляли фашисты. Меня выгнали из дому. Я поселилась у соседей. Их дом подожгли, я настрадалась в сыром погребе…»

От третьего брата, Григория, вестей не было.

Яков Варфоломеевич Гора, информируя меня о своих беседах с земляком, сказал убежденно:

— Сержант будет воевать геройски. Славный парень. Но вот страшно беспокоится о матери.

— Давайте напишем ей. Расскажем о сыне. Узнаем, может, чем-то посодействуем.

— Будет сделано, — ответил капитан.

Письма в войну, как известно, шли долго. И все же мы через сравнительно короткий срок получили от Ксении Сергеевны ответ. Под ее диктовку писала тамошняя учительница. Письмо было согрето материнской любовью к советским воинам. Оно заканчивалось словами благодарности командованию полка за заботу о сыне, пожеланиями счастья всем его однополчанам. Это письмо агитаторы зачитывали солдатам.

…Железнодорожные составы были в пути десять суток. Мы использовали их для того, чтобы во всех вагонах провести беседы о положении на фронтах, о расширении партизанского движения в тылу врага, о самоотверженном труде советских рабочих и колхозников, о гигантской работе Коммунистической партии по

сплочению и мобилизации всех сил нашего народа, его армии и флота на разгром гитлеровской армии. Особое внимание партполитаппарат полка уделял разъяснению идей и заветов В. И. Ленина, выраженных в его труде «О защите социалистического отечества». На вооружении парторгов, комсоргов, агитаторов находилась художественная литература. Помню, в частности, как молодым воинам они читали стихотворение Степана Щипачева «Ленинское знамя», которое многие из ветеранов полка знали наизусть:

Оно всю Родину объемлет,
И свет его в сердцах живет.
И мертвый, падая на землю,
На древке рук не разожмет.

Скрежещут танки, свищут пули,
Мы бьемся в яростном бою,
И знамя, пыльное в июле,
Светлеет от январских вьюг.

Оно звенит, шумит над нами,
В боях летящее вперед,
Святое Ленинское знамя,
Бессмертное, как наш народ.

Широкий резонанс среди воинов вызывали статьи верного соратника В. И. Ленина, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Михаила Ивановича Калинина, публиковавшиеся в нашей печати. Мы заботились о том, чтобы содержание этих статей стало достоянием всего личного состава. Хорошим подспорьем в работе наших агитаторов служили публицистические выступления в газетах «Правда», «Красная звезда» Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Александра Корнейчука, Бориса Горбатова, Ильи Эренбурга и других советских писателей.

Живо звучало в теплушках и слово самих красноармейцев — очевидцев событий в родных городах и селах. Хорошо помню, как в одном из вагонов бойцы внимательно слушали рассказ красноармейца Василия Супряги. Парень этот долго не получал писем от матери, очень тосковал. Командование отпустило его в деревню — она находилась на пути движения нашей дивизии. «Подсядешь в любой состав из идущих за нами вслед», — сказали бойцу. Он так и сделал. А возвратившись в свой эшелон, рассказал, что его деревня сожжена: фашисты мстили жителям за

связь с партизанами.

— Мать с братишкой, — рассказал Василий Супряга, — в землянке ютятся. Хата сгорела, одна печь торчит. Колхоз восстановили. Бабы да ребятишки работают в поле. Буряк парят да едят. Жить можно. Ну а хату построю, когда вернусь с фронта. Я так матери и сказал: береги печь, вернусь — хату к печи пристрою.

И долго потом красноармейцы повторяли как грустную шутку:

— Вернемся с войны — хаты к печам пристроим!

Случилось так, что через много лет об этих беседах в вагоне о положении в разоренных войной районах мне напомнил сержант Алексей Часнык. Он прислал письмо из станицы Попутной Краснодарского края, из своего колхоза, куда после тяжелого ранения вернулся с фронта. Ранили сержанта осенью 1944 года под селом Боров в Словакии, это был его последний бой. Отличный младший командир, храбрый гвардеец, Часнык мечтал дойти до Берлина. Осколки вражеского снаряда прервали его армейскую службу. Припомнив беседы в вагоне, красноармейские разговоры о том, как побыстрее поставить на ноги артельное хозяйство, Часнык рассказал в письме о нелегкой работе по восстановлению родного колхоза после фашистской оккупации.

В письме Часныка были такие строки: «Отдыхать не пришлось. Только приехал, еще рана ноет, осколок в легких (он и сейчас там) — а меня бригадиром поставили. Ни бричек, ни лошадей. В колхозе одни женщины, малые дети да вот я, бригадир, — полукалека с фронта. Пришлось собирать хозяйство заново. Работали день и ночь. Трудно было, но колхоз на ноги поставили. После бригадирства заведующим молочнотоварной фермой меня поставили. Председателем ревкомиссии избрали. Старался безотказно работать там, где нужен был колхозу, народу. Сейчас уже стар. Работаю конюхом. К руководству пришли новые, обученные специалисты. Так и должно быть. Мне вскорости уходить на пенсию. Жизнь хорошую мы построили, ну а что она не мне и не моим сверстникам-старикам, не беда. Я вырастил двух сыновей, двух дочерей: агронома, зоотехника, шофера, колхозницу рядовую. Имею шесть внуков и внучек. Им все, людям советским, оставим…»

…Полк выгрузился на станции Хриплин под Станиславом. 3-й горнострелковый корпус, включая нашу дивизию, поступил в распоряжение 4-го Украинского фронта. В течение месяца мы занимались боевой и политической подготовкой. Одновременно совершали марш к фронту. Воевать в условиях горно-лесистой местности учились и ветераны полка и новобранцы. Тон в учебе

задавали герои-севастопольцы, участники боев на Кавказе, в Крыму.

К середине августа сорок четвертого полк завершил переформирование, перешел на новые штаты. Возросла его огневая мощь. Нам создали условия для повышения маневренности подразделений, более четкого управления боем в горах. Вместо четырех полков ротного состава в дивизии оставалось три, но были сформированы батальоны (по два на каждый полк). По новым штатам каждый полк имел по одной роте автоматчиков, разведки, ПТР, саперов, транспортной, санитарной, батарею 76-мм горных пушек, батарею 107-мм минометов, взвод связи. Батальон состоял из стрелковых, пулеметной, минометной рот и взвода связи. Все роты — трехвзводного состава. Численность стрелковой роты достигла 110 человек. Обновилось вооружение: половина бойцов и все командиры получили автоматы, у остальных красноармейцев винтовки заменены карабинами — легким и более удобным для горной войны оружием.

Здесь, наверное, уместно хотя бы кратко сказать о боевой биографии полка, его командном составе. Полк находился в составе одной из старейших дивизий Красной Армии, совершал боевой поход в Иран. Воевал на Северо-Кавказском фронте, где был преобразован в гвардейский. За доблесть и мужество, проявленные при штурме Севастополя, ему присвоено наименование Севастопольского.

Доброго слова заслуживает командир полка гвардии майор Ефим Михайлович Моргуновский. Когда я познакомился с ним, ему едва перевалило за сорок. До войны он возглавлял горисполком в Николаеве на Украине. Не могу не сказать теплых слов и о заместителе командира полка по строевой части майоре А. П. Петрове, начальнике артиллерии А. В. Румянцеве, помощнике командира по снабжению капитане И. Ф. Агееве. Батальонами командовали по годам молодые, но уже накопившие в боях опыт капитаны М. И. Брагин и И. П. Кунин. Ротные и батарейные командиры также выращены из числа молодых, весьма энергичных лейтенантов, старших лейтенантов, получивших военное образование в училищах, а крещение огнем — на Кавказе, под Керчью и Севастополем. О всей дружной офицерской семье полка и его младших командирах речь пойдет впереди. А сейчас мне хочется рассказать об одном из самых волнующих событий в истории полка.

Было это в конце августа сорок четвертого. Ярко светило солнце. Полк выстроился в полном составе. Воцарилась торжественная тишина, когда к строю с гвардейским Знаменем в

руках подошел командующий 4-м Украинским фронтом генерал-полковник И. Е. Петров. На его кителе тесно было боевым наградам. Блестевшими от волнения глазами все мы — и ветераны, и молодые красноармейцы, сержанты, офицеры — смотрели на полотнище с надписью: «Гвардейское Знамя».

Оркестр возвестил о начале церемониального марша. После его окончания командующий фронтом вручает Знамя командиру полка. Е. М. Моргуновский произносит слова гвардейской клятвы: «Буду сражаться с врагом до полного его уничтожения, не жалея ни сил, ни крови, ни самой жизни…

Мы с честью и доблестью всюду побеждали врага, истребляя и изгоняя его с нашей советской земли».

Вслед за командиром единым звуком, единым дыханием повторял эти слова личный состав полка. Слова то гремели, то замирали до тысячеустого шепота. И тогда казалось, что это один человек повторяет слова клятвы как самое сокровенное, идущее от сердца.

Я смотрел на стоящих в строю хорошо знакомых людей — ветеранов полка старшину Василия Онищенко, сержанта Алексея Гришина, сержанта Петра Иваненко, многих других и думал: «Как было бы хорошо после войны, когда на земле воцарятся мир и покой, снова встретиться с этими замечательными людьми, чтобы вспомнить торжественные минуты у гвардейского Знамени, вспомнить о ратных делах полка, влившегося в легендарную советскую гвардию».

Выступившие на церемонии вручения полку гвардейского Знамени красноармейцы, командиры, политработники заверили Коммунистическую партию и Советское правительство, что всегда и везде будут верны боевому Знамени, будут оберегать его как зеницу ока и возвеличивать его славу новыми ратными подвигами, беззаветным служением Отчизне.

Ознакомившись с ходом боевой и политической подготовки в полку, с жизнью и бытом его личного состава, командующий остался доволен, но счел необходимым предупредить нас, чтобы мы не зазнавались. Обращаясь к сопровождавшему его командиру 3-го горнострелкового корпуса генерал-майору А. Я. Веденину и командиру 128-й гвардейской горнострелковой дивизии генерал-майору М. И. Колдубову, он приказал им помочь командованию полка в подготовке к предстоящим действиям в новых условиях. Генерал И. Е. Петров напомнил, что Карпаты — сложный и своеобразный театр военных действий. Здесь, подчеркнул он, не решишь боевых задач, как говорится, одним махом. Кроме высокого боевого духа, наступательного порыва в Карпатах от наших воинов требуются особая сноровка, мастерство ведения

боевых действий в горных условиях.

По представлению командования полка командующий фронтом наградил орденами и медалями наиболее отличившихся в боях красноармейцев, младших командиров, офицеров.

Задолго до войны Иван Ефимович Петров командовал дивизией, в состав которой входил и наш полк. Командующий пригласил ветеранов полка на беседу. Она носила непринужденный характер. Речь шла об ответственности ветеранов за судьбы полка, за его молодых, еще не обстрелянных или мало обстрелянных воинов.

Генерал-полковник беседовал с ветеранами неторопливо, обстоятельно. Расспрашивал об их семьях. В его вопросах, в тоне, которым они задавались, не чувствовалось официальности. Это располагало бойцов и командиров к военачальнику. Я всматривался в Ивана Ефимовича и думал, что в нем, в его облике молодецкая выправка кадрового военного как-то удачно сочетается с лицом, глазами ученого, исследователя, топкого педагога и весьма чуткого, отзывчивого человека.

Вечером командир корпуса А. Я. Веденин и комдив М. И. Колдубов, проводив командующего фронтом генерал-полковника И. Е. Петрова, возвратились в> наш полк. Вместе с бойцами и командирами они смотрели кинофильм «Суворов». Августовская ночь была свежа. Она скрывала вершины близких Карпат. Киноэкран слегка высвечивал сидевших на земле зрителей. Оживление наступило сразу же, как только суворовские чудо-богатыри преодолели смертельно опасное место на своем пути — Чертов мост.

Фильм окончился, загорелся свет. Генерал А. Я. Веденин, начпокор полковник Ф. В. Монастырский, генерал М. И. Колдубов и начподив подполковник И. П. Чибисов собрали ветеранов полка, награжденных орденами и медалями.

— Считайте, что командующий фронтом, — сказал Веденин, — наградил вас в надежде на то, что вы и в Карпатах покажете себя настоящей горной гвардией. Видели суворовских чудо-богатырей? Им было трудно, и нам будет нелегко в горах: с нами артиллерия, самоходки, которым в горах двигаться куда сложнее, чем лошадкам.

— Пройдем, товарищ генерал, — заверил помкомвзвода. старший сержант Алексей Гришин из 6-й стрелковой роты. — Поучились на Кавказе и в Крыму по горам лазить, да и здесь учимся.

— Но не забывайте, старший сержант, что в полку немало новичков. Их надо натренировать, — включился в беседу начпокор Ф. В. Монастырский.

— Мы понимаем, что опыт мастеров горной войны — лучшая школа для новобранцев, — сказал начпокору радист старшина В. Л. Онищенко. — Я лично считаю, что сегодня командующий, наградив нас, десяток ветеранов, отметил в нашем лице славные боевые традиции полка в горных боях… Вот был у меня в роте друг, связист Павел Мацюра. Он погиб при штурме Сапун-горы под Севастополем… Человек большой отваги, храбрец, умелец. И когда сегодня я получал орден, я так и понимал: мне его дают, а заслужили его, этот орден, все мы — и живые, и те, кто погиб, как Мацюра.

Позже я выяснил, что Павел Мацюра не погиб, а был тяжело ранен. После госпиталя еще воевал за Берлин в составе 146-й стрелковой дивизии. Осколок из глаза ему удалили лишь через 29 лет, а орден за бои на Сапун-горе вручили через 22 года. Об этом он написал мне из города Каменка-Днепровская, где сейчас проживает.

1 сентября наш полк в составе той же 128-й дивизии 3-го горнострелкового корпуса был передан 18-й армии (командующий генерал-лейтенант Е. П. Журавлев, член Военного совета генерал-майор С. Е. Колонии, начальник политотдела полковник Л. И. Брежнев).

С первых же дней мы почувствовали: командование армии проявляет особую заботу о горной подготовке соединений и частей. Помню, в наш полк прибыл командарм Журавлев с группой офицеров. В ее составе находился и представитель политотдела армии подполковник А. А. Евдокимов. Командующий проверил ход боевой подготовки, побывал на батальонных и ротных занятиях.

— Не ослабляйте внимания к подготовке воинов к боям в горах и лесах, к трудным маршам по горным тропам, — такое напутствие дал нам командарм.

Политотдел 18-й армии имел богатый опыт работы в специфических условиях горной войны. На полковом партсобрании, на встрече с партийным и комсомольским активом в подразделениях подполковник Евдокимов рассказал о партполитработе в частях и соединениях армии.

Представители 18-й армии побывали и в других частях нашего корпуса. В корпусе с группой офицеров находился начальник политотдела армии полковник Л. И. Брежнев. Он созвал начподивов, работников политотдела корпуса. Леонид Ильич Брежнев познакомил участников совещания с обстановкой на фронте, с задачами, стоящими перед 18-й армией. На совещании присутствовал и наш начподив подполковник И. П. Чибисов. Возвратившись в дивизию, он пригласил к себе

замполитов частей, рассказал о полученных указаниях.

— Начальник политотдела армии, — подчеркнул Чибисов, — нацелил политорганы, партийный и комсомольский актив 18-й армии на выполнение главной задачи — во что бы то ни стало и с наименьшими жертвами преодолеть перевалы Главного Карпатского хребта.

Чем меньше оставалось времени до решающих боев на перевалах Главного Карпатского хребта, тем напряженнее становилась учеба в полку. В ходе занятий наибольшее внимание уделялось тактической подготовке, маршевой выучке на горных перевалах, освоению радиосвязи.

Основным нашим транспортным средством были лошади. Полк их имел свыше четырехсот. Как-то к нам приехали генерал М. И. Колдубов и подполковник И. П. Чибисов. Комдив стал тщательно проверять наше транспортное хозяйство. По тому, как он морщился, нетрудно было определить, что комдив недоволен. Голос генерала, басовитый в обычное время, в минуты раздражения становился высоким, сипловатым. Однако чувство юмора не оставляло его даже тогда.

— Придется ваш полк на охране тылов дивизии использовать, — сказал он Моргуновскому. — Военторг будет двигаться за вами, а вам поручим охрану хозяйственных повозок, если не научитесь вьючить пушки. Так ведь, товарищ Чибисов?

Чибисов покосился на Моргуновского и неопределенно хмыкнул.

— Почему же так, товарищ гвардии генерал? — спросил помрачневший Моргуновский, разумеется, давно уже распознав подвох.

— Хозяйственные повозки идут вслед за дивизией но хорошим дорогам. Вьючить вы не умеете, двуколок у вас нет.

— Поправим дело, товарищ гвардии генерал. Коммунистов и комсомольцев мобилизуем, они помогут, — поддержал я своего командира полка.

— Три дня вам даю, — жестко приказал комдив, уезжая. — Три дня, ни на полчаса больше. Проверю.

Вскоре Моргуновскому позвонил командир соседнего 315-го полка И. А. Костин:

— Слушай, как у тебя дела с вьючением? Генерал не предлагал охранять военторг?

— Предлагал, Иван Алексеевич, — сокрушенно признался Моргуновский.

— Не печалься, мне тоже предлагал.

Обещание, которое мы с Моргуновским дали Колдубову и Чибисову, — поправить дело с обучением вьючению и с

подготовкой транспорта полка к передвижению по горному бездорожью — подхлестнуло нас. Сам командир полка, его штаб, политаппарат, коммунисты и комсомольцы взялись за дело засучив рукава. Было проведено полковое собрание воинов, имеющих опыт боев в горах, с участием командного состава, партийного и комсомольского актива. Подразделения, имевшие горно-вьючных лошадей и повозки, тренировались и днем и ночью. Специалисты (такие нашлись) занимались изготовлением горного снаряжения, двуколок.

Через три дня комиссия штаба, политотдела и тыла дивизии проверила выполнение указаний комдива. Колдубов остался доволен нашим полком, о чем он и начподив донесли в вышестоящие инстанции.

В книге Маршала Советского Союза А. А. Гречко «Через Карпаты» (см. издание 2-е, М., Воениздат, 1972 г.) дается высокая оценка работе, проведенной в 327-м полку. Там сказано: «На собрании боевого актива 327-го гвардейского горнострелкового полка 128-й гвардейской горнострелковой дивизии был внесен целый ряд ценных предложений. Гвардии старший сержант Абакумов предложил изготовить горные вьюки из подручного материала. Для перевозки грузов бойцы предложили переделать повозки на двуколки. В полку за короткое время было изготовлено 20 двуколок и другое снаряжение, необходимое в горах. В этом же полку проводились сборы вьюковожатых и тренировка вьючных лошадей».

Опыт боев в горах, приобретенный нами в Крыму, конкретная обстановка, в которой мы находились, подсказывали, что необходимо максимально приблизить учебу к условиям горной войны. Во 2-м стрелковом батальоне, командиром которого был капитан М. И. Брагин, а заместителем по политчасти капитан П. Г. Поштарук, было проведено показательное учение на тему: «Наступление усиленного горнострелкового батальона в горно-лесистой местности». Учением руководил командир полка. Прошло оно, на мой взгляд, успешно. Батальон показал неплохую выучку. Командир батальона и командиры рот уверенно управляли «боем». После разбора итогов учения Моргуновский уехал на КП, а я с Брагиным пошел в 5-ю стрелковую роту. Здесь комбат проводил частный (ротный) разбор учения. В этой роте особенно отличилось отделение сержанта В. Н. Голованя. Когда «противник» огнем остановил наступавшую на высоту роту, Головань со своим отделением сумел незамеченным с фланга зайти в тыл обороняющимся и ударить им в самое уязвимое место. Это решило исход дела — 5-я рота воспользовалась замешательством «противника» и «уничтожила» его опорный

пункт. Сержанту Василию Голованю и его отделению комбат объявил благодарность.

Головань, худощавый, чернобровый, застенчивый, стоял перед рослым, крупным Брагиным и казался совсем мальчишкой. А Брагин басил:

— Молодец, сержант. Именно так — смело, инициативно, решительно — и надо действовать… Обороняющиеся не опасались удара с тыла, полагались на непроходимую местность, на скалу. А что сделал сержант? — обратился Брагин к присутствующим. — Сержант нашел щелку, пролез со своим отделением да в спину ударил! Вот что сделал сержант!

— А страх? А паника? — подсказал я Брагину.

— Само собой, — подхватил комбат. — Страх, вызванный атакой с тыла, непременно породил бы у противника панику. В этом, пожалуй, главный смысл маневра.

…Когда мы с Поштаруком возвращались на командный пункт полка, в Карпатах темнело. В селе Витвица, приютившемся у подножия горы, засверкали огни.

Усталый, я шагал, ни о чем не думая. Поштарук тоже молчал. Неожиданно мы наткнулись на сержанта — у обочины дороги он возился с катушкой телефонного кабеля.

— Костин? Что делаете?

— Кабель сматываю.

На учении, как выяснилось, сержанту Костину пришлось тянуть связь с ротой Григоряна. Чтобы быстро размотать кабель, Костин воспользовался руслом реки. Привязав к кабелю камни, он топил их в воде. Маневр сержанта нам показался целесообразным: связисту не надо было прыгать по горным выступам, обходить скалы. Поблагодарив сержанта за инициативные действия, мы пошли дальше. По пути Поштарук рассказал, что Костина недавно приняли в комсомол и он, Поштарук, вручил ему комсомольский билет. Поштарук почти дословно передал мне свой разговор с сержантом.

— Почему раньше не вступал? Ведь партизанил на Кубани, а в комсомол не вступал. Почему?

— Душой я давно комсомолец. Звание это оправдаю.

— Так и запишем. Только вот ответь еще на один вопрос: как это ты зайцев стрелял? Как колхозниц в поле всполошил?

— Бес попутал. Прокладывали мы линию связи. А заяц выскочил из-под ног и помчался в лес. Ну я по нему из карабина. А в поле бабы работали…

— Убил?

— Нет, убежал, проклятый.

— Значит, и стрелок из тебя неважный. Смотри, чтоб

дисциплина у тебя больше не хромала.

Я спросил Поштарука, откуда он узнал о случае с зайцем. Поштарук ответил, что от офицера, случайно проходившего мимо, и признался, что они с Брагиным не доложили об этом командованию полка.

— Почему?

— Брагин, — сказал Поштарук, — слишком резковат, хотел было разжаловать Костина за выстрел по зайцу. Только после моих уговоров комбат согласился под ответственность своего заместителя по политчасти испытать Костина в бою.

— А до этого вы что-нибудь слышали о Костине?

— Нет, ничего не слышал. Впервые узнал о нем, когда получил его заявление о приеме в комсомол, — ответил Поштарук. — Но поверил в него. Он деловит, откровенен, не кривит душой.

После этого разговора у меня родилась мысль: по единичному случаю, какой бы он ни был — значительный или незначительный, — едва ли можно выработать правильное суждение о человеке. А тем не менее кое-кто слишком часто верит первому впечатлению, а то и просто случайно брошенному слову. Разумеется, интуиция нужна, но она всего не решает.

Мне вспомнился разговор с Моргуновским о Брагине.

Командир полка намеревался наказать или по крайней мере отчитать Брагина «за пререкания».

— Самоуверенный, нескромный, любит спорить с начальством, — с нотками раздражения в голосе говорил Моргуновский.

Я хорошо знал Брагина и потому возразил:

— Но заметьте, это не от нескромности, а от уверенности, что он прав, от желания отстоять свою точку зрения. Он спорит лишь тогда, когда отстаивает взгляды, в которых убежден. Правда, иной раз это принимает у него резковатую форму. Человек он прямой. Да и скажите, кто лучше — офицер, который только поддакивает начальству, или тот офицер, который не боится высказать свое мнение?!

Я назвал Моргуновскому одного из командиров, отличавшегося тем, что никогда не имел своего мнения и всегда поддакивал начальству.

Мне кажется, что я убедил Моргуновского. Да, по одному признаку, да еще и внешнему, нельзя судить о человеке.

Помню, после того разговора Моргуновский довольно долго молчал, что-то обдумывая. Потом спросил:

— А Поштарук что собой представляет?

— Поштарук как нельзя кстати у Брагина, — ответил я.

Действительно, Брагину повезло: его заместитель по политчасти капитан П. Г. Поштарук человек эрудированный, уравновешенный. По пустякам не горячится. Умеет глубоко проникнуть в красноармейское сердце. Каждый раз, когда я смотрел на Петра Поштарука в работе, его облик ассоциировался у меня со столяром, стоящим за верстаком и неторопливо делающим красивые и добротные вещи…

Широкий круг вопросов боевой подготовки, в комплексе отрабатывавшихся на тактических учениях и занятиях, определял и тематику бесед, докладов, с которыми выступали агитаторы, ветераны кавказских и крымских боев. Весьма эффективной формой работы ветеранов оказалась их индивидуальная шефская помощь новым бойцам. Смотришь — на занятии в горах «старичок» показывает «молодому», как поставить прицел на карабине — стрельба в горах имеет свои особенности, в установке расстояний и прицела надо делать определенные поправки.

Там же, на местности, ветераны учили новобранцев приемам перебежек в горах, умело используя камни, выступы скал, ручьи и т. д. Бывало и так: ночью все уже спят, а ветеран с новичком, укрывшись шинелями, все еще потихоньку шепчутся о том, как в горном бою перехитрить противника — его уничтожить, а самому остаться целехоньким.

Полковой парторг Л. Б. Консон, парторги и комсорги батальонов и рот направляли внимание коммунистов и комсомольцев на то, чтобы помогать командирам в обучении бойцов действиям в горах. С агитатором полка и членами партбюро мы разработали тематику бесед об особенностях горной войны. Назову лишь некоторые темы: «Особенности движения по горным тропам, без троп, через горные речки. Обязанности вьюковожатого в горах»; «Как ориентироваться в Карпатах»; «Особенности ведения огня в горах из карабина, пулемета, миномета, орудия»; «Гранатный бой в горах»; «Что требуется от телефониста, радиста, посыльного в горах»; «Почему обманчива тишина в Карпатах»; «Без разведки — ни шагу»; «Воевать не числом, а умением»; «Успех боя в горах часто решает горстка смельчаков»; «Дерзость, храбрость, взаимовыручка-качества гвардейца»; «Учись наносить врагу внезапные удары с тыла и фланга».

Парторги, комсорги, командиры подразделений обеспечили агитаторов брошюрами о Карпатском театре военных действий, листовками и памятками, изданными политуправлением 4-го Украинского фронта и политотделом 18-й армии. Командный состав получил специальные инструкции о действиях в горно-лесистой местности, изданные штабом 4-го Украинского фронта.

Эти инструкции дополняли некоторые уставные положения.

Беседы были проведены также с поварами, санитарами, подносчиками пищи в термосах по ротам и взводам, с шоферами, повозочными. Беседы насыщались конкретными примерами из опыта ветеранов полка, ранее воевавших в горах — на Кавказе, в Крыму. Приведу один из них.

После того как генерал Петров вручил орден Славы II степени командиру стрелкового отделения А. А. Гришину, отличившемуся в боях на Крымском полуострове, агитатор красноармеец Михаил Платонов по заданию парторга роты подготовил обстоятельную беседу об опыте Гришина. «Как отделение сержанта Гришина захватило вражеский дзот в горах» — такова была тема беседы агитатора. Я внимательно слушал Платонова. Говорил он просто и дельно. И это нравилось бойцам.

— Кусты Гришин использовал очень умело, тщательно замаскировался и дополз до вражеского дзота незамеченным, а потом в амбразуру полетели его гранаты. Вот и все. Вроде просто? — спрашивал Платонов своих слушателей. И сам же отвечал — Конечно. Но просто — при условии, что ты соображаешь, как надо действовать, а не дуром прешь. Просто, если ты смел и настойчив, если ты умеешь гранату бросить как надо и куда надо.

— А то бросишь, да промахнешься. Как Ильин, — сказал сидевший рядом с Платоновым боец.

— Чуть командира не задел… Хорошо, что командир успел отскочить в сторону, — подхватил Платонов.

— А как сейчас Ильин? — спросил я Платонова.

— Вроде бы ничего. — Платонов обвел взглядом своих слушателей.

— Научился, научился, — послышались голоса.

— Да я и умел, а как тогда получилось — сам не пойму, — смущенно оправдывался Ильин. — Да вы посмотрите, как я гранаты бросаю…

Платонов вопросительно взглянул на меня. Я разрешил, и бойцы двинулись к учебному нолю, подшучивая над Ильиным…

У политработников полка немало самых разнообразных обязанностей. В одиночку с ними не справиться. Если не будешь опираться на командиров, партийный и комсомольский актив, — желаемых результатов не достигнешь.

Думая о предстоящих боях, я вновь и вновь окидывал мысленным взором людей, на которых следует опираться.

Сам я на фронте — до прихода в Карпаты — прошел путь от красноармейца до заместителя политрука роты, затем был политруком, комиссаром батальона и замполитом полка.

Ближайшими своими помощниками я считал парторга полка старшего лейтенанта Л. Б. Консона и агитатора полка капитана Я. В. Гору. Оба они грамотны, хорошо подкованы в военном и в политическом отношении. Яков Варфоломеевич обладал еще одним великолепным даром — педагогическим. Это позволяло ему быстро устанавливать душевные контакты с воинами, создавать в ротных и батальонных коллективах атмосферу доброжелательности, взаимного доверия. Он не администрировал, был неизменно мягок к старательным воинам и суров к нерадивым, пассивным и равнодушным людям. Собственное счастье Я. В. Гора видел в счастье воинского коллектива.

Лучшего агитатора для полка, чем Яков Гора, я и не мыслил. Беспокойный, целеустремленный, всегда среди бойцов и командиров, человек большой душевной щедрости— таким остался в памяти моей капитан Гора.

Никогда не забыть мне и Л. Б. Консона. Его словно магнитом притягивали красноармейские блиндажи, окопы, доты и дзоты. Именно здесь с наибольшей полнотой раскрывались его высокие партийные качества: умение зажигать сердца воинов пламенным коммунистическим словом, направлять работу ротных партийных организаций на то, чтобы каждый боец, сержант, офицер был лично причастен к делам своего подразделения, всего полка, всей дивизии и армии. При самых острых ситуациях парторг не впадал в уныние, терпеливо преодолевал трудности, личным примером увлекал красноармейцев на подвиги. Кое-кому он вначале казался слишком спокойным, замкнутым, порой даже угрюмым. Но, узнав его лучше, люди проникались к нему искренним доверием, большим уважением.

До призыва в армию Л. Б. Консон прошел хорошую трудовую школу. Восемнадцатилетним юношей он поступил на работу в модельный цех Кировского (Путиловского) завода в Ленинграде. Там же его приняли в партию, избрали в заводской комитет комсомола. Рабочую школу «Красного путиловца» Консон очень ценил. Она помогла ему успешно справиться с ответственными обязанностями, когда Ленинградская партийная организация в тридцатых годах выдвинула его на должность помощника начальника политотдела МТС по комсомолу. Перед войной, уже из города Николаева, где он возглавлял комсомольский комитет на крупном судостроительном заводе, Консон вернулся в Ленинград. Отсюда ушел на фронт.

Л. Б. Консона и Я. В. Гору я знал по совместной, правда недолгой, службе в 319-м гвардейском горнострелковом полку. Поэтому присматриваться друг к другу нам не было нужды и за

работу в новом полку мы принялись дружно, без раскачки.

Комсорг полка Михаил Хорошавин тоже был близким для меня человеком. Мы частенько беседовали с ним. За кружкой чая обменивались мыслями о том, как активизировать комсомольскую работу среди молодых воинов, быстрее вовлечь их в снайперское движение. Обоих нас беспокоила одна мысль: новобранцы, которыми пополнились роты и батальоны, призванные из районов Западной Украины, медленно свыкались с воинской жизнью, полной невзгод, неожиданностей и опасностей.

— Работы с новобранцами, еще не обстрелянными и не «обкатанными» в горах, — сетовал Миша, — много. Радует нас то, что весь полковой партполитаппарат мобилизован на усиление воспитательной работы с молодыми воинами.

Находясь в батальонах, ротах и на батареях, я видел, что красноармейцы — ветераны и молодые — душой и сердцем тянулись к Михаилу Хорошавину. Значит, нравился им этот парень с юношеским задором, всегда веселый и сосредоточенный, умеющий находить общий язык с молодежью.

На первом плане живая работа с людьми была и у заместителей командиров батальонов по политчасти И. Е. Кокорина, П. Г. Поштарука, парторгов батальонов Ф. Е. Есика, Г. Ф. Мазницы, батальонных комсоргов В. Т. Силенко, М. Б. Баландина. Но не все они в одинаковой мере владели формами и методами партийно-политической работы в батальонном звене. Пришлось им помогать.

Вместе с партийным и комсомольским бюро полка мне приходилось серьезное внимание уделять расстановке коммунистов и комсомольцев по подразделениям, подготовке партийных и комсомольских собраний, инструктированию агитаторов, редакторов боевых листков-молний.

Особое внимание мы уделили созданию первичных парторганизаций в батальонах и спецподразделениях полка, ротных и батарейных парторганизаций. Перед началом боев в Карпатах в полку насчитывалось 350 членов и кандидатов партии, 500 комсомольцев. В батальонах было по 85–90 коммунистов и по 120–130 комсомольцев, в ротах по 15–20 коммунистов и 30–35 комсомольцев.

Мы стремились к тому, чтобы ротные и батарейные парторганизации возглавили авторитетные люди из числа младших командиров и красноармейцев, а там, где не представлялось такой возможности, — офицеров. Парторганизацию 2-й стрелковой роты, например, возглавила лейтенант медицинской службы Надежда Буренина. Еще до войны она пришла в полк. Здесь вступила в партию, приобрела

опыт в боях и походах. Эта внешне хрупкая девушка вынесла из огня десятки раненых. Парторганизацию 3-й стрелковой роты возглавлял помкомвзвода Яков Ненахов. Участник войны с первого ее дня, он зарекомендовал себя инициативным партийным вожаком, храбрым воином.

Ротные парторги приходили в полковое партийное бюро как в родной дом. Не стеснялись ставить острые вопросы, волновавшие красноармейцев и сержантов. Запомнилась беседа с парторгом 5-й стрелковой роты Леонидом Сарычевым. Ему в то время шел 31-й год. На фронте находился с июля 1941 года. Его грудь украшали боевые награды. Партийный же стаж Сарычева был совсем маленький.

— Как вы представляете себе обязанности парторга роты в условиях горной войны? — спрашиваю его.

— Показывать пример в бою, в дисциплине.

— А кто подберет коммунистам партийные поручения? Кто подготовит партийное собрание?

Сарычев сначала молчал. Лицо его было угрюмым. После короткой паузы он откровенно признался мне и секретарю полкового партийного бюро:

— Честно скажу, что в вопросах внутрипартийной работы пока не силен. Прошу помочь мне.

Да, мы почувствовали, что Леонида Сарычева нельзя оставлять без внимания. К нему все чаще приходили члены полкового партийного бюро, батальонный парторг, заместитель командира батальона по политчасти. Непосредственно в роте, на горных занятиях, они учили молодого парторга практическому применению наиболее действенных форм и методов внутрипартийной работы, рассказывали о том, как работают лучшие парторги в других ротах.

Постепенно Леонид Сарычев накапливал опыт и знания. Работа его становилась плодотворнее.

Критерием высокого идейного уровня воспитательной работы в массах наша партия всегда считала и считает ее действенность, результативность. Мы доводили эту истину до парторгов, комсоргов, всех коммунистов и комсомольцев. При этом неизменно подчеркивали, что в условиях армии действенность партийно-политической работы определяется не количеством собраний, совещаний, семинаров, инструктажей, не только докладами и беседами, а состоянием морального духа советских воинов, их дисциплиной, организованностью, умением личного состава в совершенстве владеть своим оружием, готовностью каждого воина к преодолению трудностей на пути к достижению победы. В индивидуальных беседах, на семинарах

политработники полка нацеливали парторгов и комсоргов на усвоение непреложного, жизнью подтвержденного факта: успехи в бою, разгром противника малой кровью — вот что в конечном счете является главным показателем качества воспитательной работы.

Лозунги партии — «Очистим от фашистских захватчиков всю нашу землю», «Преследовать раненого фашистского зверя по пятам и добить его в собственной берлоге» — определяли направление всей партийно-политической работы в подразделениях полка.

Горные условия требовали значительной рассредоточенности подразделений. Иногда взвод от взвода, отделение от отделения находились на большом расстоянии. Не всегда удавалось заранее посоветоваться со всеми коммунистами и комсомольцами о повестке дня предстоящего партийного собрания, о сроках его созыва. Мы старались при любых трудностях обеспечивать регулярное проведение собраний коммунистов в подразделениях. Чаще всею они проходили накоротке: фронтовая обстановка не позволяла затягивать прения, выносить пространные решения.

Повестку дня партийных собраний диктовала сама жизнь. Сошлюсь на два примера. Командование полка проверило, как в минометной батарее обучают молодых красноармейцев. Выяснилось, что не все они научились быстро и надежно вьючить минометы и боеприпасы. Значительная часть рядовых минометчиков и некоторые младшие командиры слабо ориентировались в горах, не пользовались компасами. Естественно, что партийная организация не могла не реагировать на эти недостатки. Она обсудила их на собрании. Разговор состоялся деловой, серьезный. Были вскрыты причины недостатков. Собрание предъявило строгий счет тем коммунистам, которые не показывали личного примера молодым воинам в учебе, не заботились о том, чтобы быстрее «обкатать» их в условиях горно-лесистой местности.

Решение собрания было предельно кратким и конкретным: обязать членов партии повысить личную ответственность за устранение недостатков в боевой подготовке новобранцев, оказывать им всемерную помощь в освоении передовых приемов и методов действий в Карпатских горах.

Партийное собрание оставило заметный след в жизни личного состава минометной батареи. Вторичная проверка ее боеготовности показала, что минометчики шагнули вперед, избавились от недочетов, которые были обнаружены перед партийным собранием.

Удачно, на мой взгляд, выбрали повестку дня одного из своих

собраний и коммунисты 1-й стрелковой роты 1-го батальона: «Бдительность — наше острейшее оружие». Конкретным поводом для обсуждения этого вопроса послужило неправильное поведение двух красноармейцев роты. Дело было так. В прифронтовом горном селении Витвица орудовала банда бандеровцев. Патрулирование Витвицы осуществляла 1-я стрелковая рота. И вот однажды ночью бандеровцы пробрались в селение, ограбили крестьян, погрузили награбленное в повозку и пытались ускользнуть в горное ущелье. Патрульную службу в Витвице в ту ночь несли красноармейцы Ткаченко и Ковальчук. Оказалось, что они проморгали лазутчиков, увлекшись разговором с двумя девушками. Девушек же к нашим патрулям подослали бандеровцы. Правда, повозка с ворованным крестьянским имуществом не попала в осиное гнездо бандитов — ее перехватили красноармейцы Емец и Фоменко из 3-й стрелковой роты 1-го батальона. Но самим бандеровцам удалось ускользнуть в горы.

Коммунисты 1-й роты были едины во мнении, что безответственное отношение красноармейцев Ткаченко и Ковальчука к несению патрульной службы заслуживает сурового осуждения и что это должно послужить предметным уроком для личного состава подразделения.

Должен сказать, что общественное мнение, созданное партийной организацией 1-й стрелковой роты, ее нетерпимость к тем, кто халатно относится к службе, оказали влияние на бойцов и командиров всех подразделений полка.

Составной частью партийно-политической работы в полку являлись вопросы нравственных, иногда даже сугубо интимных отношений между людьми. Плечом к плечу с пехотинцами, минометчиками, связистами, разведчиками, воинами других специальностей фронтовую вахту несли девушки — фельдшеры, медицинские сестры. У нас в полку служило более пятидесяти девушек и женщин. Кто они? Вчерашние работницы, труженицы колхозных и совхозных нив, врачи, педагоги, студентки. Они пришли на фронт, чтобы в едином строю с красноармейцами защищать Родину. Неодинаковы у них были воинские обязанности. Одни обеспечивали ротам и батальонам телефонную и радиосвязь. Другие несли медицинскую службу. Третьи шили, ремонтировали и стирали воинское обмундирование. Все они своими нежными женскими руками и душевными словами старались скрасить полный невзгод фронтовой быт наших воинов. И за это их уважали, любили.

Но были и сложные ситуации. Однажды вместе с парторгом полка Л. Б. Консоном в мой блиндаж вошла Любовь Еськина,

фельдшер медсанроты полка. Девушка была чем-то сильно обеспокоена.

— Тревожно у меня на душе, Василий Максимович… Я все рассказала парторгу. Речь идет о грубияне и нахале. Я говорю о Суркове. Взводом он командует, а вот в руках себя держать не хочет. К Тосе, санинструктору, моей подруге, давно пристает. Вчерашней ночью, когда она спала под грабом, подобрался… Надо принять строгие меры к лейтенанту Евгению Суркову, как-то охладить его.

— А что Тося вам сказала? — спросил я.

— Нерешительная она. Я ей внушаю: не смей жалеть!

Прямого ответа на жалобу Любови Еськиной в тот вечер я не дал. Произнес лишь одну фразу: «Потолкую с обоими».

У меня не было сомнения, что Люба искренне тревожится за подругу, но надо было как следует во всем разобраться.

Житейский опыт подсказывал мне: в ситуациях деликатного, интимного характера поспешность вредна. Для меня не было секретом то, что в окружении мужчин нашим девушкам бывало нелегко.

На следующий день ко мне пришла Тося Самохвалова.

— Вам Люба говорила… Это не так… Я совсем по другому поводу хотела с ней посоветоваться, — сказала мне Тося, волнуясь и краснея. — Евгений — неплохой, верю, что любит меня. Что касается жалобы моей подруги Любови Еськиной, высказанной парторгу и вам, то я сама виновата. Люба неправильно восприняла мой рассказ… В общем, я люблю Евгения, и мы после войны, наверное, поженимся.

«Женский вопрос» не оставался вне поля зрения политработников, партийных и комсомольских организаций. Вместе с командиром полка Ефимом Михайловичем Моргуновским, замполитами в батальонах, парторгами и комсоргами в ротах мы заботились о том, чтобы наши девушки и женщины чувствовали себя в гвардейской полковой семье как в родном доме, чтобы им были созданы благоприятные условия для работы и культурного досуга. В ротных, батальонных и полковом коллективах художественной самодеятельности они могли и потанцевать, и прочитать стихи, и спеть любимые песни. Правда, в условиях непрерывных налетов вражеской авиации и артиллерийских обстрелов позиций полка не всегда удавалось организовывать вечера художественной самодеятельности, показывать кинофильмы, устраивать литературные диспуты. Но в дни относительного огневого затишья в подразделениях можно было услышать песню, увидеть лихую красноармейскую пляску, посмотреть кинокартину…

К сожалению, таких дней затишья было мало. А с ночи на 18 сентября их стало еще меньше, потому что в эту ночь полк пересек советско-польскую границу и все ближе подходил к линии фронта.

В районе польского города Санок 128-я дивизия, весь наш 3-й горнострелковый корпус из фронтового резерва были переданы 1-й гвардейской армии. Она наступала в полосе главного хребта Восточных Карпат. Наш корпус предназначался для наращивания удара, который советские войска наносили по немецко-фашистским войскам.

Ночной марш в горах был трудным. Слева от дороги, по которой двигался полк, раздавалась канонада. Я ехал на копе рядом с Моргуновским.

— Скоро в бой, Ефим Михайлович, — сказал я Моргуновскому.

— Ну что ж, мы готовы, — отозвался он. — Так ведь?

Моргуновский взглянул на часы со светящимся циферблатом. Вокруг не было видно ни зги. Привыкшие к ночным походам, наши лошади каким-то чудом сами обходили ухабы, выбоины, проявляли особую осторожность у горных пропастей, подстерегавших нас слева и справа. И мы доверились чутью верховых коней, горные дороги, тропы для которых не страшны даже ночью.

На сравнительно ровном участке дороги лошади взбодрились, ускорили шаг. Отгоняя сон, я мысленно переносился то на Кавказский хребет, то в Крым, то на Кубань. Ведь многие из тех, кто сейчас шагает по ухабистой дороге в Восточных Карпатах, вместе со мной участвовали в боях, кипевших в тех районах. Одна за другой оживали в памяти картины жестоких боев. Невольно вспомнилась и крылатая фраза, произнесенная агитатором полка капитаном Я. В. Горой в одной из бесед с молодыми воинами нашего полка: «Защитники Кавказа и Крыма — горные орлы!» Преувеличение? Нет. Агитатор сказал правду. Действительно, они проявили в боях мужество, выдержку и стойкость. Скоро они расправят свои крылья и здесь, в Карпатах…

Ефим Михайлович лишь изредка подъезжал ко мне. Обменявшись двумя-тремя фразами о положении дел, мы расставались. Еще перед началом марша было условлено: командир полка навестит в пути 1-й батальон и минометные батареи, а я — 2-й батальон и тыловые подразделения. Конечно же, мы не опекали командиров подразделений и их заместителей по политчасти. Им была предоставлена полная свобода действий. Наша задача заключалась в том, чтобы контролировать

выполнение приказа о ночном марше, вносить необходимые коррективы, если их потребует обстановка.

…Забрезжил рассвет. Полк свернул в лес на дневку. Командование заранее позаботилось о том, чтобы обеспечить каждое подразделение скрытым от воздушной разведки противника и удобным для отдыха местом. Тылы — походные кухни, санчасть, транспортная рота, ремонтные мастерские — мы расположили в ущельях, хорошо замаскированных лиственницей. Я побывал у поваров, медиков, транспортников, ремонтников. Надо было добиться, чтобы к назначенному часу все было готово — и обед, и лекарства для приболевших, и обмундирование, поступившее в ремонт.

Возвращаясь из тыловых подразделений в штаб полка, на узкой поляне примечаю Моргуновского, комдива Кол-дубова и начподива Чибисова. Подгоняю лошадь. Минут через десять представляюсь, докладываю, что марш полковой тыл совершил без ЧП. Под глазами комдива вижу мешки. Но разговор с Моргуновским генерал пересыпает шутками и подковырками. Расстелив на плащ-палатке топографическую карту, он говорит:

— Итак, хватит бездельничать. Пора воевать.

— Правильно. Довольно бездельничать… Вот почему только у них на гимнастерках соль выступила? — хмыкнул Чибисов, указывая на красноармейцев, несущих бидоны с питьевой водой на кухню.

— Кто их знает, — неопределенно отозвался Колдубов. И тотчас же перешел на серьезный тон: —Слышали о Словацком национальном восстании? Мы обязаны помочь словакам. Первая гвардейская армия генерала Гречко уже несколько дней осуществляет наступательную операцию. Нашу дивизию и весь корпус вывели из фронтового резерва. Теперь мы — в распоряжении Первой гвардейской. Производите рекогносцировку. Через сутки ваш полк вступит в бой.

Мы склонились над картами. Уточнили вопросы, связанные с выполнением задачи, поставленной перед полком. Я попросил начподива подробнее рассказать о Словацком восстании.

— Когда линия фронта приблизилась к границам Словакии, — сказал Иван Пахомович, — словацкие патриоты под руководством своей коммунистической партии с оружием в руках выступили против гитлеровцев и марионеточного режима Тисо. Гитлеровское командование встревожилось, но не собиралось без боя выводить свои войска из Восточных Карпат. Наоборот, считая этот район важным в политическом, экономическом и стратегическом отношении, оно спешно укрепляло здесь оборонительные позиции. Гитлер отбросил игру в «суверенитет»

Словацкого государства. 23 августа 1944 года Словакия была оккупирована. Народ поднялся на борьбу с оккупантами. 31 августа руководители Словацкого национального восстания от имени всего народа Словакии обратились за помощью к Советскому правительству. Эта просьба удовлетворена. Советское Верховное Главнокомандование 2 сентября дало директиву Первому и Четвертому Украинским фронтам: не позже 8 сентября начать наступление в стыке фронтов, с тем чтобы ударом из района Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти к чехословацкой границе и соединиться с повстанцами.

— Нам, командирам и политработникам, — сказал в заключение начподив, — необходимо осмыслить и разъяснить каждому воину, идущему в бой, значение происходящих на словацкой земле событий.

После рекогносцировки я собрал политработников полка. Передал им содержание указаний комдива и начальника политотдела дивизии. На совещании выступил и комсорг полка Михаил Хорошавин. Он сообщил, что в соседнем полку 318-й горнострелковой дивизии нашего же корпуса находится немолодой сержант, который служил в армии Брусилова и воевал в районе, где мы сейчас располагаемся.

— Сам слышал от этого сержанта, что он нашел место, где был его окоп. Сержант показал нам это место, вспомнил погибших однополчан, — сказал Хорошавин.

Комсорг навел меня на мысль: рассказать политработникам о Брусиловском прорыве в Карпатах, а затем эту страницу русской солдатской славы сделать достоянием всего личного состава полка. Так я и сделал.

Политработники разошлись по подразделениям. Вместе с Поштаруком я направился во 2-й стрелковый батальон. Около полевой кухни толпились солдаты. Командир хозвзвода, старшина Визнюк, поднявшись на колесо, громко продекламировал:

Ах, каша, каша,
Ты пища наша,
Любовь солдата,
Его услада!

— Подходи, братцы, подставляй котелки! — призывал красноармейцев старшина.

Солдаты, как видно уже привыкшие к шуткам старшины, подходили, бренча котелками и на ходу вынимая ложки. В сторонке, под развесистым дубом, пристроился с котелком

вихрастый белоголовый мальчик.

— Ешь как следует, ешь! Гречневая каша — пища полезная, — внушал мальчику сержант.

Я узнал сержанта. Это был Виктор Костин. У него было запоминающееся широкое, доброе лицо и как бы раздвоенный подбородок.

— Польские… Голодные ребятишки-то, — пояснил Костин.

Ребята пришли из расположенной вблизи деревни. Уже поевшие малыши сидели поодаль. Глядя на ребятишек, как-то не верилось, что мы уже пересекли государственную границу. Казалось, что все это происходит где-то под Рязанью, что ребятишки, укрывшись за овином от ветра, вдали от взрослых обсуждали свои дела и рассматривали в журнале фотографии пушек, самолетов и танков.

Отношение наших фронтовиков к детям было трогательно нежным. Светло становилось на душе, когда я видел, как бравый усатый вояка будто невзначай клал руку на плечо мальчишки, что-то рассказывал ему, шутил с ним и дарил ему долю своего красноармейского пайка.

В обеденный перерыв я рассказал красноармейцам 2-го батальона об особенностях предстоящих боев в Карпатах. Участников беседы взволновало сообщение о том, что словаки ждут Красную Армию, видя в ее лице главную надежду на избавление от гитлеровского ига.

— Скорее бы в бой! — воскликнул сержант Василий Головань.

— Да, надо помочь словацким братьям, — поддержал командира отделения молодой боец из Западной Украины Мирослав Сурман. — Мы, жители Западной Украины, вечно будем благодарны Советскому Союзу за то, что в тридцать девятом году Красная Армия нас освободила. С тех пор мы дышим воздухом свободы.

Мои собеседники были едины во мнении: интернациональный долг красноармейцев — подать руку братской помощи словацким патриотам.

Глава 2
Там, где орлиные гнезда

До наступления полка оставались считанные часы. Я обходил батальоны. Вдруг услышал музыку. Оказалось, что парторг 2-го батальона старший лейтенант Г. Ф. Мазница на полянке между соснами завел патефон. Мы все тогда скучали по музыке, и я подошел к группе красноармейцев, с удовольствием прослушал несколько песен. Славных песен — о подвигах героев гражданской войны. Песни бодрили, волновали. Георгий Федорович ставил одну пластинку за другой. Потом под соснами вдруг загремел «Интернационал». «Хорошо перед нашим первым боем в Карпатах послушать «Интернационал», — сказал мне Мазница. — Сама душа просит в такую минуту этого гимна».

Г. Ф. Мазница на должность парторга переведен из дивизионного клуба. Оттуда он прихватил патефон и пластинки. С тех пор возит их с собой. Все мы в довоенные годы привыкли слушать пролетарский гимн в торжественной обстановке. Сейчас же мы его слушаем перед боем на земле, которую, повинуясь интернациональному долгу, пришли освобождать. Красноармейцы и командиры вытянулись, глаза посуровели. Никогда прежде я не думал, что музыка способна так потрясать человека.

Расходились мы притихшие.

Вместе с парторгом полка я побывал в батальонах. Здесь особенно явственно чувствовалось, что гвардейцы преисполнены желания с честью выполнить свою освободительную миссию на земле Словакии. На пути из 1-го батальона встречаю разрумянившегося Ефима Михайловича Моргуновского. Он на лошади возвращается из района, где утром производил рекогносцировку, еще раз на местности уточнив вопросы, связанные с предстоящим наступлением полка. Вытерев платком лоб, гвардии майор выпрямился, посмотрел вперед.

— Значит, по коням, комиссар!

— По коням! — в тон ему отвечаю.

Эти слова звучали отнюдь не иносказательно: пушки полковой батареи, тяжелые минометы, полковое хозяйство — все это перевозилось на лошадях.

Командование дивизии заблаговременно ознакомило нас с участком боевых действий нашего полка. Нас кратко информировали также о полосе действий армии, корпуса. 1-я гвардейская армия наступала в горно-лесистых Низких Бескидах.

Это крайняя, северо-западная часть дуги Восточных Карпат, вытянувшихся параллельными горными цепями от реки Попрад на юго-востоке до Лупковского перевала.

Я всматриваюсь в карту Низких Бескид. Горные цепи расчленяются поперечными сквозными долинами на отдельные хребты с господствующими отметками 600–700 метров и высотой относительно основания до 300 метров. Преобладают горы с пологими склонами. Много лесных массивов. Почти полностью отсутствуют дороги.

Нам сообщили также, что справа через Низкие Бескиды наступает 38-я армия 1-го Украинского фронта. Слева — полоса 3-го горнострелкового корпуса 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта.

На карте Моргуновский показал мне две грунтовые дороги. Они петляли по лесным районам, пересекая долины рек Вислок и Ясилька (на польской территории). Через Каленовские перевалы дороги вели к словацким селениям Каленову, Габуре, Борову.

— По дороге справа к району боев будет выдвигаться наш полк, слева — триста пятнадцатый, — сказал Моргуновский. — Обе дороги очень плохи. Дожди превратили их в грязное месиво. Несмотря на это, полк должен подойти к Каленову и выполнить боевую задачу.

На рассвете 21 сентября наш полк подошел к Каленову. Командир дивизии поставил перед полком задачу: помогая частью сил левому соседу — 315-му полку, овладеть Каленовом, а основными силами — прорвать оборону противника на участке Габуре, Боров и к исходу дня развить успех в направлении хребта Камяна. С боями предстояло преодолеть горный район глубиной до 5–6 километров. Полное бездорожье и недостаточные разведданные о противнике усложняли действия подразделений.

315-й полк (командир подполковник И. А. Костин) вышел в район восточнее Каленова, но был остановлен: противник оказал упорное сопротивление превосходящими силами. От комдива Колдубова поступил приказ: обходным маневром 315-го и 327-го полков атаковать противника в Каленове одновременно с севера и востока и овладеть этим населенным пунктом.

Утром 21 сентября наш полк начал наступление. Оно было внезапным и стремительным. Противник был скован и не смог маневрировать. Его попытку вывести свой резерв из района Габуре в район Каленова пресек наш 2-й батальон, а 4-я стрелковая рота того же батальона решительными действиями не позволила противнику выдвинуть резерв из Борова. С учетом этого обстоятельства наш 2-й батальон переместился на запад. Во взаимодействии с полком 242-й горнострелковой дивизии он

начал бой за овладение селом Габуре и прилегающим к нему с востока участком шоссейной дороги. В стык между 2-м стрелковым батальоном и 4-й ротой капитана Григоряна командир полка ввел 1-й батальон капитана Купина.

315-й полк начал ликвидацию каленовского гарнизона. Большую роль здесь сыграла рота Григоряна: перекрыв дорогу на юг, она не позволила гитлеровцам отойти от Каленова. При этом сама рота оказалась зажатой с юга и с севера. В тяжелых условиях взводы и отделения роты Григоряна не только устояли, но и намертво закрыли путь отступления блокированному в Каленове вражескому полку. В помощь 4-й стрелковой роте были выдвинуты две наши батареи. Пушечная вела огонь по колоннам противника в горном дефиле, где шла дорога, батарея 107-мм минометов обстреливала скрытые в складках местности районы накапливания противника. И все же группа гитлеровцев попыталась по склонам окружающих долину гор сблизиться с нашей ротой, чтобы в ближнем бою уничтожить ее и очистить путь для своего полка.

Отличились в этом бою помкомвзвода парторг роты Семен Ковшов и пулеметчик сержант Алексей Часник. Очевидцем их подвигов был капитан Яков Гора, участвовавший в бою. Он и рассказал мне подробности.

Ковшов с группой бойцов бросился в контратаку на подразделение гитлеровцев, которое с выгодных позиций стремилось уничтожить наших солдат, оседлавших дорогу. Завязалась рукопашная схватка. Наши бойцы насмерть разили гитлеровцев. В это же время пулеметчик Алексей Часник под градом вражеских пуль выкатил свой пулемет на открытую площадку, расстреливая вражескую пехоту, которая пыталась прорваться через нага заслон на юг. Гитлеровцы спасались бегством. Алексея Часныка тяжело ранили. Пришлось отправить его в медсанбат.

Полк гитлеровцев так и не сумел выйти из окружения. Во главе со своим командиром и штабом он сдался в плен. Капитуляцию принял командир 315-го полка подполковник Костин.

К исходу дня 21 сентября над Каленовом — первым населенным пунктом Словакии — советские воины водрузили знамя свободы.

Бой за Каленов занимает особое место и в памяти моих однополчан, и в моей личной памяти. На фронте люди, как известно, старались не проявлять свои эмоции. Хорошим тоном считалась сдержанность, даже суровость. Но когда удалось пленить полк гитлеровцев, мы не могли и не хотели скрывать

свою радость. Мы обменивались рукопожатиями, подбрасывали вверх шапки, поздравляли героев боя.

К этому успеху прибавился еще один — в село Габуре ворвался наш 2-й стрелковый батальон. Его командир капитан М. И. Брагин позвонил на наблюдательный пункт. Случилось так, что доклад по телефону Михаила Ивановича о победе первому пришлось принимать мне.

— С днем рождения тебя, комбат, — сказал я Брагину и передал трубку командиру полка. Брагин повторил доклад и просил передать мне:

— Никакого дня рождения у меня сегодня нет.

Моргуновский засмеялся и ответил:

— Присоединяюсь к поздравлению… Ты же, мой дорогой, именно сегодня родился как боевой командир батальона.

Мы внимательно следили и за действиями батальона Купина. К сожалению, они не радовали нас.

— Плохо у Купина. Боров он не взял, — с нотой раздражения в голосе сказал мне Михаил Ефимович. И добавил: — Сам знаешь, чем это пахнет. Комдив сильно ругается… Петров и Румянцев застряли где-то на правом фланге. Что будем делать?

— Пойду в батальон Купина, сделаю все, что могу, — решил я.

— Хорошо, — согласился Моргуновский. — Позвони оттуда, сообщи о принятых решениях.

Оставляю за себя парторга полка Л. Б. Консона. На полпути в 1-й батальон встречаю замполита батальона лейтенанта И. Е. Кокорина. Он рассказывает:

— В Борове у противника солидные силы, густая сеть траншей, окопов; хорошо организована система огня. Вот это и явилось одной из причин того, что нашему батальону не удалось взять Боров.

Позже я узнал еще одну причину. Слева должен был наступать 315-й горнострелковый полк. Но он не успел своевременно подойти к шоссе, чтобы нанести удар по противнику с востока. Затруднение командира батальона Купина состояло в том, что он не смог использовать в бою за Боров главные силы: две стрелковые роты, наступавшие правее Борова, ушли вперед. Возвращать их назад, к Борову, было нецелесообразно, да и времени на перестройку боевого порядка у Купина не было.

Когда мы с капитаном Купиным проанализировали сложившуюся ситуацию, я спросил его:

— Как же вы решили наступать?

— Еще раз повторяю: первой стрелковой ротой.

— Не выйдет. Ничего из этого не выйдет, — сказал я комбату. — Главный ваш шанс сейчас — атаковать с нового направления быстро и внезапно.

Я посоветовал Купину: 1-ю роту, наступавшую на Боров фронтально, с севера, перебросить вправо и атаковать с запада, ударить по окраине Борова. Внезапность удара наверняка обеспечит успех. На западном направлении много мертвого пространства, а значит, противник не сможет применить оружие настильного боя. Для нас это очень важно. Ведь мы пока не можем рассчитывать на массированный огонь артиллерии — она только подтягивается, а батальонные минометы на первых порах будут малоэффективны, потому что цели разведаны плохо.

Свои соображения мы доложили Моргуновскому. Тот утвердил решение. Купин вызвал к себе командиров стрелковой и минометной рот, взводов. Изложил им решение на бой, отдал приказ. Вместе с парторгом Кокориным мы провели беседы с бойцами, помогли парторгам и комсоргам рот определить коммунистам и комсомольцам боевые поручения. Кокорин поработал в 3-м стрелковом взводе и у минометчиков, а я с парторгом роты сержантом Мирзаевым — в 1-м и 2-м стрелковых взводах.

Бойцы обоих взводов находились в неглубоких оврагах. Там мы и провели короткие беседы. Разъяснили боевые задачи взводам, проверили готовность оружия и боеприпасов. В выполнении задачи по овладению окраиной Борова решающая роль отводилась 1-му взводу. Почему? Он наступал в наиболее благоприятных условиях — с юго-запада, то есть противнику в тыл. Гитлеровцы, как мы полагали, не ждали удара отсюда. Местность тоже благоприятствовала успеху 1-го взвода. Из Борова она плохо просматривалась и простреливалась — мешал кустарник. Коммунистам сержанту Мирзаеву и красноармейцу Шакая было дано ответственное поручение — первыми достигнуть окраины Борова и увлечь за собой в атаку бойцов.

И вот рота бесшумно сближается с врагом на дистанцию броска. До противника остается метров сто. Два взвода, наступавшие слева, залегли, ожидая сигнал атаки — зеленую ракету. Купин поджидал, когда первый взвод ворвется в село и откроет путь для роты.

До крайнего дома оставалось метров семьдесят. Мир-заев и Шакая плотно прижались к земле, осмотрелись. Рядом с домом окоп, в нем — пулемет. Пока пулемет молчал. Но вот он застучал, выпустив за село вдоль шоссе длинную очередь, и замолк.

— Начнем… Ты расправляйся с пулеметом, а я поводу взвод дальше, в село, — шепнул Мирзаев красноармейцу Шакая. И оба

поползли к пулемету. За ними, немного приотстав, полз взвод. С близкой дистанции Мирзаев и Шакая рывком поднялись на ноги и бросились на противника, пустив в ход гранаты и открыв огонь из автоматов. Шакая прыгнул к вражескому пулемету, а Мирзаев побежал дальше, в село, увлекая за собой взвод. В это же время в небо взвилась зеленая ракета, и тотчас поднялись в атаку 2-й и 3-й взводы. Наши минометчики открыли огонь по ожившим огневым точкам противника.

Мирзаев не видел, как Шакая прыгнул в окоп, ударом автомата сбил с ног гитлеровца. Два других пулеметчика, поверженные гранатами наших бойцов, лежали на дне окопа. Но гитлеровец все же успел выстрелить в Шакая. Когда мы с Купиным подбежали к месту схватки, Шакая умирал. Немецкий пулемет, за которым лежал наш боец, вел огонь по гитлеровцам.

Рота заняла окраину Борова.

Глубокой ночью я вернулся на НП. Моргуновский не то спросил, не то просто сказал с какой-то своеобразной интонацией в голосе:

— Что-то сулит нам день грядущий…

К Борову одна за другой подходят вражеские колонны, я слышал шум моторов, — видимо, танки…

— Да, мне о том же сообщали из второго батальона и артиллеристы. Звонили и от Колдубова.

В то время мы еще не располагали точными данными о силах противника, переброшенных на участок Габуре, Боров. Лишь позже мы узнали, что к утру 22 сентября в район Габуре, Боров гитлеровское командование перебросило часть сил пополненной 1-й танковой дивизии, 97-ю горнострелковую дивизию, а также пехотный полк и саперный батальон. Превосходство в людях, артиллерийских стволах, танках было на стороне противника. 22 сентября он перешел в контрнаступление. Наиболее ожесточенная схватка произошла на шоссе между Габуре и Боровом. Обе стороны понесли большие потери. Наш полк отразил более восьми атак гитлеровцев.

Численному превосходству врага гвардейцы противопоставили железную стойкость.

Вот некоторые эпизоды боев, проходивших 22 сентября.

Первый удар противник с утра нанес по 1-му батальону капитана Купина в районе Борова. Наиболее сильный удар был нанесен по 1-й роте в Борове и на шоссе. Против нее немецкое командование направило пехотный батальон на автомашинах, более десяти танков, несколько штурмовых орудий. 1-й роте пришлось отойти на высоту, к северу от Борова. Здесь она закрепилась, отбивая вражеские атаки. Танки и орудия

гитлеровцев с десантом пехоты ринулись в западном направлении по шоссе. Им удалось захватить участок шоссе, дойди до села Габуре. Это означало, что боевые порядки нашего полка были расчленены на две части. Одна часть подразделений отошла к северу от шоссе, другая часть осталась южнее.

С этого времени вплоть до 25 сентября Боров стал как бы эпицентром боев. Противник превратил его в основной узел сопротивления на пути к Медзилабарце.

Немецкая пехота при поддержке танков и САУ атаковала 2-ю и 3-ю стрелковые роты батальона Купина, продвинувшиеся за ночь на километр-полтора от шоссе в сторону хребта Камяна. Первой подверглась атаке 3-я рота капитана Ф. Г. Лукова. Растянувшись в цепь, гитлеровцы устремились на взвод лейтенанта Суркова, приблизились к нему метров на четыреста. Меткий огонь красноармейцев роты и минометчиков взвода лейтенанта Павлюка преградил путь фашистам. Они откатились назад. Через час, после артиллерийского налета на 3-ю роту, гитлеровцы повторили атаку, обходя взвод Суркова. Лейтенант повел взвод в контратаку, ударил во фланг противника. Цепь гитлеровцев смешалась, и они в панике побежали назад, в кустарник. Против горстки наших храбрецов фашисты направили танки и самоходки. Сурков дал команду отходить.

Возвратилось в свой окоп отделение сержанта Иваненко. Перезарядив оружие, Иваненко усилил наблюдение за противником. На кромке поляны, в тени кустов, он заметил самоходку, а рядом с ней — группу солдат в зеленых шинелях.

Бинокль вдруг уловил знакомую фигуру. «Неужели ото наш лейтенант Евгений Сурков?» — подумал сержант. Да, это был командир взвода Сурков. Как-то странно приподнявшись — Иваненко только секунду спустя понял, что у Суркова не было ноги, — лейтенант смотрел на наши окопы. К нему уже подбегали гитлеровцы. Взяв лежавший рядом с ним автомат, Сурков открыл стрельбу. Выпустив все пули, бросил автомат и бессильно поник, склонив лицо к земле. Фашисты были уже рядом с ним. Чуть приподняв голову, Сурков приложил к виску пистолет и выстрелил.

Потрясенный Иваненко бросился к командиру роты Ф. Г. Лукову, повторяя: «Ах, Женя, Женя, как же это ты отстал… Как же это мы не заметили…»

Но не успел сержант добежать до Лукова, как услышал команду:

— Бронебойщикам бить по танкам! Всем приготовить гранаты! Отсекать пехоту от танков!

Иваненко вернулся в свой взвод.

Гитлеровцы через кустарник шли в атаку на роту. Впереди вражеской пехоты двигались танки и самоходные артиллерийские установки.

Бойцы, притаившись в окопах, подпускали машины все ближе и ближе.

Капитан Луков подал команду — открыть огонь по пехоте, отсечь ее от танков. Шквал свинца обрушился на гитлеровцев. Все больше и больше пехотинцев отставало от машин.

Двум танкам удалось приблизиться к нашим окопам. Когда первый из них поравнялся с низкорослым кустарником, где маскировались противотанковые ружья лейтенанта Войтова, один за другим раздались три выстрела. Танк остановился.

Почти одновременно загорелась и вторая машина — ее обстреляли бронебойщики.

Третий танк, вынырнувший из кустарника на поляну, повернул назад.

В небо взвилась зеленая ракета. Рота пошла в контратаку. Впереди цепи в развевающейся на ветру плащ-накидке — помощник командира взвода парторг роты гвардии старшина Яков Ненахов. Слева от него на врага устремилась цепь бойцов отделения Иваненко, справа — отделение Мясникова.

Вражеская самоходка открыла по наступающим огонь. Один из снарядов разорвался рядом с Hen аховым. Он сначала пригнулся, потом сделал несколько шагов — и упал. К нему подбежала Белла Марговская, фельдшер роты. Но она уже не могла ничем помочь: сердце Ненахова перестало биться.

Вечером рота Лукова вернулась к северу от шоссе и сосредоточилась в заданном районе. Комбат позвал ротного к себе, поставил новую задачу. Бойцам предоставили отдых. Тем временем парторг батальона Ф. Есик пригласил в землянку коммунистов роты и представил им нового парторга — гвардии старшину Бову.

Его хорошо знала вся рота. Он был помощником командира взвода, заместителем парторга Ненахова.

Затем состоялось партийное собрание. Оно рассмотрело заявление о приеме в кандидаты партии комсомольца агитатора Сташкова. Товарищи охарактеризовали его как храброго воина, активного общественника.

— В атаках яростен, беспощаден к фашистам.

— Никогда не оставит Сташков товарища в беде, в минуту смертельной опасности готов его грудью своей заслонить.

— Агитатор Владимир Сташков отличный. О вопросах внутренней и внешней политики нашей партии умеет рассказать доходчиво, живо.

— Вполне достоин носить звание коммуниста.

Такие слова прозвучали в адрес Сташкова. Итоги голосования парторг объявил одним словом: единогласно.

Время торопило, и выступления коммунистов были предельно лаконичными. Партийное собрание длилось полчаса. Краткость и деловитость — характерные черты всех наших фронтовых партийных собраний.

После собрания я объявил, что Евгений Сурков и Яков Ненахов награждены орденами. Верные сыны Родины, неустрашимые, доблестные гвардейцы, они отдали Отчизне самое дорогое — жизнь.

Боевое оружие — ручной пулемет, с которым старшина Яков Ненахов воевал и с которым погиб, — было вручено красноармейцу пулеметчику И. Ф. Саркееву.

— Торжественно клянусь, что буду достойно хранить память о герое-коммунисте, беспощадно разить фашистов огневыми очередями из пулемета Ненахова! — сказал Саркеев.

Возгласами горячего одобрения воины встретили также сообщение о награждении командира роты Ф. Г. Лукова, командира отделения сержанта В. П. Иваненко и других однополчан.

Нам с Моргуновским было приятно сознавать, что Луков отлично зарекомендовал себя в трудном бою. И до начала боев мы не сомневались в нем, но некоторая склонность судить о человеке по анкете и внешнему виду иногда проявлялась у его товарищей. Феодосий Луков окончил интендантское училище, ротным командиром стал недавно. Строевой выправкой не отличался. Фронт постепенно его подтягивал до уровня офицера высокой строевой выучки. Крещение огнем подтвердило: Лукову храбрости не занимать.

Подробнее хочется сказать и о командире 2-й стрелковой роты старшем лейтенанте Н. Молчанове. Его подразделение вело бой рядом с ротой Лукова, левее ее. Местность была пересеченной, и временами обе роты действовали изолированно друг от друга.

Примерно в одно и то же время — в ночь на 23 сентября — они прорвали кольцо окружения, присоединившись к своим батальонам. Тогда я и попал к Молчанову.

Укрывшись в балке, поросшей кустарником, бойцы ужинали. Я присел рядом с Молчановым. Он еще не пришел в себя после ожесточенных схваток в окружении. Временами казалось, что он вскочит и побежит куда-то через кустарник. Рассказывая о бое в условиях окружения, старший лейтенант порой переходил на хриплый крик. Чуть позже я узнал, что он был контужен и ранен в

левую ногу. Молчанову принесли котелок с ужином, но он равнодушно отодвинул его от себя. Пришлось уговорить его поесть.

Заметив, что я рассматриваю пятна крови на его гимнастерке, старший лейтенант нахмурил брови.

— Василейко с пулеметом выскочил из окопа, примостился в ямке. А с самоходки… снарядом сержанту оторвало ноги. Взял я его на руки, понес…

Молчанов не договорил, снова вскочил, собираясь куда-то бежать, потом, несколько придя в себя, сел на снарядный ящик.

— Много хороших людей потеряла сегодня рота… Хотите, чтоб я рассказал, как было?

— Рассказывайте.

Старший лейтенант затянулся самокруткой.

— С шоссейки гитлеровцы нас сбили танками. Новые окопы мы оборудовали южнее шоссе. Фрицы, прикрывшись танком и огнем самоходок, устремились в атаку. Тройное превосходство было на стороне атакующих. Некоторые наши бойцы крайне встревожились. Не скрою, что отдельные стрелки дрогнули. Критическая ситуация нарастала. В минуту смертельной опасности прозвучал голос парторга Мищевикина: «Ни шагу назад! Всем оставаться на своих местах!» И вдруг разрыв вражеского снаряда. Осколок пронзил сердце сержанта. Когда я подбежал, он не подавал признаков жизни. А танк все приближался, за ним — гитлеровцы. Косьянов выбрался из окопа со связкой гранат. Подаю команду — отсечь пехоту. Связка гранат взорвалась около самой гусеницы, но танк не поразила. Гитлеровцы наседали. Косьянов получил смертельные ранения. Бойцы бросились на помощь Косьянову. На их глазах он скончался.

Молчанов на минуту замолчал. Говорить ему было нелегко.

— Потом доскажете, а теперь попейте горячего чая.

— Нет, сейчас… Вот только шарики рассыпались в голове, и боль адская.

Молчанов продолжал:

— Гитлеровцы рвутся на фланг роты. Заходят к нам в тыл, к оврагу. Там находился пункт медпомощи. Ко мне подбегает красноармеец Черников: «Как быть?

Погибнут раненые». Чем я могу помочь? У меня никого не осталось, ни одного человека. Приказываю Черникову: «Беги в овраг, сам организуй оборону, подними тех раненых, которые могут держать в руках оружие».

Позже мне удалось выяснить подробности: Черников организовал оборону, бегал от раненого к раненому, заряжая

оружие, устраняя неполадки. Помогал переместиться на более выгодную позицию тем, кто не мог сделать этого самостоятельно. Раненые огнем сумели отогнать гитлеровцев. Черников в этой схватке погиб смертью храбрых.

Старший лейтенант с особым волнением рассказывал о мужестве Гордея Павлюка:

— Моей роте был придан минометный взвод лейтенанта Гордея Павлюка. Когда мы отошли от шоссе, Павлюк, имея только два миномета, закрепился на старых огневых позициях. На шоссе вышли два танка и самоходка, открыли огонь. Многие наши ребята погибли. А Павлюка, тяжело раненного, гитлеровцы поволокли к себе. Что же они с ним, изверги, сделали! К двум танкам за ноги привязали — и разорвали…

Молчанов скрипнул зубами.

— На виду всей роты это было. Ну и все, кто остался в живых, рванули вперед к шоссе, чтобы отомстить врагу.

Некоторые подробности гибели Павлюка сообщила и подошедшая к нам фельдшер Надя Буренина:

— У моста находился расчет ПТР, стрелял по немецким танкам. Минометы у Павлюка разбило снарядами. Лейтенант побежал к бронебойщикам, чтобы помочь им. Санинструктор Мазничевский заметил, что Павлюк ранен, и поднялся к нему из оврага, чтобы перевязать. Рана оказалась серьезной. Мазничевский упрашивал лейтенанта пробираться в медсанроту. «Не время!» — наотрез отказался Павлюк и стал стрелять из противотанкового ружья по танку. Тот остановился. Патроны кончились. Тогда Павлюк взял противотанковую гранату и пополз к танку…

Несколькими днями позже комсорг полка Михаил Хорошавин передал мне листок, который я храню как реликвию. Аккуратным почерком друг Гордея Павлюка старшина Метальников написал:

«Воспоминания о гвардии лейтенанте Павлюке Гордее Онуфриевиче.

Г. О. Павлюк прибыл в роту минометчиков в марте 1943 года в звании младшего лейтенанта. Сам он из Макеевки, украинец. Сражался на Кубани, под хутором Красным, и в других местах. Дошел до Чехословакии… Вспоминаю о нем как о хорошем, добросовестном, честном, отзывчивом командире. Всегда, в условиях любых трудностей он вдохновлял бойцов своей выдержкой, стойкостью, личным примером доблести. Помню бой под станицей Крымской. Батальон гитлеровцев шел в психическую атаку. Подпустив фашистов поближе к огневым позициям, Гордей Павлюк открыл по фрицам точный минометный огонь. Гитлеровцы в панике побежали назад. А Павлюк стоял во

весь рост и пел сочиненную им самим частушку:

Фриц бежит уж далеко,
На душе стало легко.
Поддадим им огонька,
Чтобы лопались бока!

Лейтенант пел, а красноармейцы улыбались, заражаясь спокойствием командира взвода.

Часто Павлюк пел украинскую песню «По залугам зелененьким» и декламировал: «Тиха украинская ночь, прозрачно небо, звезды блещут…» Любил он родную Украину.

Вспоминаю еще один случай. В мае сорок третьего над станицей Неберджаевской неистовствовали воздушные бандиты. Их налет был массированным. В тот раз Павлюк из карабина сбил самолет. Некоторые из тех, кому я рассказывал, не верят. Но они не знали Павлюка.

Три ордена и многие медали, украшавшие грудь лейтенанта, — лучшее свидетельство храбрости.

Память о моем товарище и командире Г. О. Павлюке будет вечно жить в моем сердце.

Старшина минометной роты гвардии старшина Метальников».

К нам подошла группа солдат. Оказалось, что бойцы хотят собраться вместе, поговорить о Павлюке.

— Устали же все, такой тяжелый бой, — сказал я парторгу роты Буреиной, хотя мне хотелось, чтобы собрание прошло именно сейчас, по свежим следам трагического события.

Вмешался Молчанов:

— Люди хотят высказать, что у них на душе, выговориться надо, чтобы легче было пережить горе.

И собрание состоялось. Присутствовали пять коммунистов, все командиры и почти все красноармейцы 2-й роты. Повестка дня: «О трагической гибели коммуниста Гордея Павлюка от рук немецко-фашистских извергов». Докладчиком выступил старший лейтенант Молчанов.

— Все видели, как погиб лейтенант Павлюк? — этими словами начал Молчанов.

— Все, — подтвердили бойцы.

— Всем понятно, кто такие фашисты?

— Всем!

— Мстить будем за смерть коммуниста Павлюка. Беспощадно мстить фашистам. Сегодня мы потеряли сержанта Косьянова, красноармейца Василейко, командира взвода Коновалова,

красноармейца Черникова, помкомвзвода Шанского, парторга сержанта Мищевикина… Вечная им слава! И месть, беспощадная месть врагу! Вот и весь мой доклад собранию, — закончил Молчанов.

— Кто желает высказаться? — спросил Иван Ефимович Кокорин, председатель собрания.

Ответом было многократно повторенное одно слово:

— Месть!

— Месть!

— Месть!

Собрание кипело гневом к фашистским извергам, учинившим расправу над лейтенантом Павлюком. Когда люди немного успокоились, я попросил слова. В это мгновение, словно живой, предстал перед моим мысленным взором во весь свой рост шахтер, гвардеец Гордей Павлюк. Обращаясь к участникам партийного собрания, я поделился впечатлениями от встреч и бесед с этим человеком, не знавшим страха в борьбе с фашистами. Он сражался ради свободы и счастья народа.

Весть о расправе гитлеровцев над лейтенантом Павлюком всколыхнула весь полк. Наши гвардейцы прониклись решимостью усилить удары по врагу. Помню, что уже на второй день наступления полка железную стойкость и высокий наступательный порыв с новой силой продемонстрировали красноармейцы и командиры всех подразделений.

Расскажу, как дальше развивались события на участке полка. На второй день наступления 4-я стрелковая рота (командир капитан С. А. Григорян), преодолев упорное сопротивление противника, соединилась со своим батальоном. На правом фланге полка, у шоссе, она заняла высоту. На противоположном склоне этой высоты разместился командно-наблюдательный пункт комбата М. И. Брагина. Наш сосед — полк 242-й дивизии — ночью оставил село Габуре. Поэтому на батальон Брагина была возложена задача: 4-й ротой прикрыть фланг. Основные силы батальона выполняли ранее поставленную задачу — продвигались к хребту Камяна.

Вместе с 4-й ротой находился полковой агитатор Яков Гора. Короткую передышку между боями он использовал для того, чтобы сосредоточить внимание красноармейцев и командиров взводов, отделений на особой важности каленовского выступа — того клина, на острие которого находился полк. Беседуя с сержантами и бойцами, Яков Варфоломеевич подчеркнул, что надо во что бы то ни стало удержать захваченный район, отбить вражеские контратаки. Если эта цель будет достигнута, то

отсюда, с калеиовского выступа, успех наступления смогут развить вся наша дивизия и корпус.

Брагин, узнав, что в 4-й роте находится тот самый Гора, с которым он служил прежде в одной части, по телефону связался с ротой, пригласил к аппарату Якова Гору, передал: как только закончите беседу с красноармейцами, прошу срочно прибыть на мой командно-наблюдательный пункт.

Яков Варфоломеевич благополучно добрался до КНП.

— Присаживайся, дружище. Денек будет длинным, трудным. Слышишь, шумят моторы? — спокойно сказал Брагин, придвигая к Якову вскрытую банку тушенки.

После завтрака бой начался в районе Борова. Минут через двадцать противник атаковал нашу 4-ю стрелковую роту. Гитлеровцам удалось потеснить взвод Ковшова. Используя пологий скат, пехотный батальон поддерживали два танка и самоходка.

В помощь 4-й роте Брагин послал всех, кто находился на его КНП. Включился в эту группу и Яков Гора. Схватка с гитлеровцами была острой. Наши подпустили их на близкое расстояние и из автоматов расстреливали в упор, забрасывали гранатами.

Батальон Брагина сумел удержать высоту. В этом была заслуга и парторга 4-й стрелковой роты Семена Ковшова: он увлек за собой роту в атаку, враг не выдержал удара, откатился назад. Ковшова сразила вражеская пуля. Бойцы Скориков и Тонкобаев под огнем противника вынесли его тело. Его похоронили с воинскими почестями.

Ковшова любили в роте. Ему было около сорока лет. Большинству солдат это казалось почтенным возрастом. Ковшов был добр, отзывчив, по-отечески заботился о солдатах. Поэтому и звали его ласково «папаша».

На смерть Ковшова кто-то в полку написал стихотворение. Привожу фрагмент из него только потому, что оно в какой-то мере отражает эмоциональный настрой бойцов того периода.

Парторг пал в бою…
Не из слез венец,
Суровость свою
Мы отлили в свинец.
Семен Ковшов
Пал в неравном бою.
Отважный парторг,
Он остался в строю.
В крепкой поступи роты

Остался жить,
Ротной совестью, честью
Остался служить.

Отличившихся в бою красноармейцев и сержантов командование полка представило к наградам. Об этом мы в письменной форме сообщили каждому воину. Приведу текст одного такого письма:

«Красноармейцу товарищу Тонкобаеву.

Командование части, зная о Вашем подвиге, совершенном 22 сентября, благодарит Вас и представляет к правительственной награде.

Не сомневаемся, что Вы и впредь будете умело использовать свое оружие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, разить врага бесстрашно, по-гвардейски, до полной победы нашей армии над полчищами гитлеровцев.

Успеха Вам, дорогой товарищ Тонкобаев!

Моргуновский. Малкин».

Полк продолжал тяжелые бои. Нас не могло не беспокоить положение во 2-м батальоне. Его основные силы 22 сентября оказались отрезанными к югу от шоссе. С ними находились заместитель комбата по строевой части Герой Советского Союза капитан А. Мигаль и капитан П. Поштарук. Мигаль имел рацию, поддерживал радиосвязь с комбатом. В то время как 4-я рота вела бой у самого шоссе, 5-я и 6-я роты упорно пробивались к югу, к высоте с отметкой 687. Задача была трудной. Наступать приходилось меж двух огней: с шоссе стреляли танки и самоходки, с южного направления — пехота и артиллерия. Наши роты, к превеликому сожалению, не имели артиллерийской поддержки. Два батальонных миномета, два ПТР и три станковых пулемета — вот все, чем они располагали.

Для наступления капитан Мигаль избрал участок, изрезанный оврагами, заросший кустарником. Здесь не могли пройти немецкие танки. Кустарник ограничивал возможности противника для наблюдения за нашими боевыми порядками.

К вечеру наши роты захватили северные скаты высоты 687. Это означало, что они глубже других частей дивизии вклинились в оборону противника и вплотную подошли к району огневых позиций его тяжелой артиллерии, Моргуновский и все мы очень переживали, что пока нет возможности помочь ротам артогнем. Наши 76-мм пушечная и 107-мм минометная батареи все еще не возвращались с участка 315-го полка, который они поддерживали в наступлении. Не успел подойти и истребительно-

противотанковый артиллерийский полк, приданный нашему полку.

— Да, тяжело будет нашим батальонам без артиллерии, — озабоченно сказал Моргуновский. Мы шли с ним на новый НП. В низинке, невдалеке от места расположения пункта медицинской помощи, начальник артиллерии полка капитан А. В. Румянцев, присев на бревно, ел кашу. Вместе с ним обедали две девушки-медички. Капитан и девушки улыбались.

— Вернулась наша пушечная батарея из триста пятнадцатого полка? — набросился Моргуновский на Румянцева.

— Никак нет, товарищ гвардии майор.

— Значит, едите кашу… Батальоны воюют без пушек, а начальник артиллерии наслаждается кашей и рассказывает девушкам байки.

— Товарищ гвардии майор, вы же знаете, что командир дивизии приказал обе батареи временно передать… Они там и застряли. Разве я виноват?

Моргуновский не мог сдержаться:

— Марш!.. Чтобы ночью батареи были в полку!

Румянцев вскочил. Он хорошо знал характер командира полка.

Здорово досталось и начальнику штаба майору Хотченкову. Он даже не смог толком доложить, где находится приданный нам истребительно-противотанковый артиллерийский полк.

— А кто их знает, этих приданцев. Разгильдяи. Застряли где-то и молчат, — оправдывался Хотченков.

— Все у вас разгильдяи. А между прочим, знаете, кто первый разгильдяй?! — саркастически произнес Моргуновский. И тут же ответил: — Вы, товарищ майор. Да-да, вы!

Хотченков побелел, рябинки на лице, обычно малозаметные, проступили явственней. Слово «разгильдяй» сам Хотченков нередко употреблял для осуждения расхлябанности, недисциплинированности. И вот теперь это же обвинение брошено в его адрес!

Суровый и требовательный командир, Моргуновский не простил начальнику штаба потери связи с приданными нам артиллеристами. На следующий же день Хотченков был откомандирован на учебу — подвернулась такая командировка. Румянцев же сумел реабилитировать себя: ночью обе батареи вернулись в полк.

От артиллеристов я узнал о причине их задержки: в одном из расчетов в артиллерийской упряжке перебило лошадей. Пушка застряла на крутом склоне высоты. На дороге, идущей в Каленов, повстречался словацкий крестьянин. Он остановился, глядя, как

измученные красноармейцы напрягают все силы, чтобы вытащить пушку. Крестьянин нахмурил брови. Подошел ближе. Снял шапку, поклонился красноармейцам и на ломаном русском языке сказал:

— Такую пушку да еще в такую гору не втащишь. Вам надо еще три лошади. Подождите, я сбегаю в село.

Вскоре словак привел на батарею три добрых коня.

— Возьмите этих коней. Это подарок всей нашей деревни. Бейте окаянных фашистов. Мы Красную Армию любим. Она несет трудовому люду Словакии свободу.

Отношения со словацким трудовым населением у нас были дружеские. Крестьяне чем только могли содействовали нам. Мы также старались не остаться в долгу: наши врачи оказывали крестьянам медицинскую помощь, саперы восстанавливали мосты, разрушенные гитлеровцами, разминировали поля и дороги. А однажды мы спасли лошадей крестьянам села Каленова. Дело было так. До двух десятков лошадей, пасшихся у деревни, ночью, напуганные артиллерийским обстрелом, выбежали в нейтральную полосу между нашим полком и батальоном гитлеровцев. Утром мы с Моргуновским увидели этих лошадей и обеспокоились: пропадут, погибнут. Когда гитлеровцы начали артиллерийский обстрел наших позиций, лошади из лощины выскочили на открытое место, а потом снова забежали в лощину. Рискуя жизнью, два наших солдата-связиста, используя складки местности, сумели добраться до лощины. Оттуда они выгоняли лошадей в расположение нашей части. Гитлеровцы, заметив лошадей, открыли по ним стрельбу из пулеметов. Двух коней убили. Остальных удалось спасти. Их загнали в овраг, переждали до ночи, а с темнотой переправили в безопасное место. Помощник командира полка по тылу Агеев вручил лошадей крестьянам Каленова. Крестьяне горячо благодарили Агеева, а через него всю Красную Армию, которая избавила село от большой беды, ведь лошадь поит и кормит хлебороба.

А наутро делегация крестьян Каленова еще раз пришла к Агееву и привела двух коней: серого мерина, в яблоках, красавца, и крупную, рослую кобылу с белым пятном на лбу. «Это вам в дар от села, в знак благодарности».

Серого в яблоках коня командир полка взял себе под седло, а гнедую кобылу, которую назвали Зорькой, получил я. Ездил на ней до конца войны.

…Глубокой ночью мы с Кокориным возвращались из роты Молчанова. Спустились в овраг, а затем поднялись по его противоположному склону. Низко над нами, невидимые, но легко угадываемые, плыли тучи. Ночь была тихая.

— Как хорошо, — сказал Иван Ефимович Кокорин. — Так и

хочется присесть под дубом…

Через некоторое время над нами один за другим с визгом пролетели несколько снарядов. Гром и огонь раскололи тишину. Прожужжал и упал к нашим ногам осколок.

— Нет тишины. И не будет, пока не дойдем до Берлина, — сказал я Кокорину.

Внизу, за оврагом, под горой, на рокадной дороге, рокочут моторы немецких танков. А слева, буксуя в грязи, «студебеккеры» тянут пушки истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Наконец-то все-таки нашелся этот полк, который согласно приказу должен был взаимодействовать с нами.

На востоке медленно занималась утренняя заря. Мы дошли до полкового НП. Здесь узнаю, что комдив Колдубов, оценив итоги прошедшего дня, приказал: на высоту 474 выдвинуть наш 1-й батальон. Замысел комдива был ясен: усилить правый фланг дивизии, обеспечить стык с соседней дивизией и воспрепятствовать удару противника со стороны Габуре, не позволить ему срезать каленовский выступ.

Моргуновский разъяснил командиру батальона Купину приказ комдива. В течение ночи батальон достиг высоты 474 и начал окапываться. В район той же высоты передвинулся НП командира нашего полка.

В это же время батальон Брагина продолжал выполнять поставленную перед ним задачу, удерживая захваченный им район в системе горной цепи хребта Камяна. Расширение этого участка должно было способствовать прорыву основных сил 128-й гвардейской горнострелковой дивизии к хребту Камяна.

23 сентября ранним утром 315-й и 323-й полки возобновили наступление. 315-й полк занял село Боров, а 323-й полк перешел шоссе Боров — Медзилабарце. Этому успеху содействовал батальон Брагина, отрезавший подход резервов противника со стороны хребта Камяна к Борову.

Разведка донесла: на линию Чертижне, Видрань подтянуты свежие части противника (до пехотной дивизии), около 40 танков и штурмовых орудий. Командование дивизии предупредило нас, что противник попытается отбросить наши части за чехословацко-польскую границу. 315-му полку пришлось оставить Боров и отойти на исходные позиции. Отошел и 323-й полк.

В этот день погиб гвардии майор Ефим Михайлович Моргуновский. При переходе на новый НП он в бинокль наблюдал за движением противника. Налетели самолеты, сбросили бомбы, обстреляли нас из пулеметов. Моргуновского смертельно ранило в голову. Не приходя в сознание, он скончался. Румянцева, раненного осколком бомбы в руку,

отправили в госпиталь. Временно командование полком принял на себя майор А. II. Петров.

С Ефимом Михайловичем Моргуновским мне довелось служить немногим больше месяца. Если подходить к этому сроку не с довоенной, а с фронтовой меркой, то он равен годам. Ведь каждый день, каждый час мы были на виду друг у друга. Вместе делили тяготы фронтовой жизни. Вместе сплачивали в единый боевой коллектив полковую красноармейскую семью. Вместе вырабатывали и принимали решения, основанные на боевых приказах командования дивизии, с учетом конкретных боевых задач, которые получал наш полк. Что больше всего привлекало меня в характере, стиле и методах работы Моргуновского? Прежде всего его партийный подход к оценке событий и явлений, к вопросам командирской деятельности, обучения и воспитания воинов. Мне запомнились слова, сказанные Ефимом Михайловичем на одном из фронтовых собраний полкового партийного актива:

— Подобно тому, как цемент скрепляет воедино массу бетона, — говорил он, — так и партийно-политическая работа делает монолитным боевой дух личного состава полка, обеспечивает тот моральный фактор воинского коллектива, без которого нет и не может быть победы над врагом.

Сердцем и душой Моргуновский отдавался полку, беззаветно любил его, гордился, что полк заслужил гвардейское Знамя. Вместе с тем его охватывали тревога, живая боль, если полк или его отдельные подразделения постигала временная неудача. Он дневал и ночевал в подразделениях. В любых, даже самых острых ситуациях — а их на фронте было немало — он не терял бодрости духа, не предавался унынию, не шарахался из стороны в сторону, как это иногда бывало у некоторых слабовольных командиров. Энергия, уверенность в своих силах и в силах личного состава полка, спокойствие, чуткость и уважение к подчиненным — все это было у Ефима Михайловича. На первых порах ему не хватало фронтового опыта, особенно опыта ведения боев в горах. Он присматривался к действиям высококвалифицированных командиров, впитывая передовой опыт. Его выручало умение советоваться с людьми — и старшими, и младшими по рангу, — умение опираться на партийный и комсомольский актив.

У меня, у всех наших однополчан остались самые светлые воспоминания о Е. М. Моргуновском.

Отдав последние почести командиру полка, мы с майором А. П. Петровым сразу же направились на КНП 2-го батальона. Надо было помочь комбату и роте Григоряна переправиться через линию фронта к основным силам 2-го батальона — на высоту

687. Комдив Колдубов решил активизировать боевые действия в тылу врага.

Заросшие кустарником овраги скрыли от противника 4-ю стрелковую роту, минометчиков, пулеметчиков, саперов, бронебойщиков, приготовившихся к переходу через линию фронта. Здесь же были артиллеристы-корректировщики, отделение полковых разведчиков и группа санитаров, возглавляемая старшим лейтенантом медицинской службы Л. Л. Еськиной. Командовал всей группой командир батальона Михаил Брагин. В группе находился и парторг полка старший лейтенант Л. Б. Консон.

Не могу не сказать о конфликте, который возник между Любовью Еськиной и командиром разведвзвода Моничем.

— Товарищ гвардии майор, нельзя ли приказать нашим медикам не брать с собой это… ненадежное существо?

Разведчик пояснил, что речь идет о гнедом костистом старом мерине.

— Ведь может заржать!

Горячая, неуступчивая, строптивая Люба тут же взорвалась:

— Как вам не стыдно нашего работягу называть ненадежным существом! На чем же мы раненых будем вывозить?!

Погладив мерина по холке и смягчившись, Люба добавила:

— Он у нас хороший, смирный, дисциплинированный.

Ездовой Назарбаев подтвердил:

— Хороший, порядок знает. Васькой звать. Не раз на волокуше раненых с поля боя вывозил.

Сейчас, в век технической революции, космических скоростей, спор о мерине может показаться пустяковым. Тогда же, в условиях Карпат, мы не могли относиться к этому спору иронически. Ведь от того, возьмет ли группа с собой лошадь, могла зависеть жизнь наших воинов.

Мы рассудили, что следует согласиться с Еськиной и Назарбаевым. Васька был «реабилитирован». Его включили в группу прорыва.

С наступлением темноты группа Брагина после артиллерийского налета перешла шоссе и соединилась с 5-й и 6-й ротами.

Когда сумерки окутали все вокруг, в 5-й роте состоялось партийное собрание. Обсуждался один вопрос: прием в члены ВКП(б). Рассматривалось заявление кандидата партии сержанта Василия Голованя.

Собрание открыли в защищенном от обстрела месте — у обрывистого берега реки Лаборец. Шум горной реки вынуждал коммунистов говорить очень громко. Люди сидели на

прибрежных камнях, на гибких кустах лозняка, плотно примятых к влажному песку.

На собрание пригласили всех красноармейцев отделения Голованя. Председательствовал парторг роты старший сержант Сарычев.

— Начнем, товарищи.

Все потушили папиросы, притихли.

Объявив повестку дня и зачитав заявление Василия Голованя, Сарычев спросил:

— Будут ли вопросы к товарищу Голованю?

— Знаем Голованя. Весь на виду, — отвечали бойцы.

— Тогда сам скажи, о чем думаешь, что у тебя на душе, — кивнул Сарычев, сержанту.

— Без партии мне никак нельзя, — начал Василий, волнуясь. — Еще мальчонкой я услышал о Ленине. А потом, когда повзрослел, пас колхозное стадо, прочитал не одну книжку про Ленина. Вот тогда и поклялся, что стану коммунистом. А теперь — война. И пуще прежнего у меня желание быть в партии. Все ей готов отдать…

Потом попросил слова беспартийный боец Сурман, недавно призванный в армию.

— Хороший командир Головань, — сказал молодой красноармеец. — Я совсем не умел воевать, боялся. Головань меня научил. И во время последнего наступления он мне помог. «Следи, — говорит, — за мной, что я делаю, то и ты делай». Я так и поступал: он бежит вперед — и я за ним, он стреляет — и я тоже. Потом Головань выбил немцев из окопа, двое побежали, а третий на него гранатой замахнулся. Ну я в него очередь…

— Молодец, Сурман, хорошего бойца из тебя воспитал Головань, — одобрили красноармейцы.

В партию Головань был принят единогласно. К выполнению обязанностей члена партии ему пришлось приступить в тот же вечер.

Закрыв собрание, парторг Сарычев подошел к Голованю:

— Давайте побеседуем с молодыми бойцами, как они чувствуют себя после боя…

— Это верно, подбодрить их надо.

Обстановка на участке 4-й роты была тревожная, напряженная. Бойцы сидели в прибрежных зарослях, курили, тихо разговаривали. Потом громко заспорили. Сарычев и Головань услышали низкий голос с характерным акцептом. Говорил красноармеец Евтихий Волик. В роту он прибыл из склада обозно-вещевого снабжения. Родом с Западной Украины.

— О чем, братцы, речь? Чего спорите? Нас примите в свою

кучу, — пошутил Сарычев.

— Да вот с Воликом толкуем, вечно он бурчит и ноет. Меньше, мол, старайся, побольше спи. Все равно, мол, нас здесь угробят.

— А разве не так? — огрызнулся Евтихий Волик.

— Значит, «меньше старайся»? А вы как думаете? — обратился сержант Головань к сидевшему рядом Мирославу Сурману.

— Уцелеешь или нет, а воевать все равно надо. Кто же за нас это сделает? — ответил Сурман.

— В том и вся суть — воевать надо. Не мы затеяли войну, нам ее фашисты навязали. А уж коли война идет — победить надо.

— А впрочем… Может, победа нам ни к чему? А? — Головань обратился к Волику.

Тот обиженно буркнул:

— За кого вы меня считаете?

— За бойца Красной Армии, — вступил в разговор Сарычев. — Значит, доходит? Мне вот третий десяток пошел, вроде бы и немного, но я четвертый год воюю, предостаточно, и вот что я вам скажу, братцы мои, не тот уж фриц, как в сорок первом или в сорок втором, капут гитлеровцам приходит. И мы не прежние — сильнее, закаленнее, опытнее стали. А вы, Волик, только начали и уже за чужую спину хотите спрятаться. Так не годится. Ну, а без жертв, известно, войны не бывает — кому как повезет. А еще я скажу: смотри, смекай, как в бою врага убить, а себя сохранить. И не трусь — трус быстрее погибнет, чем умный да храбрый.

— Чего это вы все ко мне пристали? — отбивался Волик. — Все это мне известно и без вас. Жить-то хочется — вот и весь сказ…

— Но воевать надо? — спросил Головань Волина.

— Надо.

— Так чего ты себя бередишь мрачностями-то?

— Ты лучше смешное расскажи людям — ведь ты же умеешь и смеяться, — посоветовал Сарычев Волику.

Позже я поинтересовался, как ведет себя Волик. Воевал он неплохо. В феврале 1945 года — через пять месяцев после той беседы, которую на берегу реки Лаборец вели с ним Головань и Сарычев, — красноармеец Евтихий Семенович Волик уже был наводчиком станкового пулемета. Он участвовал во многих атаках и контратаках, уничтожил десятки гитлеровцев. Получив на поле боя ранение, он не покинул роту, отказался идти в госпиталь. На груди отважного бойца сверкал орден Славы III степени. Значит, не пропал даром труд коммуниста Василия

Голованя, который шефствовал над молодым красноармейцем.

…Наступило утро 24 сентября. Противник возобновил контратаки. 315-й полк отражал их у высоты 440, к северу от Борова. 323-й полк, нацеленный на село Медзилабарце, упорно оборонял высоту 565 (юго-восточнее Борова). 1-й батальон нашего полка прикрывал дивизию справа, 2-й батальон в тылу противника удерживал высоту 687, имея задачу содействовать прорыву дивизии через хребет Камяна в обход Медзилабарце с запада. Ночью к позициям батальона Купина приблизились две полковые батареи — пушечная, с двумя 76-мм горными орудиями, и батарея 107-мм минометов. В 500 метрах сзади 1-го батальона была поставлена рота автоматчиков. Она прикрывала НП полка и служила резервом командира полка.

Против 1-го батальона Купина противник направил два пехотных батальона с десятью танками и САУ.

После второй контратаки вражеская пехота и несколько танков вклинились в оборону 1-й стрелковой роты, находившейся слева, и 2-й стрелковой роты, оборонявшейся в центре. Не дрогнула и осталась на своем месте 3-я стрелковая рота, капитана Лукова. Прорвавшуюся группу гитлеровцев в упор расстрелял взвод сержанта Гудкова. Два немецких танка приблизились к окопам 1-й роты и начали утюжить их гусеницами. Рота вынуждена была отступать по юго-восточным склонам горы. Комбат Кунин, имевший свой КНП позади 1-й роты, тоже отошел. Вместе с ним находились старший адъютант батальона В. Т. Гноевой и связисты. Телефонная связь с НП полка была прервана, радиосвязь тоже не действовала. Кунин, растерявшись, допустил ошибку: вместо того чтобы восстановить связь с ротами и лично руководить боем, он оставил за себя у подножия горы Гноевого, а сам побежал на НП полка, чтобы доложить о тяжелом положении батальона. До НП было метров 500–800. Купина нельзя было обвинить в трусости — он думал не о себе, а о батальоне, о том, что надо убедить начальство как можно скорее помочь батальону. И тем не менее ошибка была серьезнейшая. Бой продолжался без Купина, его обязанности вынужден был принять на себя Гноевой.

Положение в батальоне оставалось критическим, пока на помощь не пришли артиллеристы. Подоспевший с двумя орудиями командир огневого взвода пушечной полковой батареи старший лейтенант Л. С. Оничко с открытых позиций повел огонь. Начался поединок орудий с танками и самоходкой. Отстреливаясь, немецкий танк и самоходка стали отходить. Тогда командир 2-й роты Киселев поднял бойцов в атаку. Гитлеровцы отступили, скатились к подножию высоты, рассеялись по лесу.

Орудие сержанта Ивана Кобы подбило вражеский танк. В этом бою отличилась санинструктор Ольга Рябичко. Она вынесла под огнем противника несколько тяжелораненых, заменила выбывшего из строя телефониста.

На правом фланге батальона 3-я стрелковая рота держалась стойко. Особенно мужественно сражались бойцы взводов сержанта Мясникова и сержанта Иваненко.

С северо-востока взвод Иваненко отражал контратаку противника, численность которого достигала почти пехотной роты.

Противник нажимал с обоих флангов. Горстка бойцов, оставшихся во взводе Иваненко, стойко отражала контратаку и сумела удержать свой боевой рубеж до подхода свежих сил. Все бойцы и командиры роты капитана Лукова за подвиги, проявленные в этом тяжелом бою, были награждены орденами и медалями. Грудь Петра Иваненко украсил орден Славы II степени.

А комбата Купина командир дивизии отстранил от должности за «самоустранение от командования батальоном».

Нам с Петровым приятно было отметить, что очень хорошо проявил себя замполит Кокорин. Он не растерялся в сложной обстановке и действовал в соответствии с ранее выработанным решением и новыми условиями. Инициативно действовали и командиры рот. Именно поэтому, несмотря на грубую ошибку Купина и на численное превосходство противника, бой мы выиграли.

Мы не ослабляли внимания к организации медицинского обслуживания личного состава. Наши врачи, фельдшера, санинструкторы действовали самоотверженно. Своим мужеством не раз отличалась старший лейтенант медицинской службы Любовь Лукьяновна Еськина.

Приведу такой пример. В ночь на 25 сентября нужно было срочно эвакуировать группу раненых из 2-го батальона, окруженного противником. Для переноски и охраны раненых мы направили с Еськиной отделение сержанта Королева из роты автоматчиков и стрелковое отделение старшего сержанта Сарычева из 5-й роты. Всего в группе вместе с ранеными, способными владеть оружием, насчитывалось 40 бойцов.

Сначала эвакуация раненых проходила без особых осложнений. Связист Виктор Костин, хорошо знавший местность, подвел колонну к шоссе. Беззвездная ночь укрывала наших людей. Первую группу раненых удалось переправить. Позже противнику все же удалось обнаружить наших бойцов. Над шоссе засвистели пули. Вражеский пулемет вел огонь с южного ската высоты, прилегающей к шоссе. Сержант Королев с одним

автоматчиком незаметно подкрался к скале, за которой располагался расчет немецкого пулемета, и уничтожил его. Еськина воспользовалась этим и начала переправлять вторую группу. Но внезапно застрочил другой пулемет. Под вражеским огнем, рискуя жизнью, Любовь Лукьяновна перенесла в укрытие трех тяжело раненных красноармейцев. Ее спас автоматчик Каракулов. С тыла он подполз к немецким пулеметчикам и забросал их гранатами. Озлобленные гитлеровцы атаковали отделение Сарычева. Силы были неравные — против горстки красноармейцев немцы бросили целую роту. Но у Сарычева было преимущество: он знал, откуда ему грозит опасностей заранее приготовился к бою, занял выгодную позицию. Гитлеровцы же, продвигаясь в темноте, стреляли наугад. Отделению Сарычева удалось отразить атаку и обеспечить эвакуацию раненых в дивизионный медсанбат. Санинструкторам здорово помог Назарбаев со своей неутомимой лошадью.

Наиболее тяжелый бой на участке полка 25 сентября вел батальон Брагина. Он оказался между шоссе и хребтом Камяна, где противник укреплял оборонительный рубеж. Кольцо вокруг батальона начало сужаться. Гитлеровцы стремились расчленить батальон и уничтожить по частям. Основной удар приняла на себя 6-я рота старшего лейтенанта Сердюка. Туда я и направился вместе с парторгом полка старшим лейтенантом Л. Б. Консоном.

Ротного командира мы застали на опушке леса. Укрывшись за толстым буком, он инструктировал стрелковое отделение Попова и бронебойщиков. Указывая на маячившие вдали танки, Сердюк говорил:

— Встретить их огнем, когда подойдут к оврагу. Отрезать им путь к роте Григоряна.

…Танк приблизился к оврагу, отклонился в сторону и двинулся вдоль него. Бронебойщики открыли огонь. Продолжая двигаться к позиции Попова, гитлеровцы стреляли из пулемета. Наши бойцы надежно укрылись в канаве. Машина остановилась, потом развернулась, ушла в лес. Второй танк, не достигнув позиции Попова, ускользнул вслед за первым. Рота Сердюка поднялась в атаку. Она была стремительной. Немецкие солдаты не выдержали удара, откатились назад. В атаке тяжело ранило Сердюка. Парторг Консон, раненный в левую руку, не покинул роту, оставался с красноармейцами, ожидая, пока командование полка пришлет нового командира роты.

Только к вечеру Консон вернулся на КНП к Брагину. Сели пить чай, согретый на костре. В это время на командный пункт один за другим посыпались снаряды. Началась вражеская контратака.

…Л. Б. Консон лежал на берегу реки, вел огонь из автомата. Рядом с ним разорвался снаряд. Подбежал санинструктор, перетащил Льва Борисовича в окоп. Консон был еще жив. Он вынул из кармана гимнастерки партбилет, сказал санинструктору, чтобы он передал его мне, а сам вскоре затих — рана оказалась смертельной.

Маневрируя в лесном массиве, отбиваясь от врага, батальон Брагина все ближе подходил к линии фронта. Ему удалось остановить гитлеровцев недалеко от оврага, окаймленного деревьями. Вечером Брагина ранило осколком немецкого снаряда. Он потерял много крови, обессилел. Командование батальоном принял на себя старший лейтенант Дагаев. Ночью, когда Брагина выносили на носилках, его вторично ранил осколок немецкого снаряда.

Из госпиталя нам сообщили, что он будет жить, ногу же ему, видимо, ампутируют. С тех пор я не имею никаких сведений о Брагине. После войны все попытки разыскать его не увенчались успехом. В моей памяти сохранились о нем самые добрые воспоминания. Это был волевой, одаренный командир, честный и принципиальный коммунист.

Бой в окружении — тяжелый, сложный. Наш 2-й батальон, прорвавший оборону численно превосходящего противника, сражался в особенно трудных условиях. И тем не менее он выполнил поставленную перед ним задачу: отвлек на себя значительные силы противника, не позволил ему из глубины обороны подбрасывать подкрепления.

Успех батальона не удалось развить. У командования полка в тот момент не оказалось достаточного резерва. Прорыв же одного батальона в полосе наступления дивизии в тыл противника не мог принести решающего успеха и неизбежно был сопряжен с большими потерями в людях. Победу можно было обеспечить при условии, если подкрепить Брагина вводом в бой новых сил. Но и у комдива резерва не оказалось.

К исходу 29 сентября соединения 3-го горнострелкового корпуса отбросили противника на запад и вновь заняли села Габуре, Боров, Видрань. Положение воюющих сторон временно стабилизировалось.

Пользуясь затишьем, первичные партийные и комсомольские организации обсудили итоги наступательных боев, обобщили накопленный опыт, сосредоточили внимание коммунистов и комсомольцев на подготовке к предстоящим боям. Обстоятельный и откровенный разговор на собраниях шел о недостатках, промахах, допущенных в ходе боев.

Нас беспокоили большие потери. Вопрос о том, как обеспечить успех боев с наименьшими жертвами, обсуждался на совещании командного состава и политработников полка. Были намечены конкретные меры по устранению недостатков в организации управления боем и взаимодействия между стрелками, артиллеристами и минометчиками.

Мы не преувеличивали тяжести своих потерь и не преуменьшали и потерь противника.

Получив информацию о действиях соседних частей дивизии и других соединений 3-го горнострелкового корпуса, я сообщил личному составу полка итоги наступательных боев корпуса с 19 по 25 сентября. За этот период соединения 3-го горнострелкового корпуса вышли на территорию Чехословакии, освободили 12 населенных пунктов и одну железнодорожную станцию; уничтожили свыше 30 вражеских танков, 60 орудий, до 100 пулеметов, большое количество многоствольных минометов и много другой боевой техники; захватили 3 склада боеприпасов и военного снаряжения, много автотягачей и автомашин; взяли в плен 400 солдат и офицеров. Гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными 6000 солдат и офицеров.

Маршал Советского Союза А. А. Гречко в книге «Через Карпаты» высоко оценивает боевые действия нашего полка на каленовском выступе. Он, в частности, пишет: «В этих боях отличились воины 327-го гвардейского горнострелкового Севастопольского ордена Богдана Хмельницкого полка…»

Высокий наступательный порыв, железная стойкость в отражении контратак пехоты и танков, бесстрашие в трудных ситуациях, верность воинскому долгу и массовый героизм — вот что было характерным для людей полка на всем протяжении боев у Каленова, Габуре и Борова.

Полк вел бои на правом фланге дивизии, который часто на значительной протяженности был открытым. Наши воины не пропустили противника через этот фланг. Образцы доблести показали коммунисты. Там, где было наиболее трудно, они действовали смело, инициативно. «Коммунисты, вперед!» — этот лозунг всегда раздавался на самых опасных участках. В боях мы потеряли две трети численного состава первичных парторганизаций, четыре пятых состава парторгов рот и батарей, семь из десяти политработников. В числе тяжело раненных ушел из полка агитатор капитан Я. В. Гора. Острой болью в сердцах бойцов, командиров, политработников отдавалась потеря каждого воина. На смену павшим смертью храбрых в ряды партии вступали передовые воины. Только за десять дней боев у Каленова в партию было принято 37 красноармейцев, младших и

средних командиров.

К рассвету 3 октября смолк грохот боя. С вершины безымянной горы я осматриваюсь окрест. Горы да горы, леса да леса. И нет им конца и края. На память невольно приходит рассказ одного словацкого крестьянина. Карпаты он назвал краем легенд и орлиных гнезд, краем суровой жизни и суровой борьбы горцев за лучшую долю. И вот здесь, среди орлиных гнезд, наши гвардейцы обмениваются рукопожатиями со словацкими горцами — батраками, лесорубами, каменотесами. «Это и есть пролетарский интернационализм в действии. Это и есть практическое воплощение в жизнь заветов Владимира Ильича Ленина об освободительной миссии Красной Армии», — подумал я.

Пришло время проанализировать первые бои, которые провел полк в Восточных Карпатах, содержание партийно-политической работы по обеспечению этих боев. У пас имелись успехи, но были и неудачи. Выводы и уроки напрашивались сами собой: партийно-политической работе необходимо придать более конкретный характер, полнее учитывать специфические условия боевых действий подразделений в горах, настойчивее внедрять в сознание красноармейцев, сержантов мысль о том, что надо воевать не числом, а умением.

Уроки первых боев подсказали очень важную задачу для нас, политработников: теснее поддерживать связь с заместителями командиров по политчасти артиллерийских подразделений, приданных полку для поддержки в наступлении. Они иногда отставали в горах, а следовательно, своевременно не оказывали стрелковым батальонам помощи огнем. Это обстоятельство не могло не настораживать нас. Если бы мы не прерывали связи между собой — телефонной, по радио и локтевой, — то не было бы и нарушения взаимодействия между пехотинцами и артиллеристами.

Своими размышлениями я поделился с заместителями командиров батальонов по политчасти, парторгами и комсоргами подразделений, доложил свои предложения начподиву И. П. Чибисову. Коллективными усилиями мы выработали меры по повышению качества, действенности партийно-политической работы. Первоочередную задачу мы видели в том, чтобы обобщить положительный опыт первичных партийных и комсомольских организаций, устранить недостатки, имевшие место в предыдущих боях, еще выше поднять ответственность каждого коммуниста и комсомольца за выполнение воинского долга, за боеготовность своего подразделения. Деловой разговор об этом шел на партийных и комсомольских собраниях.

Полку предстояло вести бои на новом участке. Прибыв из штаба 3-го горнострелкового корпуса, генерал Колдубов собрал командиров полков, их заместителей по политчасти, проинформировал о положении дел на 4-м Украинском фронте, в 1-й гвардейской армии, в нашем корпусе и дивизии.

— Обстановка сложилась таким образом, что наша дивизия должна передислоцироваться, — сказал Колдубов. — Нам предстоит возвратиться на польскую территорию, принять там новое пополнение и подготовиться к штурму перевалов на Главном Карпатском хребте.

Михаил Ильич объяснил, чем вызвана эта передислокация.

— Войска Четвертого Украинского фронта, — сказал он, — 3 октября возобновили наступление в Восточных Карпатах. Они сбивают врага с промежуточных рубежей и все ближе подходят к перевалам Главного Карпатского хребта. Первая гвардейская армия наносит главный удар в направлении Стакчина, Михальовце. В связи с этим решено усилить группировку войск на левом фланге армии силами нашего третьего горнострелкового корпуса.

Комдив поставил 327-му полку следующую задачу: в течение трех суток совершить марш через населенные пункты Каленов, Чистогорб, Команча, Туржапьск, Кальница, Кельчава и достигнуть горного польского населенного пункта Ростоки-Дольне.

— В Ростоки-Дольне, — пояснил комдив, — ваш полк примет новое пополнение, приведет себя в порядок и получит боевой приказ.

Глава 3
Штурмуем перевалы

Полк передал свой боевой участок сменившей его воинской части и на рассвете 4 октября расставался со словацким селением Каленов. На его окраине, там, где начиналась дорога в горы, коновод держал под уздцы серого в яблоках жеребца — тот рвался вперед. Коновод его успокаивал, похлопывая по шее.

«Где-то здесь Шульга», — подумал я и стал искать глазами нашего нового командира полка. Заметил его на обочине дороги. Невысокий, по-юношески стройный, гладко выбритый, он пропускал вперед красноармейские колонны.

— Не растягиваться! — командовал он проходившей роте.

Рота, подобравшись, выровняла колонну.

— Что у вас, лазарет? На повозку бойца! — приказал Шульга командиру подразделения, заметив в строю хромавшего красноармейца.

Когда я подошел к гвардии подполковнику Шульге, мимо маршировал полковой оркестр. Его вел капельмейстер капитан Соболев.

— А-а, капельдудкины, не отставать! — раздался голос Шульги. Музыканты заулыбались. Соболев на ходу доложил:

— Все будет в порядке, товарищ гвардии подполковник!

Проходила рота за ротой. Я всматривался в колонны: в боях полк очень поредел. В строю каждой роты насчитывалось не более 40 человек. «Сколько полегло наших товарищей! — терзала мысль. — Идет израненный, но не побежденный полк. Ведь в драке и победителям достается!»

Прошла 3-я стрелковая рота. Впереди — капитан Ф. Г. Луков, сутулый, с исхудавшим лицом, воспаленными глазами. А вот дальше в колонне шагает старший сержант Василий Иваненко, бравый, с высоко поднятой головой. Здесь же Александр Мясников, кряжистый, сильный человек, очень подвижный. «А вот Ненахова нет. Оставляем мы тебя, Яков, навечно в словацкой земле».

Идет 2-й батальон. Замполит капитал П. Г. Поштарук подошел ко мне. Как всегда спокойный, он доложил, что батальон накормлен, на марше все в порядке.

Когда проходили артиллеристы, грянула песня — ладная, громкая. Запевали два голоса, которые не спутаешь ни с какими другими в полку. Это голоса командира взвода парторга батареи Алексея Оничко и старшины батареи Н. Ф. Харченко. Голоса то

поднимались куда-то высоко-высоко, свободно и уверенно, то спускались вниз и сливались с общим хором.

Шульга, ухмыльнувшись, выбежал вперед, ближе к дороге. Расставив ноги и заложив руки за спину, он всматривался в строй полковой батареи, покрикивая:

— Давай, давай!

Артиллеристы запели еще громче. Впереди батареи шел Алексей Оничко. Время от времени он поворачивался к батарее лицом и взмахивал, как дирижер, рукою.

Артиллеристов поддержали — и вот уже песни зазвучали по всей колонне.

Я подошел к Шульге. Отвернувшись, Михаил Герасимович тер платком глаза, а потом повернулся ко мне, сказал:

— Сильно поют!

— Какие люди, какая силища! Только что смерть держала их за горло, а они — всем смертям назло — песни поют… Хоть и усталые, но сильные, хоть и в измятых и грязных шинелях, но красивые… Вот они, наши советские гвардейцы!

— Вот именно! — весело отозвался Шульга. И тут же, наклонившись, поднял сосновую шишку и как-то озорно, совсем по-мальчишески поддал ее ногой, словно мячик, а потом воскликнул:

— Знай наших! Поехали, комиссар!

Впереди извилистой лентой тянулась дорога, уходя в громаду гор, окутанных туманом. Сначала мы обогнали полковой обоз — десятка три пароконных бричек. А потом опередили колонну артиллеристов. Песен уже не пели — полил дождь.

Вечером, когда полк располагался на ночлег в горном лесу, заместители командиров батальонов по политчасти, батальонные парторги и комсорги разошлись но ротам и взводам. С замполитом 1-го батальона И. Е. Кокориным мы обошли многие отделения. Беседовали с красноармейцами, сержантами. Полевая почта доставила газеты, журналы, письма. Люди обменивались весточками, полученными от родных и близких. Весельчаки — их в роте было немало — рассказывали бойцам смешные истории, шутили. По всему чувствовалось, что настроение у людей боевое.

Под копнами сена на ночлег расположилось отделение сержанта Василия Иваненко. Мы с Иваном Ефимовичем задержались здесь подольше. Красноармейцы засыпали нас вопросами о положении на фронтах, о событиях в Чехословакии, Польше. Задушевный разговор мы повели и с командиром отделения.

Иваненко давно интересовал меня. Сержант, хотя скупо, но откровенно рассказал о своем житье-бытье до призыва в армию.

Его биография показалась мне типичной для поколения советских людей, родившихся в начале нашего века.

…1904 год. В семье Петра Иваненко в станице Махошенской на Кубани родился мальчонка. Имя ему дали Василий. Это был одиннадцатый рот, требовавший хлеба. Уже в И лет станичный парнишка Васька был вынужден пойти в батраки к кулаку. В 1918 году случилась беда. Белоказаки шомполами насмерть запороли отца. Они тогда, шныряя по станицам, расправлялись с беднотой за мятежный дух, за то, что люди тянулись к Ленину, к Советской власти. Глубоко запало это в голову парнишке, впервые он стал задумываться, где его друзья, а где враги.

Шли годы. Однажды в поле, куда Василий выводил кулацких лошадей, тянувших плуг, прибежал посыльный из станичного Совета: «Иди, Вася, в Совет тебя кличут».

Председатель Совета вручил Василию повестку. Парня призвали в Красную Армию. Его направили в территориальную часть кавалерийской дивизии. Началась новая, интересная жизнь. Красноармейская казарма была хорошей школой. В армии приучили читать газеты, книги, и это осталось на всю жизнь. Научился Василий и лихо держаться на коне и вскоре за рубку лозы на скачках стал получать призы. «Хороший рубака-кавалерист из тебя, браток, получится», — сказал Василию командир эскадрона. А вскоре красноармеец Иваненко за успехи в учебе получил награду — железную борону. На, паши, мол, и сей, батрак, ведь Советская власть дала тебе землю!

Вернулся в станицу батрак с бороной. Сколько разговоров было! Ведь это была первая железная борона у батрака в станице. «Вся железная, поймите вы, а не только зубья», — вспоминал Василий об этом давнем эпизоде.

Но спокойно пахать и сеять не довелось. Ушел Василий в отряд по борьбе с бандитизмом. Дезертиры, кулацкие сынки да попрятавшиеся недобитые белогвардейцы убивали активистов, грабили население, жгли здания станичных Советов. Пришлось их вылавливать.

— Нелегко это, — вспоминал Василий. — Не знаешь, откуда и когда тебя поджидает роковой выстрел. Но хороший комиссар в отряде был, Яков Хиценко, человек с железной волей, кремневый коммунист, душа чистая, верная. С ним и прошел я отличную школу, научился понимать Советскую власть как власть трудового люда.

Время шло. В станице Махошенской создается колхоз. Началось раскулачивание. И тогда свела судьба Василия Иваненко с матерым кулаком Дмитриевским, которого высылали вместе с другими станичными кулаками в отдаленный район

страны. Дмитриевского Василий хорошо знал. Именно на него он много лет батрачил. «Что, голоштанник, своего-то так и не нажил, чужое грабить пришел?» — крикнул Дмитриевский, когда Иваненко пришел его раскулачивать. «Нет, — ответил Иваненко, — за своим пришел, ты не доплатил».

Члены станичного колхоза «Красный маяк» избрали Иваненко завхозом. Должность нелегкая. Но радостно работать — на себя, не на Дмитриевских. Правда, первое время колхозные дела не всегда клеились. Некоторые колхозники рассуждали: не мое, мол, а «опчественное»… Ну а потом наладилось, пошло дело. Партячейка в колхозе возымела большую силу, шли за ней люди. Жизнь колхозников постепенно улучшалась. Велосипеды, патефоны, часы стали покупать. Прибавилось в магазине мануфактуры…

Перед самой войной вызвали Иваненко в райком (хотя и был он беспартийным) и дали путевку на лесозаготовки. Кубани нужен был лес — на новостройки, в колхозы и совхозы. Древесины не хватало. Здесь и застала Василия война.

В сентябре 1941 года В. П. Иваненко был уже на фронте, в кавалерийской дивизии, участвовал в боях в Крыму.

— Горько было отступать на Кубань. Сердце обливалось кровью, и ненависть к врагу клокотала во мне. Казалось, не хлеб насущный, а прежде всего любовь к Родине и ненависть к врагу питали тогда мои силы, — рассказывал сержант Иваненко.

Потом его отправили в пехотное училище. Но закончить его не удалось — всех курсантов направили в 62-ю армию, под Сталинград. Трижды был ранен Иваненко. Но выдюжил, остался в строю. В июле 1942 года его приняли в партию.

— Долго я не мог в ту ночь заснуть в своем окопе, — вспоминал Иваненко. — Вся моя жизнь прошла перед глазами, и всякое в ней было, но больше радостей. Ведь шли мы в нашей стране все годы от радости к радости: сначала власть и землю взял в руки трудовой народ, потом — колхозы создали и светлую, зажиточную жизнь дали стране. И вот что гады фашисты сделали с нашей жизнью… Сжала мое сердце ненависть. А тут еще письмо лежало в кармане гимнастерки: брат мой родной, коммунист, партизан, попал в руки оккупантов и зверски был замучен. И сказал я тогда себе: «Нет для тебя, Василий, теперь ничего другого на белом свете — ни в мыслях, ни в делах, — как война с немецко-фашистскими оккупантами до победного конца. Была твоя точка приложения сил — земля кубанская, которую ты нахал, жизнь колхозная, счастливая, которую ты строил. Потом все это к тебе вернется, потом. А сейчас твой долг — бить оккупантов до их полного разгрома. Брат погиб — так сражайся

за себя и за брата, за двоих борись, теперь ты стал сильнее, ты — коммунист».

Оправился от ран, полученных под Сталинградом, и снова в бой. Теперь он воевал как коммунист. Партийная организация назначила его агитатором, а потом избрали его парторгом роты.

В боях на Кубани, в Крыму (второй раз в эту войну он скрестил с врагом в Крыму свое оружие, сначала отступал, потом наступал) прославился Иваненко в полку и в дивизии как бывалый и храбрый сержант. Комдив генерал-майор М. И. Колдубов вручил Иваненко орден Славы III степени за бои под Севастополем.

…В деревне Ростоки-Дольне полк находился четверо суток. Здесь мы приняли пополнение. Укомплектовать роты до полного штата пока не удалось. Вместе с замполитами батальонов мы позаботились о наиболее целесообразной расстановке коммунистов и комсомольцев в подразделениях. В полку были восстановлены все 11 первичных парторганизаций. Они насчитывали 169 членов и 84 кандидата в члены партии. Во всех ротах были восстановлены и партийная и комсомольская организации. Правильная расстановка коммунистов обеспечивала непрерывность и действенность партполитработы.

Особое значение мы придавали инструктажу парторгов и комсоргов рот, батарей, ознакомлению их с передовым опытом партийной и комсомольской работы в горных условиях. Роту мы считали центром партийной работы.

Мне довелось в этот период испытать серьезные трудности: полку не хватало половины штатных политработников. Я уже писал, что пал смертью храбрых парторг полка, ранены парторг 2-го батальона, комсорги батальонов. Тяжело раненный полковой агитатор Я. В. Гора был отправлен в госпиталь и больше в нашу часть не смог возвратиться. Политотдел дивизии исчерпал свой резерв политработников и потому не мог помочь мне. Приходилось обеспечивать воспитательную работу наличными силами партийных и комсомольских активистов в подразделениях, чаще самому посещать роты и батареи, приглашать в полк инструкторов политотдела дивизии.

Перед новым боем командование полка подвело итоги трехсуточного марша. Отличившимся высокой организованностью и бдительностью красноармейцам и младшим командирам была объявлена благодарность, выпущены листки-молнии, в которых названы имена лучших воинов, кратко рассказано об их выносливости, безупречной дисциплинированности. Командир полка собрал командиров

подразделений, сделал обстоятельный разбор предыдущих боев. Внимание комсостава он сосредоточил на необходимости более тесного взаимодействия стрелков, пулеметчиков, минометчиков, бронебойщиков и артиллеристов, обеспечения более четкого управления боем отделений, расчетов, взводов. Эти же вопросы были обсуждены на партийных собраниях в подразделениях. Докладчиками на них выступили командир полка, его заместители, комбаты, командиры рот и батарей. В докладах и прениях особо подчеркивалась мысль: от коммуниста наряду с проявлением личной храбрости, личного героизма требуется умение и способность воодушевлять своих товарищей, вселять в них уверенность и бодрость, закаляющие их боевой дух.

Коммунисты и комсомольцы — первые носители порядка и дисциплины. Они — образец выдержки, хладнокровия, смелости и инициативы в бою, первые помощники командира и политработника — так охарактеризовал в своем докладе на ротном партсобрании роль коммунистов и комсомольцев Герой Советского Союза командир 1-го стрелкового батальона капитан Андрей Мигаль, заменивший на этом посту Купина. Он назвал имена членов партии, которые первыми бросались в атаку на врага и своим личным примером увлекали за собой остальных бойцов.

Конкретными и содержательными были доклады и выступления коммунистов на партсобраниях во всех подразделениях, и это способствовало активизации партийно-политической работы в полку, мобилизации усилий личного состава на выполнение предстоящих задач. Этой же цели послужил полковой красноармейский митинг. Все выступления на нем были проникнуты главной мыслью: в предстоящих боях, как никогда, требуются бдительность, железная дисциплина, организованность, решительность действий, непреклонная воля к победе. Каждый гвардеец полка должен проникнуться чувством великой ответственности за выполнение освободительной миссии, возложенной на Красную Армию родной Коммунистической партией.

Особенно пламенными были выступления на митинге командира отделения сержанта Василия Иваненко и фельдшера 4-й роты коммунистки Анны Краснер.

— Мы никогда не забудем подвига командира взвода нашей роты Ковшова, — сказала Анна Краснер и прочитала свои стихи, посвященные 4-й стрелковой роте, в которой она после Ковшова была парторгом.

Не могу не сказать об этой отважной 19-летней девушке, которая не только в роте, но во всем полку пользовалась

уважением. Будучи фельдшером 4-й роты, младший лейтенант медицинской службы Анна Краснер вынесла с поля боя десятки раненых, не раз с оружием в руках вступала в горах в схватку с гитлеровцами. Смуглолицая, с копной черных волос, с тонкими чертами лица, интеллигентная, красивая, она пленила всех, кто ее знал, своим обаянием, приветливостью, скромностью. Но главное, что принесло ей авторитет, — это активность в партийной работе, храбрость в бою.

Через четыре дня после митинга Аня была тяжело ранена в бою и в полк уже не вернулась. После войны, когда готовилась эта книга, я пытался разыскать ее, но не нашел.

…До начала митинга личный состав успел помыться, сменить белье, привести в порядок оружие, обмундирование. Ночью люди выспались и наутро чувствовали себя бодро.

После митинга полк вышел в район сосредоточения для наступления. Предстояло занять рубеж северо-восточнее польского местечка Зубраче. Заранее мы позаботились о том, чтобы рассказать личному составу о внутриполитическом положении в Польше, о ее населении, о давних узах дружбы советского и польского народов. В беседах, которые были проведены во всех отделениях, расчетах, взводах, коммунисты и комсомольцы рассказали бойцам о том, что на польской земле жил и трудился в 1912–1914 годах Владимир Ильич Ленин. Он указывал, что русский и польский народы победят в борьбе только лишь при условии, если объединят свои силы.

Рассказывая об истоках дружбы народов обеих стран, агитаторы отмечали, что добрые зерна этой дружбы были принесены на благодатные земли России и Польши на крыльях освободительных идей. Мы вооружили агитаторов материалами, в которых освещались тесные связи великого польского поэта Адама Мицкевича с русскими декабристами. Поэт верил в прогрессивные силы России, верил, что придет светлая пора, когда люди Польши и России станут искренними друзьями и братьями. Мой фронтовой блокнот сохранил выписки высказываний Пушкина, Одоевского, Чернышевского, Герцена о польском народе, его прогрессивных деятелях. Эти высказывания переписывали у меня агитаторы, используя их в беседах.

А. С. Пушкин отмечал, что Адам Мицкевич нередко говорил о временах грядущих, «когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Декабрист Одоевский посвятил польскому восстанию 1830 года стихи, полные сочувствия и симпатии к тем, кто на Висле сражался за правое дело польского народа. Приветствуя польское восстание 1863–1864 годов, Герцен писал в те дни: «Мы с Польшей, потому что мы за Россию. Мы хотим

независимости Польши, потому что хотим свободы России».

Инструктируя агитаторов, я рассказал им о подвигах польских патриотов, находившихся в рядах молодой Красной Армии, напомнил им вдохновенные слова Владимира Ильича Ленина, обращенные к солдатам польского революционного полка «Красная Варшава», уходившего на фронт защищать завоевания Октября. «Я думаю, — говорил Ленин, — что мы, и польские и русские революционеры, горим теперь одним желанием сделать все, чтобы отстоять завоевания первой мощной социалистической революции, за которой неминуемо последует ряд революций в других странах». Я рассказал также об историческом декрете от 29 августа 1918 года, скрепленном подписью В. И. Ленина. Этот декрет навсегда аннулировал договоры и акты царского правительства, закреплявшие раздел Польши. Ленинский декрет явился подлинной декларацией вольности, он укрепил узы советско-польского братства.

В беседах о Польше, о дружбе советского и польского народов мы подчеркивали, что против их трудового и боевого содружества яростно ополчились международный империализм и реакционные силы внутри Польши. Это обстоятельство требовало от нас постоянной высокой бдительности, умения разоблачать геббельсовскую пропаганду, происки врагов, которые из кожи вон лезли, чтобы опорочить, подорвать, разрушить советско-польскую дружбу.

В условиях ненастной погоды полк все ближе подходил к намеченному рубежу. Затяжной, нудный дождь превратил дорогу в липкое месиво. На наших гимнастерках не оставалось сухой нитки. Люди шли с трудом. Орудия и повозки при подъеме сползали вниз. Требовалось немало сил, чтобы их вытащить.

11 октября полк занял исходное положение на южных скатах высоты 816. Впереди — скалистые высоты 840, 765. Мы должны овладеть ими, а затем на высоте 935 оседлать Солинский перевал, выбить противника из села Звала и с боями углубиться на 5 километров в пределы Главного Карпатского хребта.

Нам было известно, что еще 8 октября 1-я гвардейская армия овладела Русским перевалом — одним из важнейших на Главном Карпатском хребте — и вышла на территорию Восточной Словакии; противник предпринял яростную попытку отвоевать Русский перевал, но все его контратаки были отражены.

Мы знали также, что наша 1-я армия готовилась 12 октября нанести по противнику удар на Солинском перевале и затем — в общем направлении на словацкие населенные пункты Телеповце, Паригузовец. Цель этого удара — развить успех наступления

наших соединений и частей вдоль шоссе Руске — Старина — Стакчин — Гуменне. 128-й дивизии предстояло наступать через Солинский перевал.

С Михаилом Герасимовичем Шульгой я шел в бой впервые. До начала боя я успел подружиться с ним, убедиться, что он обладает качествами волевого, грамотного командира, умеющего опираться на партийную и комсомольскую организации.

Михаил Герасимович двадцати одного года вступил в партию (1927 год). Кадровый военный, он знал и ценил партполитработу, всегда советовался с коммунистами. Человек подвижный, энергичный, эмоциональный, Шульга быстро освоился с новым для него полком и командовал им уверенно.

Приближались часы наступления. Возвращаясь с рекогносцировки, я невольно остановился, услышав, как кто-то, по-волжски окая, пробасил:

— А вы плащ-палатки выбросьте на солнышко. Пускай прочахнут!

Сам из Поволжья, я не мог не заинтересоваться земляком.

Дождь перестал, красноармейцы стягивали с себя мокрые плащ-накидки, чтобы просушить. Навстречу мне шел приземистый, широкоплечий капитан. Я узнал Сергея Ивановича Туканова, командира полковой роты противотанковых ружей. Доложив, Туканов указал на небольшой костер:

— Погреемся, товарищ гвардии майор. Чайку?

— Не откажусь.

Вокруг сидело человек двадцать. Вместе с ними находился командир взвода Слыщенко. Рядом со мной на пне примостился Туканов. Ветвистые деревья укрывали нас от глаз противника. Слово за слово — разговорились. Я поинтересовался, какие вести красноармейцы получили от родных, невест, близких. Спросил бойцов, не забыли ли они своих товарищей — Алексея Чепурных, Василия Носкова, павших смертью храбрых в сентябрьских боях.

— Ну как можно, — весь загоревшись, ответил одни из красноармейцев. А усатый сержант, тот, с волжским говорком, продолжил мысль бойца:

— Вот однажды у нас с Алексеем Чепурных был такой случай. Нежданно наскочили мы на группу фрицев…

— Хорошо помню тот случай, — вступил в разговор лейтенант Слыщенко. — Дальше-то вот что было…

Воспоминания заинтересовали сидевших у костра бойцов. Мне было ясно, что боевые традиции в роте живут, героев боев никто не забыл. Все гордятся доблестью Алексея Чепурных, Василия Носкова и других однополчан.

Как-то незаметно в ткань беседы вплел свою нить и капитан

Туканов:

— Что и говорить, Алексей Тихонович Чепурных умел воевать. Большого солдатского ума был человек — тут правильно о нем рассказывали. Это я подтверждаю.

Туканов помолчал, а потом добавил:

— Я слышал разговор в роте, что здесь, на Сочинском перевале, нам попроще будет воевать, чем на шоссе под Боровом. Горы, мол, спасут нас от немецких танков. Может быть, танков и не будет, а вот готовить себя надо к трудным боям, а не к прогулке — это я вам скажу без утайки. Бронебойщикам работа всегда найдется — не по танкам, так по другим огневым точкам. Шапкозакидательское настроение не подходит к характеру гвардейцев. Противник наш не слабый, воевать, вы знаете, умеет. А тут еще осень, дождь, горы и лес, нет дорог… Если даже гитлеровцы будут отступать, так все равно трудно без дорог-то с противотанковым ружьем, станковым пулеметом и минометом воевать… Сколько ружье весит? — обратился Туканов к сидевшему напротив сержанту.

— Всего пудик, — засмеялся сержант.

— То-то и оно. Шутка сказать — пуд… Да и это не все. Ты преследуешь противника, он — впереди тебя, и вдруг позади треск пуль. Что делать? Назад бежать? Никто не позволит! Надо быстро соображать, оценить обстановку и действовать решительно. Понятно? — Капитан пристально посмотрел на молоденького красноармейца, сидевшего рядом, и попросил его ответить.

— Понятно, товарищ гвардии капитан, — сказал боец.

— Теперь-то понимаете, а зачем тогда побежали назад?

— Жить-то хочется!

— А ведь тогда гитлеровцы не позади были, а впереди, а позади пули из их автоматов рвались, попадая в ветки. Пули-то разрывные. Это надо понимать.

— Теперь понимаю. А тогда думал — окружили.

— А то вот еще был такой случай: ружье заело, а надо стрелять. Самоходка идет — а ружье не действует, понимаете? Целый взвод застыл, ожидает, когда бронебойщик выстрелит, вся надежда на ПТР, а ружье — молчит. Хорошо, что второе ружье было недалеко…

Туканов вспомнил еще несколько эпизодов неудачных действий некоторых красноармейцев, объяснил причины. «Неудачники» сидели здесь же, у костра, сами признавались в своих «грехах». Пользу беседа приносила и другим бойцам, особенно новичкам.

Капитан Туканов умел запросто беседовать с людьми. Он

обладал завидным тактом. Даже в момент «проработки» он говорил мягко и доброжелательно, не унижая достоинства красноармейца.

Я почти ничего не знал о прошлом Туканова. Сейчас узнал много интересного. На фронт он ушел из Удмуртии. Там вел партийную работу, приобрел опыт живых контактов с рабочими, служащими. Это пригодилось в армии.

С удовольствием послушав Туканова, я спросил красноармейцев, хорошо ли они уяснили задачи, которые им предстоит решать в ближайшие дни, есть ли какие-либо претензии к поварам, медикам, оружейным мастерам. Ответив на вопросы, интересовавшие бойцов, попрощался и направился в штаб полка. Шел и думал о командирах рот, взводов, отделений, расчетов — об этих организаторах боя, начальниках, которые ближе всех стоят к бойцу, вместе с ним делят тяготы фронтовой жизни и радости успехов.

…Утро выдалось туманное — в нескольких десятках метров ничего не видно. Это нам было на руку. Облегчались условия маскировки при доставке в роты боеприпасов, пищи, почты.

Исходный рубеж для атаки красноармейцы и командиры заняли быстро и скрытно — помог туман. Каждый имел с собой легкий паек — хлеб и вареное мясо — это на случай, если в горах, в лесу вдруг отстанут «кукурузники» (так называли подносчиков пищи).

На скатах высоты 816 подразделения полка застыли в ожидании атаки.

Вдруг ударила наша артиллерия. Захлопали минометы. После 10-минутного артналета взвились красные ракеты. Стрелковые роты устремились вперед. Под прикрытием густого тумана красноармейцы ворвались на высоту 720, смяли и опрокинули противника. Завязался бой за высоту 840. Здесь гитлеровцы заблаговременно создали основной узел сопротивления с развитой сетью дзотов, траншей, артиллерийских, минометных и пулеметных позиций. В тот же день—11 октября — к 17.00 полк овладел первой оборонительной позицией, а в течение ночи полностью очистил высоту 840 от гитлеровцев.

Когда мы с командиром полка, перемещая НП, проходили через район только что захваченной первой позиции противника, то убедились в эффективности огня артиллеристов и минометчиков. Окопы и дзоты противника были перепаханы снарядами и минами. Противник бросил много оружия и снаряжения. Поле боя было усеяно трупами гитлеровцев.

Утром 12 октября полк вел бой за высоту 756, прикрывавшую Солинский перевал. Здесь мы почувствовали усиление вражеских

контратак. Каждый метр перевала приходилось брать силой огня — ружейного, пулеметного, артиллерийского, упорством красноармейцев и командиров. Без отдыха полк продолжал бой целые сутки и сумел завоевать высоту с отметкой 935 и овладеть перевалом.

Через Солинский перевал дорога вела из Польши в Восточную Словакию. За перевалом, в широкой долине, находилось словацкое селение Звала. Его окружали горные цепи. Части нашей 128-й дивизии освободили село Звала. Так мы снова оказались на территории Чехословакии.

Наш полк вступил в горы Главного Карпатского хребта. Здесь преобладали крутые склоны, покрытые густыми лесами. Что и говорить, трудно было пехотинцам — ведь кругом бездорожье. Еще труднее тем, кто двигался с орудиями, минометами, с боеприпасами, на повозках.

Ни противник в обороне, ни мы в наступлении не имели сплошного фронта — бои сосредоточивались на горных тропах, в узких проходах, на перевалах. Очень трудно было управлять боем, ибо полк, батальоны и роты в ходе наступления часто расчленялись на мелкие группы, которые вели бои самостоятельно, не имея локтевой связи. Наши рации почти бездействовали радиоволны затухали в скалах и в высоких девственных лесах. Кабель же связисты не успевали тянуть вслед за наступающими. Поэтому командир полка свой НП располагал не далее 300–500 метров от батальонов, а последние держались поближе к тем ротам, которые действовали на основных направлениях. Почти единственным средством связи служили посыльные.

На высоте 840 при наступлении полковая пушечная батарея продвигалась по магистральной горной тропе. Участок боя эта тропа делила примерно на две половины. Артиллеристы старались не отставать от стрелковых рот, огнем помогая им подавлять вражеские опорные пункты. Батарея отлично выполнила боевую задачу. Сошлюсь на один из эпизодов.

Когда противник на гребне высоты, открывавшей путь к перевалу, значительными силами контратаковал 4-ю стрелковую роту, командир полка приказал батарее быстро выдвинуться в район боя и поддержать стрелков. Вместе с батареей к перевалу вышла 3-я стрелковая рота. Она помогла артиллеристам выкатить пушки на прямую наводку. Вражеская контратака была отражена, наши бойцы овладели гребнем высоты. Этот маневр был осуществлен сравнительно быстро потому, что командир полка имел свой НП в непосредственной близости к КНП батальонов, что позволяло непрерывно управлять боем.

Командные пункты перемещались в зоне оси наступления полка — горной тропы, основной коммуникации в районе наших боевых действий.

В ходе наступления партийно-политическая работа велась с учетом особенностей боевых действий в горно-лесистой местности. В чем заключались эти особенности? Прежде всего в том, что пехоте чаще приходилось действовать самостоятельно и мелкими, порой изолированными друг от друга подразделениями и группами. Крутые горы не позволяли использовать танки и штурмовую авиацию. Боевую технику — горные пушки, 107-мм минометы — и боеприпасы можно было перевозить только на лошадях во вьюках. Вот почему с прибытием в Карпаты мы придавали большое значение тактическим занятиям, на которых отрабатывались приемы вьючения пушек, минометов, боеприпасов.

Цепным подспорьем в работе командиров и политработников служила специальная инструкция, разработанная Военным советом 4-го Украинского фронта для войск, действовавших в Карпатах. В ней обобщался опыт горной войны, излагались практические задачи боевой и политической подготовки красноармейцев и командного состава. Обучая батальоны, роты, бойцов, командиров, политработников, мы в полку особое внимание акцептировали на следующих вопросах: наносить дерзкие и стремительные удары по врагу, чтобы опередить противника в захвате важных рубежей, еще не запятых им, или внезапными ударами выбивать его с господствующих высот, из горных дефиле, с узлов дорог, с перевалов; нащупать и захватывать не закрытые противником проходы в его тыл и на фланги; быть готовыми действовать с открытыми флангами и в тылу противника; проявлять высокую бдительность, непрерывно вести разведку; обеспечивать тесное взаимодействие стрелковых рот с артиллерией, помогая батарейцам передвигать орудия в горах; широко использовать батальонные минометы с их навесной траекторией ведения огня из-за любого укрытия; быть готовыми действовать без средств усиления, а лишь со штатным оружием стрелкового отделения или стрелковой роты.

Эти вопросы отрабатывались на командирских занятиях и на учебных сборах политсостава, семинарах парторгов и комсоргов.

Вспоминаю такой случай. В полк прибыли новые политработники, сменившие выбывших из строя. Мы провели с ними несколько занятий, посвященных особенностям боевых действий стрелкового батальона и роты в горах. С учетом этих особенностей были разработаны практические мероприятия по организации партийно-политической работы в подразделениях.

Парторгам батальонов и рот, батарей большую пользу принес семинар, на котором парторг 3-й стрелковой роты В. П. Иваненко, парторг пушечной батареи А. С. Оничко и парторг 1-й стрелковой роты К. Д. Мирзаев поделились опытом партийной работы в ходе наступательных боев в горах.

— Третью стрелковую роту, наступавшую на Солинский перевал с приданной ей пушечной батареей, — рассказывал на семинаре Иваненко, — артиллеристы хорошо поддержали огнем. Дорог не было, и орудийные расчеты отставали. Коммунисты первыми шли на помощь артиллеристам. Они вытаскивали орудия на новые позиции, не дожидаясь команды старших начальников. Это обеспечивало непрерывность огня.

Парторг Мирзаев рассказал на семинаре об организации партийной работы в период подготовки ночной атаки опорного пункта противника.

— Перед ночной атакой, — сказал Мирзаев, — всем коммунистам роты я давал конкретные партийные поручения. Члены партии находились на самых опасных, решающих участках.

В горных условиях, где в боевых действиях рота имеет большую самостоятельность, роль парторганизаций и деятельность полкового и батальонного политаппарата в ротах и батареях приобретала первостепенное значение. Поэтому учебе парторгов рот мы уделяли постоянное внимание. Семинар парторгов рот действовал постоянно.

Но все же основной формой учебы ротного партийного актива мы считали инструктирование парторгов непосредственно в батальонах и ротах. Особое внимание уделялось подразделениям, которые действовали на главном направлении, на флангах или в тылу противника. В ротах, выполнявших важное задание, как правило, находились политработники полка или батальона. Так, комсорг полка Хорошавин и комсорг 2-го батальона старший сержант Скосырский вместе с 4-й стрелковой ротой участвовали в бою за высоту 840. Рота действовала на правом, открытом фланге. От ее успеха в значительной мере зависел исход боя всего полка. Она решительно отразила контратаку противника, отбросила его. Батальон, продолжая наступать, развил успех. Командир роты Григорян, докладывая командованию об итогах боя, отметил, что комсорги Хорошавин и Скосырский оказывали ему большую помощь, личным примером увлекали красноармейцев на разгром врага.

Горные условия ограничивали возможности использования связи. Телефонная и радиосвязь была неустойчивой. Для информации о политических и военных событиях, для сообщения сводок Совинформбюро мы широко использовали рукописные

листовки. Они содержали выдержки из сводок Совинформбюро, краткие рассказы об отличившихся в бою, о наградах и благодарностях героям.

Уставы военного времени (в частности БУП-42, ч. 1) предусматривали такой порядок постановки боевых задач командирам подразделений на наступление, при котором им становилась бы известной и своя задача, и задача для командира по должности на ступень выше. Например, командир стрелковой роты знал задачу до батальона включительно.

Как показал опыт, такое правило не всегда отвечало условиям ведения наступления в горах. И вот прежде всего почему. Характер резко пересеченной горно-лесистой местности вынуждал полк и его подразделения в ходе наступления расчленяться по фронту и в глубину и очень часто действовать без локтевой связи, с большей, чем в обычных условиях, самостоятельностью. В этом таилась серьезная опасность, которую следовало учитывать: и батальоны и роты в ходе боевых действий могли, утратив связь со старшим командиром, перестать действовать целенаправленно, как часть общего целого. В полку было бы нарушено взаимодействие, согласованность в огне и маневре.

Что нужно было предпринять для того, чтобы такой разобщенности и несогласованности не допускать? По меньшей мере, чтобы командир — главный организатор боя — и бойцы были бы еще лучше (чем в обычных условиях) знакомы с задачами не только своего подразделения. Мы пришли к выводу: офицерский состав полка следует знакомить с боевой задачей дивизии, а командиров отделений и взводов — с задачей полка. Только в этом случае подразделение, оказавшись в отрыве от полка, даже в тылу противника, могло продолжать действовать целеустремленно, в соответствии с задачей, выполняемой полком и дивизией.

Таким правилом, подсказанным нам опытом боев в горах, мы в партполитработе пользовались неизменно. Это очень важная особенность содержания партполитработы в горнострелковой части.

В горных условиях, где визуальное наблюдение за полем боя затруднено и часто вообще невозможно, а применение радиосвязи ограничивалось из-за горных и лесных «экранов», глушивших радиоволны, телефонно-кабельная связь командира полка, командиров батальонов, артиллерийских начальников с подчиненными им подразделениями выступала как основная связь. Но проводные линии для связистов в горах становились адскими муками (их приходилось тянуть по горам, через бурные

горные потоки, разматывая множество километров кабеля).

Часто телефонные линии выходили из строя (причин для этого было более чем достаточно). И тогда выручали пешие посыльные. Они искали батальоны, роты, взводы, батареи. Подчас это было невероятно сложно и опасно, физически трудно. Поэтому посыльными к штабу полка или к комбату прикомандировывали из рот храбрых, смышленых и выносливых бойцов.

Все это заставляло заместителей командира полка и батальонов по политчасти систематически работать в подразделениях связи, прививать связистам высокие морально-политические, боевые качества.

Помню хорошее начинание коммунистов роты связи. Они выступили инициаторами состязания телефонистов по быстроте и точности ориентирования в горах. Состязания проводились в дни и часы затишья. В густом высоком лесу, двигаясь по запутанным вьючным и пешеходным тропам, телефонисты учились ориентировке, тренировались в ходьбе и беге с подъемом на вершины гор. Состязания принесли большую пользу.

Много нелегких обязанностей выпадало на хозяйственников полка и батальонов, на старшин, медицинский персонал. Доставка в роты и батареи боеприпасов и горячей пищи, эвакуация с поля боя раненых, транспортировка продовольствия и фуража — все это в условиях горного бездорожья требовало огромного физического и нервного напряжения, изобретательности и смекалки, постоянной готовности с оружием в руках пробивать себе путь через вражеские засады и заслоны. А у старшин, которым надо было в сутки не менее двух раз кормить бойцов горячей пищей, была дополнительная забота — каждый раз заново, если рота продвигалась в наступлении, искать свое подразделение в горном лабиринте.

Опыт боев подсказывал мне решение: в период наступления полка одного из политработников оставлять в тыловых подразделениях для оказания помощи командирам, коммунистам и комсомольцам в выполнении задач, поставленных командованием. Не могу не отметить, что мои товарищи по политработе, часто попадая в острые ситуации, личным примером мужества и пламенным партийным словом вдохновляли бойцов тыла на преодоление трудностей и бесперебойное обеспечение батальонов и рот боеприпасами, продовольствием, медикаментами.

Вместе с командиром полка я восхищался инициативой коммунистов и комсомольцев транспортной роты капитана Мальцева. Они выступили инициаторами шефства лучших

повозочных над молодыми красноармейцами. Бывалые воины практически, личным примером обучали новичков способам вьючки и развьючивания материальной части вооружения, продуктов питания, войскового имущества. Из подручных и табельных средств они заранее готовили волокуши, упоры, тормоза, вьюки. Это обеспечивало своевременную доставку в подразделения необходимых грузов.

В условиях Карпат все насущнее становилась необходимость большей дифференциации в работе с людьми различных воинских профессий. Беседуя с замполитами батальонов, парторгами и комсоргами стрелковых рот, пушечной и минометной батарей, тыловых подразделений, присматриваясь к стилю их работы, нельзя было не убедиться, что некоторые из них недостаточно полно учитывают специфику боевых действий в горно-лесистой местности, не отрешились от шаблона, поверхностного подхода к делу. Повестки дня партийных, комсомольских собраний и темы бесед, политинформаций в отдельных подразделениях нередко страдали декларативностью, однообразием, штампами, будто под копирку снятыми формулировками, вроде «итоги и задачи». Кое-кто по старинке измерял уровень воспитательной работы не ее результативностью, а количеством собраний, бесед, листков-молний. В этом сказывалась и моя недоработка. Первые же бои в Карпатах помогли мне глубже осознать, что политически работать в солдатской семье — значит иметь дело с умом и сердцем человека. Причем не какого-то абстрактно усредненного, а многих сотен людей с разными профессиями, характерами, вкусами, наклонностями, желаниями. К таким людям надо подходить дифференцировано. А для этого необходимы широкий партийный кругозор, умение чувствовать пульс фронтовой жизни.

Своими мыслями я поделился на семинаре парторгов подразделений. И в ответ получил дельные предложения участников семинара. Если суммировать их, то следует подчеркнуть главную мысль: в партийной работе нельзя идти по инерции, повторять штампы, надо ее строить предметно, применительно к конкретным задачам каждого подразделения, к конкретным условиям горной войны.

На одном из семинаров парторг пушечной батареи Алексей Оничко высказал такую мысль:

— Что значит на фоне всего полка труд, успех повара или, скажем, наводчика орудия? Капля в море. Сильны мы прежде всего коллективом. Вот и должны мы воспитывать у воинов гордость за свою профессию, за свое отделение, за свой взвод,

роту, батарею, батальон, за гвардейский полк.

Я следил за дискуссией, развернувшейся на семинаре, и вспоминал свое. Работал я до войны секретарем райкома комсомола, прошел школу в Оренбургском обкоме ВЛКСМ, был и на партийной работе; в армии прошел большую школу. И сколько приятных впечатлений накопилось от живых встреч, душевных контактов с разными людьми! Каждый день работы с людьми приносил мне ни с чем не сравнимое счастье… Находясь в кругу своих фронтовых товарищей и помощников по политработе, я также испытывал огромную радость взаимного узнавания. Отношения между нами, политработниками полка, — отношения единомышленников. В них особая близость, особое тепло, нерасторжимость идейных уз. И это вселяло в каждого из нас веру в то, что партийно-политический аппарат полка будет на высоте требований, предъявляемых к нему Военным советом армии, политотделом дивизии. С этой думой я уходил с семинара в батальоны, чтобы там, на месте, совершенствовать качество воспитательной работы.

Идейно-политическое воспитание красноармейцев и командиров мы не отождествляли с формальным просветительством. Его мы рассматривали как процесс формирования устойчивого марксистско-ленинского мировоззрения, умения людей неотступно руководствоваться им в повседневной военной практике.

Мы стремились оперативнее информировать личный состав о решениях нашей партии и правительства, их внутренней и внешней политике, о положении на фронтах, в полосе действий нашей армии, корпуса, дивизии, о международной обстановке, о непосредственных задачах, которые стоят перед тем или иным подразделением полка.

Целеустремленная и непрерывная партийно-политическая работа содействовала воспитанию отличных бойцов и командиров. Многие из них в атаках и контратаках показали себя героями. Сошлюсь на пример командира отделения связи 2-го стрелкового батальона Виктора Костина.

Во время наступления нашего стрелкового батальона на высоту 840 Костин тянул кабельную связь за 4-й стрелковой ротой Григоряна. В критический момент, когда противник перешел в контратаку, Виктор Костин остановил группу дрогнувших бойцов и с возгласом «ура» повел их на врага. Рота Григоряна, преследуя гитлеровцев, в числе первых подразделений полка ворвалась на вершину высоты 840, но на ней не остановилась, а, сбивая на своем пути разрозненные подразделения гитлеровцев, вышла к утру на высоту 756.

Чтобы читателю была ясна дальнейшая картина боя и подвиг, совершенный старшим сержантом В. Костиным, я должен пояснить значение высоты 756. Дело в том, что эта высота, на которую вышла 4-я стрелковая рота, была седловиной, вроде переходного моста между двумя господствующими над местностью высотами, входившими в систему Главного Карпатского хребта, — с отметками 840 и 935, причем через высоту 935 недалеко от польского села Солинка шел Солинский перевал с улучшенной дорогой, ведущей из Польши в Восточную Словакию. Поэтому, владея высотой 840 и ее продолжением, т. е. высотой с отметкой 756, наш полк получал исходные позиции, позволявшие приступить к штурму Сочинского перевала. С потерей этого перевала немецкие войска неизбежно должны были откатиться на 4–5 километров на юг, за широкую межгорную долину, где им только и представлялось получить достаточно удобный по характеру местности рубеж для обороны.

Вот почему, потеряв высоты 840 и 756, немецкое командование предприняло срочные меры, чтобы оттеснить наш полк. Однако немцам удалось достичь лишь того, что они просочились между высотами 840 и 756 и отрезали на высоте 756 от основных сил полка роту Григоряна. Положение этой роты было критическим — она осталась без боеприпасов и без связи со своим батальоном и полком, не могла эвакуировать раненых. Месторасположение роты и пути подхода к ней через вражеский заслон лучше всего в полку знал связист В. Костин, которого командир батальона и вызвал к себе:

— Любой ценой и незамедлительно обеспечьте телефонную связь с четвертой ротой. Повторяю, незамедлительно!

Виктор Костин, научившийся понимать комбата с полуслова, не терял ни минуты. Взяв с собой напарника — связного из 4-й роты, побежал по знакомой извилистой тропе. Вокруг сгущалась темнота. Шел дождь. Чтобы не сбиться с пути, старший сержант не выпускал из руки телефонного кабеля. Обнаружив на линии перерезанный гусеничным тягачом провод, Костин быстро устранил повреждение и опять побежал вперед, в лес. Вдруг над головой засвистели пули. Связной негромко охнул, повалился на бок. Его ранило в руку. Перевязав бойцу рану, Костин отправил его обратно — на КНП комбата, а сам углубился в лес. На опушке прислушался, уловил металлический стук, голоса немцев. Передвинул на грудь автомат, приготовил к бою гранату. Маскируясь ветвями деревьев, стал наблюдать за гитлеровцами. Они окапывались. Их было — судя по фронту окопных работ — человек 60–80. Костин знал, что именно в том самом месте, где сейчас звенят лопатами гитлеровцы, проходит линия связи с 4-й

ротой.

Как быть? Вступить в бой с такой группой — значит не выполнить задачи. А комбат ждал связь.

Заметив дерево со сломанной наверху ветвью, старший сержант вспомнил: вправо от этого дерева — овраг. Ползком добрался до него, перерезал кабель, отбросил один конец в сторону гитлеровцев, а другой потянул в сторону КНП 2-го батальона, соединил с проводом на своей катушке и бесшумно пополз в чащу леса. Отсюда побежал в направлении высоты 756. Выбрался из оврага — и чуть не напоролся на немцев. Скорее всего, они вели разведку. Они шли недалеко от кабельной линии связи и в любое время могли ее обнаружить. «Обнаружат — к роте Григоряна выйдут… И кабель порежут», — лихорадочно работала мысль у Костина. Что делать? Напрягая зрение, Костин сосчитал: «Пятнадцать или четырнадцать… Нет, пятнадцать». Шли немцы гуськом. Костин стоял сбоку, в кустах. «Поведу автоматом и одной очередью всех уложу». Дальше начиналось открытое, без кустов, место. Раздумывать было некогда. «Упущу?.. Нет, не упущу!»

Разозлившись на себя за промедление, Костин нажал на спусковой крючок автомата. Для верности бросил еще гранату. Сухой, обжигающий треск стрельбы, взрыв, человеческий вопль и стук кованых сапог — все как бы слилось в сплошной гул.

Обшарив три трупа, Костин нашел документы, письма, фотокарточки. По документам немецкого обер-ефрейтора в штабе определили, что перед нашим полком действует 82-я боевая группа гитлеровцев. На линии связи Костин обнаружил и устранил еще несколько повреждений и наконец-то услышал в телефонной трубке голоса комбата и командира 4-й стрелковой роты. Связь была восстановлена.

Утром капитан С. А. Григорян увидел Костина в окопе. Он спал, как спят смертельно уставшие люди. Шинель, изодранная в лесу и на каменистых тропах, была расстегнута, шапка упала на дно окопа.

Противник возобновил контратаку. Григорян поспешил на левый фланг роты. Чувствовал он себя увереннее, чем прежде: за ночь в роту доставили боеприпасы, унесли раненых. Когда гитлеровцы устремились на левый фланг 4-й роты, телефонист, сидевший под сосной, рядом с окопом Костина, сильно толкнул старшего сержанта в плечо:

— Старший сержант, фашисты!

Сон как рукой сняло. Схватившись за автомат, Виктор Костин первой же очередью сразил вражеского солдата. Остальные бросились назад. Телефонист был ранен. Костин отстреливался

один, у него кончались патроны. Выручили подоспевшие бойцы 4-й роты.

Когда гитлеровцы скрылись в лесу, Григорян взялся за ручку телефона. Аппарат молчал. Только что связь была — и вот уже нет.

— Спасибо, орел, тебе за все. Большое спасибо. — И Григорян дотронулся до плеча Костина. Взглянул на него покрасневшими от бессонницы глазами, добавил: — А связь придется восстановить!

И вот Костин снова в пути. Спотыкаясь, бежит вперед. Он хорошо знал местность. Нашел разрыв, перетащил кабель в другое место, соединил концы, замаскировал линию.

В тот же день Костину пришлось еще раз выйти на линию связи. Теперь он был проводником группы бойцов, доставлявших боеприпасы на высоту 756. К 4-й роте подошли все подразделения 2-го батальона и завязали бой за перевал. Развивая успех, они с ходу атаковали гитлеровцев, пытавшихся удержаться на высоте 935. Атака была решительной. Противник покинул южные скаты высоты. Внизу открылись словацкое село Звала и широкая речная долина, за которой виднелись гребни Главного Карпатского хребта.

Батальоны готовились к новой атаке. На рассвете 14 октября вместе с заместителем командира батальона по политчасти П. Г. Поштаруком мы зашли на боевую позицию взвода сержанта Василия Голованя.

— Значит, вы теперь взводный? — здороваясь, спросил я сержанта.

— Ночью во время артналета тяжело ранило командира нашего взвода. Отправили в госпиталь. Вот и пришлось принять командование. Но считайте, что положение мое почти не изменилось, людей во взводе и на два отделения не наберется… Шутка ли: за двое суток взвод одиннадцать контратак противника отразил.

Я слушал сержанта, всматривался в его усталое лицо, синеватые круги под глазами и невольно думал: в характере этого крепкого человека нет мелких, незначительных черт, все в нем видится крупно, все впечатляюще; ему чужда какая-либо бравада, напускная самоуверенность.

После завтрака командир взвода по моей просьбе собрал в лощине красноармейцев и сержантов. Завязалась оживленная беседа. Проходила она в форме вопросов и ответов. Вопросы были самые разнообразные:

— Каковы успехи полка и дивизии в наступлении?

— Скоро ли пришлют во взвод пополнение?

— Правда ли, что американские и английские войска преднамеренно ослабили удары по гитлеровским армиям на Западе, чтобы замедлить продвижение наших войск в глубь Германии?

— Как идет восстановление освобожденных от оккупантов районов и городов нашей страны?

Красноармеец, задавший вопрос о восстановительных работах в освобожденных районах, показал мне письмо и прочел несколько строк из него. Ему писала старуха мать: колхоз восстанавливают (было это где-то под Винницей), но трудностей много, приходится все работы выполнять женщинам, подросткам да старикам.

— Трудная это задача, — сказал я, — восстановление хозяйства, разрушенного оккупантами. Чем скорее закончим войну, тем быстрее залечим ее раны.

Закончилась наша беседа тем, что я раскрыл полевую сумку, вынул из нее листок формата почтовой открытки. Это было благодарственное письмо командования полка, адресованное Василию Голованю. Прочел его красноармейцам и сержантам. В письме отмечалось, что в бою за высоту 840 стрелковое отделение сержанта Голованя действовало по-гвардейски — смело, ловко, стремительно — и поэтому вышло победителем. Письмо заканчивалось словами: «Командование полка благодарит Вас, товарищ Головань, за ратный подвиг и желает дальнейших боевых успехов».

— Служу Советскому Союзу! — отозвался Василий Головань. И добавил: — Считаю, что это благодарность всем нашим ребятам — вместе шли в атаку.

До начала новой атаки оставалось минут тридцать. Сержант попросил меня:

— Расскажите, пожалуйста, о Дудареве.

И я рассказал.

На высоте 840 ночью на одной из горных троп немцы захватили старшего лейтенанта Ф. И. Дударева, уполномоченного контрразведки «Смерш» нашего полка. Гитлеровцы надрезали ему кожу на пальцах рук, выкрутили ноги, выкололи глаза. Все это потом было подтверждено экспертизой и актом специальной комиссии. Видимо, гестаповцам каким-то образом удалось выяснить служебное положение Дударева.

Я видел, как бойцы, слушая рассказ о Дудареве, прижимали к груди автоматы.

— Вперед! Отомстим за Дударева! — прозвучал голос Василия Голованя, возглавлявшего первую цепь атакующих южную окраину словацкого селения Звала.

Метр за метром сокращалось расстояние до первой траншеи противника. Головань не замедлял темпа броска. Красноармейцы не отставали от него. Командир роты, находившийся на правом фланге, вырвался вперед, увлекая за собой два взвода, бежавших по соседству со взводом Голованя. Вражеская пуля ранила командира роты, его подобрали наши санинструкторы. Были ранены и два взводных командира. Головань принял командование ротой на себя. Бойцы ворвались в село. Закидали гранатами вражеский блиндаж, захватили сумку убитого немецкого офицера, в ней обнаружили важные документы. Оказалось, что в районе Звалы оборонялись гитлеровцы из 385-й боевой группы (до этого мы знали только о 82-й боевой группе).

Поредевшая рота Голованя углубилась в село. Ее поддержала 3-я рота, которой командовал сержант В. П. Иваненко, заменивший капитана Ф. Г. Лукова, раненного на высоте 840 (там же выбыли из строя все командиры взводов этой роты).

— Нажимай, ребята, деревня Звала близко! — закричал Василий Иваненко.

Бойцы и младшие командиры решительным броском захватили вражеские траншеи.

Высоко оценив подвиг сержанта, командир полка подготовил наградной лист на него. Работая над рукописью этой книги, я неоднократно обращался к тем материалам Центрального архива Министерства обороны СССР, которые относятся к боевой истории нашего корпуса, дивизии и полка. Мне удалось разыскать наградной лист на В. П. Иваненко, составленный М. Г. Шульгой в октябре 1944 года. Приведу выдержку из этого листа: «14 октября на подступах к словацкой деревне Звала выбыл из строя последний офицер в роте — ее командир. Помощник командира взвода этой роты гвардии сержант В. П. Иваненко по собственной инициативе и без промедления взял на себя командование ротой и твердо управлял ею в бою, что обеспечило непрерывное и успешное наступление роты. Всего 10 бойцов осталось в роте. Показав личный пример храбрости, Иваненко в решающий момент атаки увлек их за собой. Рота одной из первых в полку стремительно ворвалась в деревню Звала, захватила в тылу оборонявшихся гитлеровцев важный в тактическом отношении рубеж, вызвала панику у немецких солдат. Воспользовавшись этим, подразделения полка, взаимодействуя между собой, быстро разгромили вражеский гарнизон в Звале. В этом бою Иваненко со своими красноармейцами уничтожил до 50 гитлеровцев…»

Наградной лист заканчивается выводом: гвардии сержант Василий Петрович Иваненко достоин присвоения звания Героя

Советского Союза.

Когда село Звала было полностью очищено от оккупантов, его жители вылезали из подвалов, возвращались из леса. Крестьяне с радостью встречали красноармейцев.

Ко мне подошла небогато, но опрятно одетая старушка. Вынула из кармана сверток. В платке был завернут экземпляр подпольной газеты словацких партизан. На первой странице — призыв к уничтожению оккупантов. Старушка сказала:

— Сын у меня в партизанах. Недавно побывал дома, оставил газету, сказал, кому в селе дать почитать. Наши прочитали, газету мне вернули… Ждем мы вас, давно ждем, одним нашим с германцем не справиться. Сын так и сказал: ждите, скоро солдаты Ленина придут.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что одного сына старушки убили гитлеровцы. Низко поклонившись, крестьянка попросила:

— Спасибо сердечное передайте вашим солдатам!

В Звале мы не задержались — двинулись вперед, чтобы не позволить противнику занять выгодные рубежи на горной цепи южнее села.

— Неплохо наши люди воевали. Так или не так? — спросил меня Михаил Герасимович Шульга.

— Так, — ответил я.

— А если так, то давай помозгуем, кого представить к правительственным наградам. С кого начнем, комиссар?

— Пожалуй, с первого батальона. Там особенно отличился Костин.

— Знаю. Считаешь, он Героя достоин?

— Убежден в этом!

— А Головань?

— Тоже достоин. — Говоря это, я испытывал чувство гордости за наших людей.

Спустя несколько дней мы направили в штаб дивизии наградные листы на многих наших красноармейцев и командиров.

Преследуя противника, оба наши батальона продвигались на юг. За селом Звала простиралась большая долина, окаймленная горными цепями. У подножия гор сплошной полосой тянулись лесные массивы. Над ущельем, на дне которого журчала горная речка, парили ширококрылые орлы.

Связисты тянули за нами кабельную связь на новый НП, который Михаил Герасимович приказал разместить на защищенной от огня противника скале перед высотой 664,5.

Батальоны подходили к новой цепи гор. Со второй половины

дня 14 октября бои протекали в запутанной, невероятно сложной обстановке. Противник яростно сопротивлялся, вводил в бой свежие силы. В частности, здесь мы впервые встретились с подразделениями 100-й немецкой легкой (горной) дивизии. Наступление затрудняли почти беспрерывные дожди и бездорожье. Численность боевого состава в ротах сократилась до 15–25 стрелков.

Ожесточенные схватки южнее Звалы на горных цепях Главного Карпатского хребта проходили с 14 по 18 октября. Боевые порядки наших и немецких подразделений были так перемешаны, что штабу полка не удавалось точно определять передний край обороны противника. Обстановка в ходе боев менялась часто, и это требовало исключительно быстрого реагирования со стороны штаба и командного состава полка.

Наши батальоны упорно, хотя иногда и медленно, продвигались вперед, в направлении населенного пункта Острожнице. Первым прорвался из Звалы к горам батальон Героя Советского Союза Андрея Мигаля. Он с ходу атаковал противника на западных скатах высоты 664,5 и вклинился в его оборону. Удачнее других в батальоне действовала рота старшего лейтенанта В. Е. Юркова, сбившая с высоты 664,5 немецкую пехотную роту. Успех бойцов Юркова имел важные для нас последствия: гитлеровцы потеряли высоту, контролирующую подход к высотам с отметками 719 и 762 на острожницком направлении.

Ночью 14 октября в долине, выводившей к высотам 719 и 762, полку пришлось остановиться. Требовалось точно оценить обстановку в условиях плохой видимости и под сильным артиллерийским огнем противника из района Острожнице. Комдив утвердил наше решение, приказав возобновить наступление с утра 15 октября. Но и утром наступление полка не развернулось. Однако об этом речь пойдет ниже.

Расскажу некоторые подробности боя за высоту 664,5.

Когда я пошел в 1-й батальон, Шульга напутствовал меня словами:

— Помоги Юркову прорубить окно на Острожнице. Почаще звони!

Подошел начштаба:

— Мигаль сообщил: ранен командир роты Юрков. Его заменил помкомвзвода Мирзаев.

Шульга несколько встревожился:

— Кто этот Мирзаев? Не подведет?

— Никак не подведет, — уверенно ответил я. — Был парторгом роты. Под Боровом заменил раненого командира

взвода, с восемью красноармейцами три часа вел бой с гитлеровцами…

— Ну если так, то все в порядке, — успокоился Шульга. — Высоту удерживать во что бы то ни стало!

И вот я в 1-м батальоне. Андрей Мигаль осваивает высоту, расставляет подразделения таким образом, чтобы обеспечить уверенную ночную оборону. Я же с замполитом батальона Иваном Ефимовичем Кокориным беседую с Мирзаевым и его бойцами.

О себе Мирзаев не говорит, но о товарищах рассказывает горячо, увлеченно. Особенно тепло он отзывается о командире расчета противотанкового ружья сержанте Ламцкове и бойце Орлове.

— Наградить надо, большой орден вешать надо, — убеждает меня Мирзаев. Казах по национальности, он говорит с сильным акцентом, иногда затрудняется в подборе нужных слов. — Где карабин, автомат бессилен, там ПТР камни разбивал — и готов вражеский пулемет, бегут немцы…

— Нельзя позвать сюда Ламцкова? — спрашиваю я.

— Никак нельзя. Ранен Ламцков, не сильно ранен.

Пленных повел в штаб. Орлов один с противотанковым ружьем.

Из беседы с Мирзаевым, с его бойцами и с командиром батальона А. И. Мигалем постепенно выясняю картину атаки на высоту 664,5.

Атака началась без артподготовки, что обеспечило ее внезапность. Старший сержант Мирзаев со своим взводом уже достиг вражеских окопов, когда немцы увидели их. Открыть прицельный огонь они не успели. Началась рукопашная. Бой развернулся на всем участке наступления роты.

Оставшиеся в живых гитлеровцы побежали.

Вскоре гвардии старший сержант Кумат Мирзаев был награжден орденом Красного Знамени. О подвиге Мирзаева мы написали в его родной колхоз «Ашанубек» Чилийского района, Кзыл-Ординской области.

В числе награжденных за разгром вражеского опорного пункта был и Е. В. Ламцков. Его наградил сам комдив генерал-майор М. И. Колдубов, когда легко раненный Ламцков доставил в штаб двух пленных.

Генерал Колдубов стоял возле подвала, где размещался узел связи дивизии, когда Ламцков появился с пленными.

— Товарищ гвардии генерал, привел пленных. Разрешите доложить?

— Откуда вы, старший сержант?

— Из полка Шульги. Из роты ПТР.

— Из хозяйства Туканова? — переспросил Колдубов.

Узнав, как и где захватили пленных, Колдубов распорядился, чтобы немцев допросили, а сам, пока Ламцкова перевязывали, стал с ним беседовать.

— Как настроение у бойцов?

— Хорошее. Но людей маловато. Только атакуешь, разойдешься, разгорячишься, выбьешь немцев с высоты, а закрепиться-то нечем. Бывает страшновато…

— Но ведь воевать-то надо не только числом, а и умением? Поди, слышал такие слова?

— Да ведь число-то, товарищ генерал, тоже что-то значит? И о числе надо кому-то подумать.

— Конечно, и число что-то значит, — пытливо посмотрев на сержанта, подтвердил генерал.

А Ламцков, немного подумав, поднял глаза на генерала и сказал:

— Да, надо бы людей побольше… Но вы не думайте, товарищ генерал, худого, это я говорю, как бы лучше… А вообще-то и при нынешней силе справимся, все равно одолеем фашистов. Ведь, почитай, одним взводом мы роту у них расколошматили!

— Выходит, умением берете?

— Так выходит.

Распорядившись, чтобы ему принесли сводку о численном составе рот 327-го полка, генерал затем спросил Ламцкова:

— Как кормят?

— Неплохо. А баньку бы не мешало…

Через некоторое время мне позвонил инструктор политотдела по информации капитан М. М. Полищук и, передав содержание разговора комдива с Ламцковым, запросил по поручению Колдубова, можно ли старшего сержанта наградить орденом. Я ответил утвердительно. Ламцкову вручили орден Славы III степени.

С утра 15 октября наш полк по приказу Колдубова был выведен из боя на короткий срок, для того чтобы пополниться и помыть людей в бане. В разговоре с командиром полка по телефону Колдубов сказал: «Шульга, вы беседуете со своими бойцами?» И, не дожидаясь ответа, закончил: «Надо это делать. Полезно бывает». Озадаченный непонятными словами генерала, Шульга рассказал мне о телефонном звонке. Я его успокоил, сообщив о разговоре Колдубова с нашим бронебойщиком.

Мы с Шульгой обдумывали, как доукомплектовать стрелковые роты хотя бы до 40 человек — пополнения явно для этого не хватало. Доукомплектовать мы могли только за счет подразделений обслуживания. Во время нашего разговора на эту

тему на НП прибыли майор Н. И. Войнилович, агитатор политотдела дивизии, и майор А. В. Берлезев, офицер оперативного отделения штаба дивизии. Войниловича я хорошо знал, с Берлезевым же прежде встречался редко. Он был невысок, широкоплеч, с густым темным чубом. Берлезев представился:

— Прибыл на должность начальника штаба полка.

Михаил Герасимович Шульга, заметно обрадованный, встретил нового начальника штаба градом шуток:

— Прибыл, голубчик? Вот и хорошо. С меня хватит, наслушался по телефону всякого. Теперь вы отвечайте по телефону, куда мы продвинулись или почему не продвинулись. Выслушивайте ласковые замечания начальства. А я буду заниматься внешним агрессором… — Шульга еще раз, уже шутливо, пожал руку Берлезеву.

Вскоре мы с Берлезевым, взяв с собой помощника начальника штаба полка по учету И. Я. Науменко, ушли заниматься комплектованием рот. Мне предстояло восстановить ротные парторганизации, хотя бы накоротке посоветоваться с замполитами командиров батальонов, как расставить в подразделениях коммунистов.

В 3-ю стрелковую роту пришлось направить повара батальонной кухни члена партии А. П. Олейника. Его встретили шутками.

— Ой, мама родная, повар! — воскликнул один из бойцов.

— Э-э, братцы, Олейник! — нарочито удивленно воскликнул второй боец. — Кто же кашу будет варить?

— Ничего, — в тон красноармейцам отозвался Олейник. — Поголодаете немного. А то вон как отъели пузо-то, разжирели, разучились воевать.

— Тю-ю, — свистнул худой, с глубоко запавшими глазами красноармеец в обвисшей шинели. — Я-то и не знал, что от жиру лопаюсь…

— Хлопцы, а у меня штаны что-то падают вниз — не иначе как от излишней полноты.

И пошло, и пошло — шутки, смех…

Расстановка партийных сил в подразделениях оказалась нелегким делом. Мы обсуждали каждую кандидатуру. Коммунистов было маловато, а партийным влиянием надо было охватить весь личный состав. И все же удалось в каждой роте восстановить партийную организацию, подобрать коммунистам партийные поручения.

Вечером 15 октября снова заморосил дождь. Позже он усилился и шел всю ночь. К рассвету все вокруг скрывалось в тумане. Но наступление не было отменено — оно началось с

рассветом. Внесли лишь некоторые коррективы — наступать начали без артподготовки. Только на некоторые участки обороны, достаточно разведанные и имевшие мощную систему огня, производились артналеты. Основным объектом наступления полка в этот день была высота 719. Справа на нее наступал 1-й батальон, слева — 2-й, имевшие задачей выйти на рубеж атаки перед высотой с отметкой 762 и прикрыть левый фланг от контратакующих сил противника.

Начав наступление при сомкнутых флангах между ротами и батальонами, в ходе боя полк расчленился поротно вдоль фронта и в глубину. Это произошло не по желанию командиров, — напротив, они этого не хотели, — но рельеф местности и неодинаковое огневое сопротивление противника заставили расчлениться. Одни подразделения шли вперед, преодолевая отроги гор или обходя их и тратя на это время, другие наступали по ровной местности. Одним приходилось менять курс, встретив на пути разлившуюся горную речку, или с трудом переправляться через нее, на пути других преград не было. Одни попадали под артобстрел противника, другие продвигались более или менее свободно. Сплошного фронта, как уже упоминалось, ни у наступающих, ни у обороняющихся не было и быть не могло.

Первой в полку успеха достигла 3-я стрелковая рота: в ночь на 16 октября под прикрытием тумана она вплотную приблизилась к высоте Безымянной (западный отрог высоты 719) и штурмом овладела укреплениями противника. На самой высоте рота разгромила несколько наблюдательных артиллерийских пунктов, перерезала линии проводной связи, разбила метательный аппарат, из которого обстреливался район Звалы.

Воспользовавшись успехом 3-й роты, 2-я рота лейтенанта Киселева при поддержке минометной роты старшего лейтенанта Груздева и батареи 107-мм минометов капитана Гусаченко 16 октября атаковала центральную часть высоты 719 и овладела ею.

Подтянув резервы, немецкое командование бросило против 1-го батальона до батальона пехоты и сосредоточило по высоте 719 и ее отрогу — высоте Безымянной — сильный артогонь. Первый удар врага пришелся по 3-й роте. Гвардии сержант Иваненко приказал солдатам держаться до последнего патрона. Коммунистов и комсомольцев он расставил на решающих позициях.

Гитлеровцы подходили все ближе. Их огонь усиливался. Против горстки бойцов Иваненко наступало до двухсот человек. Им удалось окружить роту.

Разумеется, мы с командиром полка не могли не тревожиться за судьбу 3-й роты, но напряженный бой вел весь полк: 1-й

батальон был связан боем на высоте 719 и у ее подножия, а другие подразделения полка отражали контратаки со стороны урочища Герчате и высоты 734,6.

И все же Шульга приказал нашим артиллеристам и минометной батарее Гусаченко помочь роте Иваненко огнем.

15 контратак за полутора суток обрушилось на бойцов Иваненко. Особенно ожесточенными были предпоследняя и последняя атаки. Гитлеровцам удалось вплотную подойти к позициям роты.

— Рус, сдавайся! — кричали гитлеровцы.

Наши бойцы А. П. Олейник, В. М. Куликов, С. А. Шенгуженков забросали наступающих гранатами. Другие бойцы усилили автоматный огонь.

Высоту Безымянную густо усеяли трупы. На счету каждого красноармейца было по нескольку убитых гитлеровцев. Одного вражеского солдата взял в плен Иваненко. Под дулом автомата Олейника поднял руки немецкий ефрейтор.

О том, как Олейник захватил пленного, я узнал из доклада замполита батальона. Бойцы же, не переставшие зубоскалить над Олейником, не преминули воспользоваться случаем и историю этого пленения рассказывали на свой лад. Оказавшись на солдатских харчах, бывший повар якобы стал страдать животом, и ему то и дело приходилось надолго отлучаться в кусты. Во время очередной отлучки, когда он сидел в какой-то лощинке, в чащобе, неожиданно появился гитлеровец, как видно отставший от своих. Гитлеровец, не заметив неподвижно сидевшего Олейника, повесил на сук дерева автомат, поясной ремень закинул на шею и устроился под деревом. Олейник, не взявший с собой оружия, после секундного замешательства учел, что наши невдалеке, заорал во всю глотку: «Хенде хох!» Немец от неожиданности упал лицом вниз и пополз за дерево. Олейник схватил с дерева его автомат и, придерживая рукой штаны, повел пленного к командиру роты…

Разумеется, эпизод этот оброс солдатскими байками, однако основа его не выдумана, и Олейник за захват немецкого ефрейтора в плен был вполне заслуженно награжден боевой медалью.

Кстати, о солдатском фольклоре. Да, он в то время, случалось, бывал грубоват, но ведь надо понимать и обстановку, фронтовой быт, в которых рождались подобные шутки. Я помню, сам Олейник, вообще-то не такой уж добродушный, покладистый человек, не обижался, когда ему случалось слышать, как он брал немецкого ефрейтора. Он лишь отшучивался, а иногда и сам добавлял какую-нибудь смешную деталь, отчего бойцы

поджимали животы.

Поваром в хозвзвод Олейник вернуться не захотел и настойчиво просил командование оставить его в строю. Просьбу его удовлетворили. Но пробыл он в 3-й роте недолго — был ранен в бою и убыл в госпиталь.

Высоту Безымянную 3-я рота удержала. Только в ночь на 18 октября она, выполняя приказ комбата, с боем отошла на новый рубеж.

2-я стрелковая рота лейтенанта И. И. Киселева, как уже было сказано, с 16 октября занимала центральный район высоты 719. Рота была усилена пулеметом и двумя противотанковыми ружьями. И для противника, и для нашего полка эта высота имела важное тактическое значение: она господствовала над обширным горным районом, через который проходила единственная дорога. От Солинского перевала эта дорога вела в населенный пункт Острожницу и дальше на юг Восточной Словакии. Она служила единственной коммуникацией для перевозки оружия, боеприпасов, продовольствия, снаряжения. Вот почему противник бросал в бой новые и новые резервы, стремясь отвоевать высоту 719. На помощь Киселеву комбат направил 1-ю стрелковую роту старшего лейтенанта Юркова. Общими усилиями они попытались стабилизировать положение на высоте, но противник ввел в бой свежие силы, и схватка принимала все более острый характер.

Большой группе немецких автоматчиков удалось прорваться на южный склон высоты, где находились наши бойцы. Фельдшер Надежда Буренина в этот момент оказывала медицинскую помощь тяжело раненному красноармейцу и не успела взять в руки автомат. Ей и всем раненым грозила смерть. На выручку мгновенно бросились лейтенант Киселев и командир роты противотанковых ружей старший лейтенант Туканов. Вражеская пуля сразила Туканова. Надежда Буренина, укрывшись за скалой, отражала натиск гитлеровцев автоматными очередями. Лейтенант Киселев мгновенно скрылся за толстым стволом дерева, направил ручной пулемет на гитлеровцев. Ливень огня заставил их укрыться за каменной насыпью. Надя Буренина тем временем ползком добралась до раненых, перетащила их в укрытие. Киселев приказал ей немедленно выносить раненых на северные скаты высоты. Там были траншеи 1-й роты — надежные укрытия. Пулеметным огнем лейтенант прикрывал отход фельдшера с тяжелой ношей — раненым бойцом на плечах. Подоспело подкрепление, высланное командиром 1-го батальона. Гитлеровцы не выдержали его удара, откатились вниз. С помощью бойцов Буренина вынесла в безопасное место всех раненых и вернулась к Киселеву, чтобы перевязать его рану.

Фашисты усилили огонь. Отскакивая от камней, рикошетировали в разные стороны пули. Нельзя было поднять головы. Буренина взялась за ручной пулемет. Точными очередями разила она наседавшего врага. Вот уже не менее восьми гитлеровцев в серо-зеленых мундирах нашли смерть на подступах к дереву и скале, у которой лежал тяжело раненный Киселев. Когда гитлеровцы изготовились к новому броску, Буренина метнула гранату, приговаривая пересохшими губами:

— Получайте!

Взрывом смело несколько человек. Остальные припали к земле. Подбежавшая группа красноармейцев вышибла гитлеровцев с южных склонов высоты 719.

Когда Надя пробралась к Киселеву, тот был мертв. Она расстегнула его гимнастерку, извлекла из кармана партийный билет. Бойцы с почестями похоронили лейтенанта.

Подвигам Киселева и Туканова были посвящены боевые листки-молнии, беседы взводных агитаторов. Теплые письма направили мы их родственникам.

Немногим позже 2-й стрелковой роты, а именно — в ночь на 17 октября, на юго-восточные скаты той же высоты вышла 5-я стрелковая рота Василия Голованя. Туда же с двумя пулеметами прибыли П. М. Краснов, командир пульроты, и комсорг 2-го батальона Зотий Скосырский. Когда рота начала наступать, по вершинам гор бродили дождевые тучи. Мохнатыми космами спускался к долинам туман. Под ногами все расплывалось. Рота незамеченной приблизилась к вражеским траншеям. Забросав гитлеровцев гранатами, гвардейцы ворвались в траншею и штыками, прикладами завершили атаку. До двадцати вражеских трупов осталось на месте ночного поединка. Наша рота не потеряла ни одного человека. Внезапность, решительность удара ошеломили гитлеровцев.

В дальнейшем события развивались так.

Заняв окопы, красноармейцы перезарядили оружие, привели себя в порядок.

Гитлеровцы появились примерно через час. Вражеские снаряды порвали связь роты с батальоном. Началась ружейно-пулеметная перестрелка.

Темная, дождливая ночь не позволяла нашим стрелкам и пулеметчикам вести прицельный огонь. Но и фашистам ночь не помогала: боясь попасть в ловушку, они отошли.

Когда телефонная связь была прервана, нарушилось взаимодействие роты с соседними подразделениями. Где находится батальон, Головань точно не знал. Телефонист, которого он выслал на линию связи, не давал о себе знать.

Головань, Краснов и Скосырский стали советоваться.

— Дайте двух бойцов. Уверен, что связь восстановим, — сказал Скосырский.

Головань выделил в распоряжение комсорга двух опытных стрелков. Тройка смельчаков с кабельными катушками за плечами и телефонным аппаратом по горной тропе направилась на задание. А Головань и Краснов пошли в стрелковые отделения и пулеметные расчеты, чтобы подготовить их к отражению возможной атаки противника. При этом Головань предупредил бойцов: вести огонь экономно, добиваться, чтобы каждая граната и каждый патрон достигали цели, так как боеприпасов оставалось мало.

Как и предполагали Головань и Краснов, гитлеровцы начали атаку в предрассветном тумане. Слева и справа затрещали пулеметы, послышались разрывы гранат. Одна группа фашистов предприняла атаку с левого фланга, другая — лобовую. Пулеметчики Краснова встретили противника кинжальным огнем. Пулеметный расчет младшего сержанта Г. Я. Привалова, кочуя с позиции на позицию, прижал гитлеровцев к земле. Но вот на левом фланге почему-то умолк пулемет Краснова.

— Что с командиром? Почему молчит его пулемет? — спросил Привалов Голованя, который лежал рядом и поливал гитлеровцев автоматным огнем.

— Наверное, убит. Наш левый фланг оголен. Не медлить! — приказал Головань.

Привалов помчался к Краснову. Старший лейтенант был мертв. Привалов быстро перетащил за скалу пулемет Краснова, открыл огонь. Гитлеровцы отхлынули. Тем временем Головань и его бойцы отразили фронтальную атаку фашистов.

Воспользовавшись минутой затишья, Головань схватил телефонную трубку. Связи не было, восстановить ее удалось позже.

Тройке смельчаков, посланной Голованем, пришлось обходить опорные пункты противника, огнем прокладывать путь вперед, карабкаться почти по отвесным скалам. На краю лесной поляны заметили блиндаж. Осмотрелись. Из-за толстого дуба неожиданно увидели фрица. Это был часовой, охранявший пушку и спавших в блиндаже гитлеровцев. Скосырский пополз к блиндажу. Взрыв гранат, полетевших в проем блиндажа, слился с автоматной очередью, сразившей часового. В блиндаже раздались крики. Прозвучали выстрелы.

Скосырский швырнул еще одну гранату. На несколько секунд все затихло, но вот слева застрочил автомат. Стрелял гитлеровец, выскочивший из блиндажа. Он попытался скрыться в лесу. Не

удалось — его сразила пуля одного из бойцов. Совсем недалеко от поляны взвилась зеленая ракета. Затрещали автоматы. Не было сомнения, что гитлеровцы приняли удар трех бойцов за начало атаки их позиций крупным подразделением. Но для Скосырского стало ясно и другое — по этой горно-лесистой тропе не прорваться.

— Быстрее в лес! — крикнул Скосырский товарищам.

Двигаясь по ущелью, они не прерывали зрительной связи друг с другом. Натолкнувшись на какое-то вражеское подразделение, группа вынуждена была свернуть на север, к деревне Звала.

Когда добрались до окраины Звалы, уже вечерело. Низкие тучи, сползавшие с гор в долину, сгустили темноту. И все же Скосырскому удалось заметить подозрительную фигуру, метнувшуюся к развалинам одного из домов. Он приказал бойцам приготовиться к открытию огня, а сам ползком проскользнул во двор, захламленный битым кирпичом, обгорелыми досками. Одна из досок была приткнута к полусгоревшему забору. Отбросил доску в сторону. Сидевший у забора гитлеровец, увидев нацеленный на него автомат, поднял руки.

Вместе с пленным группа прибыла в штаб дивизии, доложила о положении роты. Вскоре связь с 5-й стрелковой ротой была восстановлена. Рота Голованя, получив поддержку соседних подразделений, удержала занятый рубеж.

Анализируя острые ситуации, в которых действовал комсорг батальона З. П. Скосырский, командир полка, парторг и я были едины во мнении, что он заслуживает боевой награды. Командование дивизии утвердило наше представление на Скосырского, наградило его орденом Красного Знамени.

…Закрепившись на высоте 719, наши подразделения готовились к выполнению новой боевой задачи, поставленной комдивом. Во взаимодействии с левым соседом — полком 318-й Новороссийской горнострелковой дивизии нашего же 3-го горнострелкового корпуса нам предстояло овладеть высотой 762. Господствуя над окружающими горами, она занимала главное место в системе обороны немцев, пытавшихся удержать Острожнице. Данные полковой и дивизионной разведок, показания гитлеровцев, взятых в плен, свидетельствовали о том, что задача была нелегкой.

Вместе с замполитами командиров батальонов, парторгами и комсоргами подразделений мы изучили боевую задачу, поставленную полку, посоветовались, как быстрее довести ее до сознания красноармейцев, определили место коммунистов и комсомольцев в предстоящем бою. На разъяснение боевой задачи

были мобилизованы взводные агитаторы и редакторы боевых листков. В беседах с красноармейцами они подчеркивали, что без четких, слаженных действий, взаимовыручки, непреклонной решительности, умелого использования местности не удастся сокрушить густую сеть вражеских дотов и дзотов. Внимание красноармейцев обращалось на необходимость быть готовыми к преодолению речки, которая после дождей вышла из берегов. Речка пересекала неширокую долину, разделявшую высоты 719 и 762, и ограничивала возможности маневрирования полка. Принимались меры, чтобы подготовить каждый взвод, каждое отделение и каждый орудийный, минометный расчет к преодолению этой водной преграды.

Обмениваясь мнениями о вариантах предстоящего боя, мы с командиром полка не могли не учитывать одной весьма серьезной трудности: в обоих наших батальонах в то время не было комбатов — старые выбыли из строя, новых еще не прислали.

— Без опытных комбатов трудновато придется, — вслух раздумывал Михаил Герасимович Шульга. — Но задачу выполнить надо. Где же целесообразнее разместить полковой НП? Придется его вплотную приблизить к батальонам. Для помощи исполняющим обязанности комбатов направить офицеров штаба полка.

Это решение было резонным. Прислушиваясь к словам командира полка, я согласно кивал головой. Потом сказал, что мне следует пойти в роту автоматчиков. Это была наиболее полнокровная рота, и ей вместе со 2-м батальоном предстояло действовать на главном направлении — наступать на высоту 762. В роте автоматчиков по штату не полагалось политработников, во 2-м батальоне они выбыли из строя. Это делало мое пребывание среди наступающих подразделений особенно целесообразным.

— Ну кто же за тебя на НП полка останется? — спросил Шульга.

— Войнилович из политотдела, с начподивом этот вопрос согласован. Больше у меня никого нет. Поштарук застрял в первом батальоне, он нужен там.

— Ну что ж, верное решение я всегда приветствую, — подвел итоги Шульга, раскуривая папиросу и углубляясь в изучение топографической карты.

Время торопило. Горные вершины погружались в темноту. Попрощавшись с Шульгой, я по тропинке направился к автоматчикам. Минут через тридцать — сорок вскарабкался наверх, к большой скале, — там располагался КНП роты. Под скалой меня встретили командир роты капитан Христенко и

парторг Мелешков (он же командир взвода). Оба они были возбуждены и явно чем-то серьезно озабочены.

— Как настроение? Как дела? — спрашиваю капитана.

— Только что с рекогносцировки…

— Ну и что?

— Фланкирующий пулемет укрылся в камнях. Не достанешь ни минами, ни снарядами. Командир полковой минометной батареи обещает разбить его. Но сомневаюсь, что минометчикам удастся. А ведь если не удастся, я всю роту могу погубить…

— Да, на всякий случай надо искать свой вариант. Надо посоветоваться с народом…

В разговор вступил старший лейтенант Мелешков:

— Ловкий один парень есть, смелый и выносливый — сержант Каракулов. Я его еще по Кубани знаю. Помню, на открытой местности под огнем, можно сказать, на виду у всего полка донесение доставил… Очень ловкий и смелый парень, — повторил Мелешков. — Давайте поручим ему расправиться с этим пулеметом…

— Дельная мысль, — согласился Христенко.

Слушая Мелешкова, я вспоминал совсем недавние тяжелые сентябрьские бои. Один наш стрелковый батальон окружили гитлеровцы. Надо было вывезти раненых в безопасное место. Я поручил это сложное и ответственное задание Джуману Каракулову. С небольшой группой автоматчиков он сумел пробраться через кольцо окружения в расположение нашего батальона. Слева и справа, впереди и сзади рвались снаряды, мины, трещали пулеметы. Все застилал густой черный дым. И все же в адском грохоте вражеского обстрела нашим автоматчикам-смельчакам под командой Каракулова удалось спасти жизнь многим раненым красноармейцам.

— Ну что ж, дадим сегодня на партсобрании Каракулову партийное поручение — добраться до фланкирующего пулемета. Доверие придаст ему особое мужество.

Христенко согласился со мной.

— Но Каракулова надо послать лишь в крайнем случае, если минометчикам не удастся расправиться с этим проклятым пулеметом, — предупредил я Христенко.

Очевидно, в моем голосе прозвучало волнение. И Христенко, и Мелешков пристально посмотрели на меня.

Капитан Христенко пошел в каменный грот, чтобы поработать над докладом, с которым собирался выступить на партийном собрании. При свете самодельной лампы он стал записывать свои мысли. Мы вдвоем с Мелешковым прошлись по скату высоты — исходному рубежу, с которого рота начнет наступление. Впереди

громоздились скалистые утесы, тускло освещенные неяркими звездами.

Мы с Мелешковым условились, что он выберет и подготовит место для партийного собрания, а я тем временем побеседую с коммунистом Каракуловым.

Беседовали мы с Джуманом Каракуловым под ветвистым грабом, укоренившимся в расщелине.

— Настроение у всех неплохое, товарищ гвардии майор, — сказал Каракулов, отвечая на мои вопросы. — Нытиков и хлюпиков у нас нет… Все знают, что бой предстоит нелегкий, ведь нашей роте придется действовать на главном направлении полка. Будем действовать смело и решительно.

Потом стали говорить о беседе парторга Мелешкова, проведенной сегодня во взводе.

— Правильные, хорошие слова парторг о солдате говорил, о солдатской гордости, о воинском долге, — сказал Джуман.

Незаметно разговор переключился на Кара-Калпакию — родину Джумана. Поводом послужил мой вопрос, как часто получает Каракулов письма от родных. В ходе беседы страничка за страничкой раскрывалась биография Джумана. Родился он в многодетной семье бедного казаха в голодном 1921 году. Чем сильнее нужда давила семью, тем больше отец, мать, взрослые братья и сестры напрягали волю, силы, чтобы побороть невзгоды. Советская власть окружала многодетные семьи бедняков особой заботой. Джуман закончил школу, курсы учителей, стал заведовать начальной школой. В 1942 году надел красноармейскую шинель. Под знаменем горнострелкового полка вместе с другими молодыми красноармейцами торжественно произносил слова военной присяги. Первое боевое крещение Джуман принял на Кубани, закалился в схватках с гитлеровцами под Севастополем, Керчью, еще более возмужал в Карпатах. Худенький и слабый с виду, к удивлению товарищей — однополчан, он оказался выносливым, сноровистым бойцом.

В возмужании Джумана, как он сам считал, немалая роль принадлежала командиру взвода лейтенанту Молчанову. В бою и на отдыхе Джуман всегда стремился быть рядом с ним. Молчанов любил песни, любили их и в роте. Когда позволяла обстановка, собирались вокруг лейтенанта, пели русские, украинские, казахские песни. Как-то попросили Джумана спеть его родную песню. Джуман отказался тогда, но во время отдыха лежал без сна, готовя в уме русский перевод. Когда через несколько дней бойцы собрались вокруг командира взвода, Джуман сам напомнил о просьбе бойцов и спел свою песню по-казахски и по-русски:

Гибкие ветки джингила
Пахнут потухшим огнем,
Синее небо птицы
Режут упругим крылом…

Песня всем понравилась, и, к удовольствию Джумана, ее потом часто напевал Молчанов.

Беседа с Каракуловым была для меня полезной. Она позволила полнее ощутить настрой красноармейских душ, а также порадоваться тому, что рота автоматчиков, где служат русские и украинцы, казахи, узбеки, армяне, — дружный, сплоченный воинский коллектив.

Я посоветовал Каракулову выступить на партийном собрании и предложить свой план уничтожения вражеского пулемета.

Ротное партийное собрание проходило в укромном месте — излучине неширокого оврага, окаймленного многолетними деревьями. Трибуной для докладчика и выступающих служила каменная глыба, отточенная ветрами и дождями, а стульями для собравшихся — валуны, поросшие мхом, свалившиеся деревья, зарядные ящики. Моросил назойливый дождик, по дну оврага клубился туман. Издалека доносились треск пулеметов и автоматов, грохот орудийных разрывов. Ротное партсобрание началось в назначенный срок.

Командир роты Христенко рассказал о роли коммунистов в предстоящем бою, поставил перед членами партии задачи. Он назвал автоматчиков, отличившихся в прежних боях, призвал учиться у них.

Я дополнил докладчика, подчеркнув, что полк у нас сейчас малочисленный, пополнения пока ждать не приходится, а задачи, стоящие перед нами, нелегкие. Командование берегло роту автоматчиков, она почти не имела потерь. Теперь же пришло время помочь полку и во что бы то ни стало овладеть высотой 762. Рота автоматчиков — на направлении главного удара полка…

Выступили и другие коммунисты, в частности парторг Мелешков, который вынес на утверждение собрания поручения отдельным коммунистам.

Джуман Каракулов сказал кратко и деловито:

— Перед ротой в скале немецкий пулемет. Ручаюсь: доберусь, если не удастся подавить его нашим огнем. Дайте в помощь мне одного бойца.

— Подумаем, кого выделить, — ответил командир роты.

— Только, Джуман, помни: на рожон не лезь! — предупредил

Мелешков.

— Что такое «на рожон»? — не понял Джуман.

— Это значит, что ты обязан остаться живым, — разъяснил Мелешков.

— Обязательно останусь живым, — обещал Джуман. Решение собрания гласило: коммунистам увлечь за собой всю роту; агитаторам разъяснить задачу бойцам; Каракулову поручить сделать все возможное для уничтожения фланкирующего вражеского пулемета; утвердить партийные поручения коммунистам; заверить командование, что рота выполнит свой долг.

Коммунисты разошлись по своим подразделениям. Я направился во 2-й батальон.

Бой за высоту 762 начался на рассвете 19 октября. Мы с капитаном Христенко порадовались, что рота автоматчиков дружно, стремительно поднялась в атаку и, опередив 2-й батальон, вплотную продвинулась к рубежу атаки. Над головой со свистом проносились мины — полковая минометная батарея поражала гитлеровцев в их первых траншеях, в укрытиях за скалами. Первым из окопа поднялся коммунист Каракулов. С возгласом: «Вперед! За Родину!» — он устремился вперед, за ним побежал красноармеец Романовский. И в тот же миг ринулись вперед бойцы взвода старшего лейтенанта Мелешкова, других взводов. Каракулову и Романовскому удалось ворваться в немецкую траншею. В это время дробно застучал фланкирующий вражеский пулемет — тот самый, о котором шел разговор на партсобрании. Капитан оказался прав — минометчикам не удалось накрыть эту опасную огневую точку. Рота залегла, кое-кто попятился назад. Каракулов и Романовский закрепились во вражеской траншее, отбиваясь от наседавших гитлеровцев ручными гранатами и автоматными очередями. Потом с большим трудом, цепляясь за каждый бугорок, выбрались из траншеи и по знакомому оврагу пробрались в район расположения роты.

Я связался по телефону с командиром полка М. Г. Шульгой, чтобы доложить обстановку, сообщить о причинах, вынудивших автоматчиков отойти назад. Михаил Герасимович, как бы разгадав мое намерение, упредил меня:

— Знаю, знаю… Не вина автоматчиков. Просчет допустила минометная батарея.

Негромко откашлявшись в телефонную трубку, Шульга продолжил:

— Завтра утром действовать по сигналу номер два. Если минометчикам снова не удастся подавить фланкирующий,

примите все возможные меры, чтобы силами автоматчиков разбить его.

— Будет сделано, Михаил Герасимович, — ответил я.

«Действовать по сигналу номер два» — означало повторить атаку. Мы разъяснили личному составу роты, чем вызван ее отход. Хотя в душе я был в обиде на командира минометной батареи, не обеспечившего уничтожение вражеского фланкирующего пулемета, не сказал ни одного обидного слова в адрес минометчиков. Война есть война, и не всегда дела идут так гладко, как хотелось бы. Для меня и ротной парторганизации важно было поддержать тот высокий наступательный порыв, который царил в роте перед сегодняшней утренней атакой. С этой целью во всех взводах и отделениях коммунисты провели беседы. Агитаторы выпустили боевые листки, в которых рассказали о мужестве Каракулова и Романовского. До красноармейцев мы довели свежую сводку Совинформбюро, в которой отмечались успешные наступательные бои наших фронтов, армий и соединений.

После ночного отдыха утром 20 октября 2-й батальон и рота автоматчиков снова пошли в атаку. И снова минометчики не сумели подавить вражеский фланкирующий пулемет.

Тогда Христенко приказал Каракулову и бойцу Саркисьяну вступить в поединок с немецким пулеметом. План его уничтожения был продуман заранее: Каракулов и Саркисьян под прикрытием огня взвода Мелешкова ползком подкрадываются к каменной насыпи, где замаскирован пулемет; Саркисьян расправляется с прислугой пулемета, а Каракулов пускает в ход гранаты.

Но едва Саркисьян у каменной насыпи приподнял голову, как тут же был убит наповал. Каракулов, рванувшись вперед, бросился в окоп противника, подняв гранату. До нас донесся негромкий взрыв. Немецкий пулемет захлебнулся, умолк. Над горами на какой-то миг повисла тишина. Ее нарушило гвардейское: «Ура-а-а!» Рота автоматчиков поднялась в атаку. Опорный пункт врага был разгромлен.

На каменной насыпи мы увидели Джумана. Распластав руки, он лежал, весь устремившись к развороченной гранатами вражеской пулеметной точке. Рядом с пулеметом валялось два трупа гитлеровцев.

Да, хрупкий на вид казахский паренек коммунист Каракулов повторил подвиг Александра Матросова.

Рота Голованя, соединившаяся с основными силами батальона, наступала на левом фланге батальона, имея задачей овладеть опорным пунктом врага на восточном склоне высоты.

Наступление поддерживалось огнем роты батальонных минометов, которой командовал старший лейтенант Дагаев.

Оценив противника и местность, Головань пришел к выводу, что при недостаточности сил роты было бы целесообразно осуществить атаку при поддержке небольшой группы автоматчиков, засланной в тыл вражеского опорного пункта. Комбат утвердил его решение, приказав батарее полковых пушек поддержать атаку 5-й роты.

Три автоматчика, тщательно маскируясь, поползли в тыл к гитлеровцам. Не утихала ружейно-пулеметная трескотня. Рвались снаряды. Чавкали минометы. Гитлеровцы стремились сорвать наступление наших подразделений.

А три автоматчика все ползли и ползли вперед. И когда они подкрались к вражеским траншеям и обрушили на гитлеровцев автоматные очереди, Головань изо всех сил крикнул:

— Хлопцы! Удалось! Ура, в атаку, за мно-ой!

Голованю некогда оглядываться. Да в этом и нет нужды. Бойцы рядом с ним, они тоже в азарте атаки. В немецкие траншеи летят гранаты, вслед за ними туда врываются красноармейцы. Гитлеровцы убегают к подножию горы, в лес, оставляя в траншеях трупы, раненых, оружие.

Головань скомандовал:

— Занимай оборону! Приготовиться к отражению контратаки!

Зазвенели лопаты. Рота укрепляла оборонительный рубеж.

К вечеру гитлеровцы, обрушив на позицию Голованя шквал артиллерийского огня, бросили в контратаку до роты пехотинцев. Они наступали с юго-востока, наносили удар с фланга. Наши батальонные минометы сменили огневую позицию, приблизив ее к противнику. Они начали интенсивный обстрел гитлеровцев.

Когда немецкая пехотная рота вышла на поляну, ее обстреляли две пушки огневого взвода лейтенанта А. С. Оничко из полковой батареи. Они были выдвинуты на возвышенность и вели огонь прямой наводкой. Фашисты укрылись в лесу. Боевой порядок противника был нарушен.

Наступали вечерние сумерки. Лил дождь. Видимость ухудшалась. Противник этим воспользовался. Он подтягивал к позициям нашей 5-й роты свежие силы.

Чтобы упредить их подход, Головань решил немедленно атаковать противника.

— К бою! Гранаты в руки! — скомандовал Головань.

Выждав какое-то мгновение, которого хватило бойцам на изготовку, он властно крикнул:

— За мной! — и ринулся вперед. За ним бежали

красноармейцы. Фашисты уже близко. Головань бросает гранату и тут же начинает в упор расстреливать вражеских солдат из автомата. Гранаты пускают в ход все бойцы. Ошеломленные стремительной атакой красноармейцев, гитлеровцы откатывались назад, к подножию высоты 762.

Отступая, фашисты яростно огрызались. Вражеские пули прошили тело командира роты Голованя. Многие бойцы были ранены.

— Смерть за смерть! Отомстим фашистским извергам за смерть нашего командира! — этот клич, брошенный коммунистами, воспламенял красноармейцев жгучей ненавистью к оккупантам.

На смену 5-й роте пришла другая. Но и она здесь не задержалась, ушла вперед. Наступление продолжалось. И это было лучшей памятью о герое Головане, о других воинах, отдавших свою жизнь за победу.

Все мы в полку тяжело переживали смерть коммуниста Василия Голованя. Болью в сердце отозвалось также сообщение о том, что тяжело ранен Виктор Костин. Отправляя его в медсанбат, парторг полка П. Г. Поштарук сказал:

— Сообщи свой адрес. Командование еще под Каленовом представило тебя к награде. Будет приказ — напишу.

Костин потерял много крови и забыл об этом разговоре с парторгом. Орден Славы III степени он получил лишь через 25 лет. Знакомясь с материалами Центрального архива Министерства обороны СССР, я обнаружил приказ о награждении нашего боевого связиста, незамедлительно сообщил об этом В. И. Костину.

«И через четверть века замполит полка остался при исполнении служебных обязанностей», — написал мне Костин после получения ордена.

Письмо Костина тронуло меня, воскресило в памяти многие страницы боевой истории полка…

Бои на Главном Карпатском хребте, на Солинском перевале и южнее Звалы многому нас научили. Личный состав на деле доказал беззаветную верность своему гвардейскому Знамени. Бессмертной славой покрыли свои имена В. Н. Головань, Г. О. Павлюк, З. П. Скосырский, И. Е. Кокорин, сотни других красноармейцев, командиров и политработников. Четыре наших гвардейца удостоены звания Героя Советского Союза: Василий Никонович Головань, Джуман Каракулов, Василий Петрович Иваненко и Виктор Иосифович Костин. Десятки наших однополчан награждены орденами.

За период Восточно-Карпатской операции двух Украинских фронтов, длившейся 51 день, в войсках 38-й, 1-й гвардейской, 18-й армий и 17-го гвардейского стрелкового корпуса звания Героя Советского Союза удостоены около тридцати человек. Из тридцати — четыре в нашем полку. Думается, это немало. Вместе со своими однополчанами я искренне горжусь этим.

Окончилась война, но никто не забыт и ничто не забыто. Головань погиб, но память о нем живет и будет жить. Он навечно остался в строю. Помню, наш 327-й гвардейский горностелковый полк праздновал День Красной Армии.

В этот день мы вспомнили Героя Советского Союза В. Н. Голованя, всех однополчан, грудью своей заслонивших Родину в тяжкие годы войны. На торжественном собрании молодым воинам мы вручили оружие прославившихся в Великую Отечественную войну гвардейцев. Командир полка гвардии подполковник М. Г. Шульга в притихшем зале зачитал приказ: в ознаменование боевых традиций полка автомат ППШ № 228 Героя Советского Союза сержанта Голованя Василия Никоновича вручается отличнику боевой и политической подготовки помощнику командира взвода 4-й стрелковой роты гвардии сержанту Мурзаеву.

— Служу Советскому Союзу! — четко ответил сержант, получая драгоценное оружие.

Всех нас, гвардейцев севастопольцев и карпатцев, радует, что приказом Министра обороны Союза ССР Герой Советского Союза гвардии сержант В. Н. Головань зачислен навечно в списки Энской гвардейской мотострелковой части.

Гвардейцы обратились с письмом к матери героя Ксении Сергеевне. Они писали, что зачисление ее сына Василия Голованя навечно в строй — большая честь для части. «Отныне и навсегда гвардии сержант В. Н. Головань будет с нами в едином строю. Теперь каждый вечер на поверке в числе первых называется фамилия Героя Советского Союза гвардии сержанта Голованя. В казарме установлена его койка с портретом у изголовья. Отныне и навсегда он будет незримо с нами на стрельбище и в боевых машинах, на тактических учениях и на привале. Его героический подвиг вдохновляет нас на новые успехи в нашем тяжелом, но почетном ратном труде».

И далее гвардейцы писали: «Многим из нас сейчас столько же лет, сколько было Вашему сыну. Он навсегда останется в наших сердцах как образец верности военной присяге, Родине, народу. Мы будем стараться во всем походить на Вашего сына и клянемся Вам, матери героя, что, если потребуется, мы выполним свой долг так же, как Василий».

Ксения Сергеевна прислала ответное письмо. В нем говорилось: «Дорогие мои дети и внуки! К вам обращаюсь я, мать трех погибших на фронте сыновей. Докажите всему миру своим боевым мастерством, нашим врагам в первую голову, что ни в настоящем, ни в будущем не стоит им пробовать силу вашего оружия. Я от имени всех женщин станицы Раевской прошу вас — овладевайте военным делом так, чтобы враги даже духа нашего боялись, чтобы никогда не повторилась трагедия 1941 года.

Дети мои! Тяжело мне переживать утраты. Но меня радует, что я вижу настоящую жизнь наших людей. Как неузнаваемы стали наши станичники, как изменились их взаимоотношения между собой к лучшему. Как намного улучшилась жизнь сейчас! В одной нашей станице тысячи примеров повышения благосостояния советских людей. Ради всего этого и погибли мои сыновья. Никогда не забывайте о народе и вы, мои сыны и внуки. Постоянно учитесь военному делу».

Имя Василия Голованя не забыто и на его родине, в станице Раевской. Я получил от пионеров и учителей 4-й средней школы, где учился В. Головань, несколько писем. Из них я узнал, что именно в этой школе за одной партой сидели три друга — Иван Котов, Иван Сарана и Василий Головань. Потом все трое ушли на фронт.

Иван Котов погиб в марте 1944 года при высадке десантного морского отряда в Николаеве. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Иван Сарана командовал взводом танков Т-34. В апреле 1944 года он уничтожил десятки гитлеровцев, несколько немецких танков. Погиб весной того же года. Ему также посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Улица в станице Раевской, где жили В. Головань, И. Котов, И. Сарана, названа улицей Героев. Перед школой установлены бюсты героев. Их имена носят пионерские отряды.

Мне известно, что и земляки Джумана Каракулова свято чтут память о нем. В республиканской газете публикуются воспоминания о Каракулове, о его подвигах. На них воспитывается молодежь Кара-Калпакии.

Каждый год, когда в армию приходят молодые солдаты, они начинают службу с изучения боевых традиций, героических подвигов людей, завоевавших великую победу в 1941–1945 годах. В числе героев, у которых учатся молодые солдаты советскому патриотизму и боевому мастерству, находится и Каракулов.

Хочется сказать несколько слов о том, как сложилась судьба Василия Иваненко. В октябре 1944 года В. П. Иваненко доставили в госпиталь. Это было его восьмое ранение. Получив известие о

присвоении ему звания Героя Советского Союза, он писал в полк из саратовского госпиталя: «Не знаю, сколько мне придется лечить мою правую руку. Надеюсь — вылечу. Осталась здоровая левая рука. Есть страстное желание работать, продолжать на трудовом фронте борьбу за осуществление светлых коммунистических идеалов. Не сомневайтесь, товарищи, я еще займу свое место в жизни».

Высокую награду В. П. Иваненко получил из рук Михаила Ивановича Калинина.

Только в 1946 году Иваненко выписали из госпиталя. Его пригласили в райком партии. Звезда Героя, четыре ордена и несколько медалей свидетельствовали о его ратных заслугах на фронте. Райком рекомендовал Василия Иваненко на работу в Мостовскую МТС. Там его избрали секретарем партийного бюро. Три года пробыл он на этом посту, затем ему поручили другую ответственную работу.

Я поинтересовался, как сложилась после ранения судьба и у Героя Советского Союза В. И. Костина. В полк Виктор Иосифович вернуться не смог — затянулось лечение, а потом кончилась война. Однако связи с армией он не порывал. Уволившись из нее, поселился во Владимирской области. Здесь я с ним и встретился в 1965 году. Костин работал начальником отдела кадров в одном из областных учреждений, был секретарем первичной партийной организации. Сейчас он на пенсии. Ведет большую общественную работу, вносит свой вклад в дело военно-патриотического воспитания молодежи.

…18 октября наступление 1-й гвардейской армии было приостановлено. Войска временно переходили к обороне. Части же нашей 128-й дивизии вели наступательные действия еще два дня, затем были выведены на другой участок. Основной итог наступления 1-й гвардейской армии — преодоление Главного Карпатского хребта на протяжении свыше 30 километров и овладение Русским перевалом.

В боях на Главном Карпатском хребте (12–20 октября) 128-я гвардейская горнострелковая дивизия действовала успешно, ее 327-й полк сумел продвинуться на 7–8 километров, имея против себя противника, численно не уступавшего полку ни в людях, ни в артиллерии.

18 октября 1944 года в приказе Верховного Главнокомандующего дивизии генерала М. И. Колдубова и ряду других соединений была объявлена благодарность за преодоление Карпатского хребта. Приказ этот был зачитан в нашем полку на митинге. В нем дана высокая оценка ратного труда гвардейцев.

Глава 4
Соленый вкус победы

Потеряв Главный Карпатский хребет и коммуникации через него, немецко-фашистские войска вынуждены были отступить на новые оборонительные рубежи, протянувшиеся по горным массивам и прикрытые с востока рекой Ондавой. Войска 1-й гвардейской армии, начав снова наступать, упорно стремились выполнить задачи, поставленные перед ними в Восточно-Карпатской операции. В ходе перегруппировки войск 3-й горнострелковый корпус генерал-майора А. Я. Веденина через Русское шоссе вышел на снинское направление.

Наша 128-я дивизия получила полосу наступления, в центре которой было шоссе, идущее от Русского перевала на Снину, Гуменне, то есть в центр Восточной Словакии. В составе дивизии наш полк продолжал марш по горно-лесистой местности.

На марше мы с командиром полка завернули в 1-й батальон, чтобы проверить, как идет сосредоточение, а заодно получше познакомиться с новым командиром роты Баловым, назначенным вместо погибшего в бою Киселева.

Гвардии старший лейтенант Мухтар Батович Балов прибыл к нам в полк совсем недавно. Ни командир полка, ни я в разгар боев с ним не смогли встретиться и обстоятельно поговорить.

М. Г. Шульга, выслушав рапорт комбата В. Е. Юркова, заговорил о новом командире роты:

— Как Балов? Что о нем можете сказать?

— Мне нравится. Спокойный, рассудительный. Думаю, будет хорошим ротным, — ответил Юрков.

— И людей бережет, зря не дергает, — дополнил комбата его замполит И. Е. Кокорин. — Сегодня отстал на марше боец, командир взвода накричал, нашумел, привел к Балову: мол, накажите его своей властью. А Балов присел с красноармейцем в сторонке, побеседовал и, ограничившись внушением, отпустил во взвод. Потом вызвал взводного и сделал ему замечание. «Я, — говорит, — уже слышал, что вы кричите на людей. А ведь криком саклю не построишь».

— Как вы говорите? — Шульга с довольным видом закивал головой. — Да-да, хорошо сказано: «Криком саклю не построишь».

Через полтора часа мы навестили 2-ю роту. Рапорт отдал старший лейтенант Балов. Пока он отвечал на вопросы Шульги, я рассматривал его. Подтянутый, немного ниже среднего роста, плотный крепыш, лет тридцати пяти, с карими умными глазами.

Говорил Балов негромко. Русским языком владел не хуже, чем родным, кабардинским. Отвечая на вопросы, рассказал, что уже воевал, был ранен, лечился в госпитале. Перед войной работал уполномоченным по заготовкам сельскохозяйственных продуктов по Нальчикскому району Кабардино-Балкарской АССР.

— Как оцениваете роту? — спросил Шульга.

— Боевая рота, товарищ гвардии подполковник. Дружная.

Балов по-доброму, доверчиво посмотрел на нас и улыбнулся, как старым знакомым.

— А как настроение людей? — поинтересовался я.

Немного подумав, Балов ответил:

— Устали люди. Вот если бы немного отдохнуть… Но рота готова к бою.

— Хорошо, что вы не преуменьшаете трудностей, товарищ Балов, — сказал Шульга. — Я верю вам, что рота будет воевать, несмотря ни на что. А сейчас дайте людям отдохнуть. Харч и сон — это сейчас наши союзники.

Мы тепло простились с Баловым. Дождь наконец перестал. Из-за облаков выглянуло солнце — не по-осеннему веселое, как подсолнух в цвету.

Вскочив в седло, Шульга тронул своего серого в яблоках жеребца. Я поскакал за командиром вслед. Надо было торопиться — впереди много дел.

Обстоятельства сложились так, что нашему полку, всем частям дивизии 26 октября прямо с марша пришлось ринуться в бой. Противник не выдержал удара гвардейцев, начал отступать. Лишь на выгодных промежуточных рубежах он яростно сопротивлялся, используя массированный огонь артиллерии.

Наши колонны, преследовавшие противника, двигались по горным тропам в пешем строю. О сплошном фронте в горном районе, еще раз это подчеркиваю, и речи быть не могло. Временами, когда гитлеровцы на отдельных рубежах навязывали нам бой, батальоны и роты из колонн развертывались в боевой порядок и предпринимали атаки. Немецкие арьергарды ожесточенно сопротивлялись, предоставляя своим основным силам возможность оторваться от преследования и выйти на подготовленные позиции. Наши гвардейцы усиливали атаки.

Противник пытался замедлить наше преследование минированием троп и дефиле. Саперам полка доставалось немало хлопот. Помогали бойцы стрелковых рот, научившиеся трудному искусству разминирования.

26 октября полк прошел с боями до 15 километров, а утром 28 октября овладел населенным пунктом Старина, важным узлом горных дорог. Противник отступил, закрепившись к западу от

шоссе, в селе Пчелина.

Помню, на подступах к Старине ночью наши разведчики привели к командиру полка женщину, местную жительницу. Она рассказала, что весь прошлый день фашисты минировали дорогу при въезде в село и что на окраине, у самой дороги, установили пулемет и орудие. На вопрос, может ли она показать минные поля, крестьянка сказала, что да, может.

— А как же вы к нам прошли?

— Да там же, на дороге, их видно, мины, — ответила крестьянка.

— Но темно ночью-то, как это вы разглядели?

— Видно, хорошо видно, — заверила нас женщина, энергично в такт словам кивая головой.

Подполковник Шульга, отойдя в сторону, начал обдумывать решение. Тем временем крестьянка продолжала рассказывать окружившим ее офицерам:

— Еще вчера, когда гитлеровцы начали класть мины на дорогу, пришел ко мне Юрий Сидор — то наш, сельский, — и говорит: «Червона Армия не иначе приближается, фашисты мины кладут. Тебе надо бежать предупредить советских командиров». А чего, говорю, это мне надо бежать, а не вам, мужикам? «Неможно мужикам, — говорит Юрий Сидор, — мужиков фашисты поймают, скажут — партизаны, расстреляют, а тебе, бабе, ничего не будет». Пока Юрий мне толковал, слышим, уже палят. «Чуешь, — говорит Юрий Сидор, — Червона Армия близко. Торопиться надо». А тут еще пришли люди, просят: «Беги, поторопи червоноармейцев вызволить село от фашистов, пока не спалили». Как только стемнело, я и пошла к вам…

На рассвете полк, обходя видимые даже в темноте смертоносные бугорки, без потерь продвинулся вперед и освободил Старину. Сначала в село вошли стрелки, потом — артиллерия и обоз.

Сотрудничеству с местным словацким населением мы придавали большое значение. Наши политработники, коммунисты, комсомольцы разъясняли красноармейцам, что трудовая Чехословакия — на стороне справедливого дела советского народа.

Мы, политработники и командиры, считали своим интернациональным долгом информировать жителей освобожденных населенных пунктов о жизни и труде народов Советского Союза, о положении на фронтах. 8 ноября, например, состоялись дружественные встречи наших воинов с крестьянами сел Дара, Ялова и Старины. По просьбе жителей этих сел наши политработники рассказали им, как советский народ отмечает 27-

ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. На этих встречах крестьяне горячо приветствовали представителей Красной Армии, отмечали, что в лице советских воинов они видят своих освободителей, защитников от фашистов. Высокую оценку крестьяне дали дружественным взаимоотношениям, установившимся с нашими бойцами и командирами. Со словами благодарности выступили местные жители Иван Лобано, Иван Мацак, Юрий Сидор и другие. Собрания приняли приветственные письма в адрес Советского правительства и Верховного Главнокомандования.

Ряд подобных встреч тогда и позже состоялся с крестьянами селений Колбасово, Птицы, Травишты, Албин и других.

В селе Птицы, невдалеке от города Гуменне, на площади собралось около двухсот жителей. Я рассказал собравшимся о ходе и характере войны, о том, что Красная Армия пришла на помощь восставшему против оккупантов и их прихвостней словацкому народу. Крестьян волновал вопрос о том, как устроится их жизнь «после победы над германцем». «Это ваш внутренний вопрос, вы сами его будете решать. Но, наверное, вы позаботитесь о том, чтобы ваш общественный и государственный строй отвечал интересам трудовых масс Словакии» — примерно так отвечал я на этот и подобные вопросы. И вслед за тем рассказал о советском общественном и государственном строе, о нашей конституции. Мое выступление переводил местный учитель, знавший русский язык.

После доклада состоялся молодежный вечер. Его организаторами были комсорг полка Хорошавин и комсорг стрелкового батальона Туманов. Михаил Андреевич Хорошавин, ныне инженер, работающий на одной из крупных электростанций Украины, прислал мне письмо. Вспоминая об этом вечере отдыха и танцев, он пишет: «Туманов подготовил несколько неплохих самодеятельных номеров. Дуэт местных парней спел словацкие народные песни, которые очень понравились нашим ребятам. У священника раздобыли пианино, играл на нем учитель. Начались пляски и танцы. Все было скромно, сдержанно и очень душевно. Для села вечер был большим событием, никогда ничего подобного там не было. Прежде все вместе собирались разве только на свадьбу. Когда полк уходил из села, все вышли нас провожать, девушки и парни жали нам руки, прощально махали шапками, платками. Мы почувствовали тогда большую любовь к нам, воинам Красной Армии».

Вспоминается и такой эпизод. В селе Птицы ко мне пришла молодая женщина. Она рассказала, что тяжело болен восьмилетний мальчик, а лекарств достать она не может. Я

вызвал полкового врача Ивана Калицкого. Он пошел с женщиной к ее малышу. Выяснилось, что у него серьезная болезнь горла, требуется операция. Пришлось на некоторое время забрать его в санчасть. Операция прошла успешно. Благодарная женщина пригласила нас в свой дом на ужин. В доме собрались соседи, родственники хозяйки. Женщина выразила искреннюю признательность советским воинам.

28 октября Восточно-Карпатская операция, начатая 4-м Украинским фронтом в начале сентября 1944 года, фактически завершилась. К этому времени войска 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко преодолели Восточные Карпаты и вышли на рубеж Чертижне, Старина, Убреж, вступив в долину реки Ондавы. Хотя полностью наши задачи, как известно, не были выполнены, операция имела большое военно-политическое значение. Своим наступлением части Красной Армии помогли восставшим словакам. От немецко-фашистских оккупантов была освобождена значительная часть Словакии. Преодолена мощная вражеская оборона, заблаговременно созданная гитлеровцами на таком трудном для наступления театре военных действий, как Восточные Карпаты.

В новой обстановке с конца октября и в ноябре части нашего 3-го корпуса, наступавшие на Снину, действовали на второстепенном направлении: в конце октября главное направление удара 4-го Украинского фронта переместилось из полосы 1-й гвардейской армии влево, на Ужгород и Михальовце. Это не могло не сказаться на обеспечении частей 128-й гвардейской горнострелковой дивизии людскими резервами и боевыми средствами. Вплоть до конца ноября полк не доукомплектовывался людьми, получал ограниченные лимиты артиллерийских снарядов. В результате потерь и переутомления бойцов и командиров боевая активность подразделений снизилась. Фактически в боевых действиях наступила пауза. Как потом нам рассказали, это было характерно для всей 1-й гвардейской армии, которая сначала замедлила, а потом приостановила наступательные действия, возобновив их лишь в третьей декаде ноября.

Недостаточное снабжение полка снарядами и минами вызвало определенные трудности в ходе ведения боевых действий. Политработникам пришлось объяснять причины. Помню, перед рассветом мы с М. Г. Шульгой шли на НП. С утра полк должен был наступать на Пчелину. На окраине Старины обогнали бойцов, переносивших из села на огневые позиции мины. Вел бойцов командир минометного взвода лейтенант

Лелетко.

— Здравствуйте!

— Здравия желаем!

— Мины?

— Мины!

— Немецкие?

Шульга пошел дальше, а я приостановился.

— А вы разве не знаете, товарищ гвардии майор, что нам своих-то не дают?

— Дают, но меньше, чем надо, — уточнил я.

— Вот именно. Вчера в полдня все свои израсходовали… Хорошо, что пауза в бою была, пошли искать, нашли вот немецкие, натаскали — стреляли ими. А сегодня решили заготовить заранее, все равно своих не хватает.

— Где берете-то?

— В селе, недалеко от дороги, немцы целый штабель бросили.

Помолчав, Лелетко сердито сказал:

— Думаю, что надо бы надавать по шее кому-то из хозяйственников и артснабженцев, появились бы и мины…

— Не так это просто. Расход боеприпасов огромный. Да и подвоз затруднен — дорог в Карпатах мало. А лимиты отдают прежде всего туда, где главное направление: вон Второй Украинский фронт наступает по-настоящему, им нужнее.

— Ведь бойцу все равно — на главном направлении он ведет бой или на таком же, как мы, второстепенном. Он стреляет, в него стреляют…

Поговорили еще немного. Чувствую, что вот так, на ходу, не убедишь солдат. Да не только в этом, а и в других подразделениях, наверное, ведут солдаты такие разговоры.

В минроту был направлен агитатор полка Одяков. Вопрос этот обсудили и в других подразделениях. У нас было правило: не проходить мимо любых настроений, реагировать на них. Думаю, что в политработе это важно.

Не помню, чтобы мы испытывали недостаток в патронах. А вот лимит на расход артиллерийских снарядов и мин нам устанавливался, и не так уж редко.

Капитан Одяков, вернувшись из 2-й минометной роты, доложил мне, что ранен командир этой роты Дагаев. Я хорошо знал этого отличного командира, коммуниста. Некоторое время он замещал командира 2-го батальона. Пригласив Поштарука, близкого друга Дагаева, я пошел в медпункт. Здесь нас встретил парторг минометной роты Лелетко. Он протянул клочок газеты с подчеркнутым текстом. Я смог его разобрать: «От человека

остаются только одни дела его. Максим Горький».

— Это вам передал Дагаев?

— Он. Порылся в блокноте, нашел этот клочок и передал. Сказал: собери роту, прочти. Я, говорит, сам хотел это сделать, но не успел. Это, говорит, хороший ответ на тот разговор…

Лелетко сообщил, что с неделю назад в роте произошел такой разговор: один из бойцов сказал парторгу, что всем одна цена — хорошо ты воюешь или плохо, прихлопнет тебя пулей или снарядом, зароют, и все на этом кончается. Дагаев возразил бойцу, сказав: человек от животного отличается тем, что ему не безразлично, что о нем подумают и скажут другие люди. Мнение товарищей важно каждому. Обстановка не позволила продолжить беседу…

Дагаева подготовили к отправке в медсанбат.

— Отвоевался, — сказал он мне. — Рановато, мог бы еще…

— Еще повоюешь. Врачи умеют штопать нашего брата.

— Не сомневайтесь, не подведем. Уважают вас ребята… — Лелетко тепло смотрел на Дагаева.

— Спасибо им, моим орлам, никогда командира роты не подводили, — смахивая набежавшую слезу, сказал Дагаев.

— Спасибо и вам, Михаил Матвеевич, за службу, за добрые дела.

Дагаев заволновался, хрипло ответил:

— Рад, что командование так оценивает… Это мне приятно. Я перестал бы уважать себя, если бы делал что-то не так… А знаете, — повеселев, продолжил Дагаев, — у меня спор был в роте, Лелетко вам расскажет. Я сказал тогда, что человек должен дорожить мнением товарищей. Я и сейчас так считаю. Только этого мало: человек, если он не дерьмо, должен прежде всего сам иметь о себе доброе мнение, иначе он перестанет себя уважать, а это страшно.

— Ну вам нечего стыдиться.

Мы простились и ушли. Вот и нет с нами еще одного нашего боевого товарища. Такова уж фронтовая жизнь — одних провожаем, других встречаем. Порой совместная служба бывает совсем короткой, и все же хорошие люди остаются в памяти. А Михаил Матвеевич Дагаев был принципиальным коммунистом, добрым и внимательным начальником, мастером своего дела, снискавшим уважение подчиненных и всего полка.

В начале ноября полк был переброшен в район населенного пункта Стакчин, где и занял оборону. К Стакчину от Старины вело шоссе, но оно простреливалось немцами. Пришлось воспользоваться горной тропой, тянувшейся на юг по

труднодоступной местности параллельно шоссе, но в 3–4 километрах восточнее. Задача не из легких: большой массе людей с оружием, боеприпасами, походными батальонными кухнями, запасом продовольствия, имуществом связи предстояло пройти путь, по которому в нормальных условиях никто бы не рискнул проехать даже на телеге. К тому же погода была скверная, ноябрь лютовал — в горах шел холодный дождь вперемежку с мокрым снегом.

Под покровом глубокой ночи, оставив Старину, походные колонны полка сначала шли на восток по долине реки Дары. Горная речка вспухла и бешено мчала свои воды по перекатам, ревя и пенясь. То и дело приходилось вброд пересекать разбушевавшуюся реку, петлявшую по долине.

Мокрые и продрогшие, люди подошли к высоте 807, круто спускавшейся скатами в речную долину. Начался подъем по тропе, после чего предстояло пройти еще километров семь по плато, где тропа то поднималась в гору, то снова сбегала вниз, как будто специально для того, чтобы вытянуть из путников все жилы.

На себе пришлось нести все — и оружие, и боеприпасы, и шанцевый инструмент, и противогазы (без этого боец — не боец); здесь же — котелок, мешок с личными вещами, да еще старшина каждому что-то вручил из ротного хозяйства. В колонне встречались двуколки, но их было совсем немного, да и их бойцам почти все время приходилось тащить на руках. Обоз с тылами пока пришлось оставить в Колбасове.

На особенно крутых подъемах лошади останавливались, и бойцы, ухватившись за постромки, подталкивая брички, волочили повозку вместе с лошадьми вверх, на гору. Полковые артиллеристы никак не могли вытянуть пушки. Лошади, взмыленные, с ввалившимися боками, храпят, и бегающий вокруг них лейтенант Оничко, напутствуемый командиром батареи, подзывает новую группу бойцов, чтобы втащить орудие вместе с упряжкой на следующую возвышенность. А дорога все вьется и вьется по горе, уходит все выше и выше. Изредка кое-кто выругается, но большинство упорно молчит и шаг за шагом одолевает гору.

Вот по склону горы карабкается бронебойщик со своим 16-килограммовым ПТР. Вижу, кто-то к нему подошел, снял плащ-накидку и сказал:

— Давай помогу.

Боец в ответ невнятно буркнул, а потом взорвался:

— Кто придумал такой марш, ни дна бы ему, ни покрышки…

— Не горячись, — вновь начал тот, в плащ-накидке, — давай

ружье да отдышись. Ты хочешь победы? Знаю, хочешь. А у победы соленый вкус… Ты когда-нибудь пробовал на язык пот и кровь?

Говорящий откинул плащ-накидку с головы, взял противотанковое ружье на плечо, и мы узнали капитана Одякова.

«Да, у победы соленый вкус», — повторил я про себя.

Начинался рассвет. Люди поднялись на плато, и только отдельные бойцы, повозки да артиллерийские упряжки еще тянулись вверх. А там, на высоте, командиры подсчитывали людей, проверяли, не утеряно ли оружие. И конечно же, кое-кто отстал, кое-что оставили, позабыли. Тотчас же по скатам горы потянулись небольшие группы людей, чтобы найти, поднять то, что было брошено, и втянуть все, что отстало, на гору.

— Василий Максимович, я поехал. С собой беру командиров батальонов, будем принимать участок обороны, — обратился ко мне командир полка. — За меня остается Берлезев. Посмотри, пожалуйста, за тем, чтобы Агеев хорошо покормил людей.

Вскоре Шульга и комбаты скрылись в вихре мокрого снега.

Во второй половине дня 2 ноября полк переместился с высоты 807 на высоту 226 севернее Стакчина. Роты занимали районы обороны. Ночью люди не смыкали глаз: ставили на огневые позиции орудия, углубляли окопы, совершенствовали траншеи, блиндажи.

Прошло не одно десятилетие после войны, а из моей памяти не уходят картины трудного горного марша в Карпатах. А ведь он был не один, этот марш. Помню, я лежал под дождем и мокрым снегом на привале. Меня знобило. И я думал… О чем? О крестьянской избе, о простой избе с крышей, с печкой, от которой идет тепло, с сухими полатями. Думал как о великом творении рук человека. Война лишила нас и крыши. Ну что же, все это объяснимо…

Листаю фронтовые записи и нахожу следующее место: «За этот ночной марш надо каждого наградить по меньшей мере медалью «За отвагу» — ошибки не будет». Подтверждаю это и сейчас. Это была действительно отвага, сложное испытание моральных и физических сил бойцов и командиров. Люди успешно выполнили задачу, показав себя сильными, выносливыми, смелыми. Когда над горами и лесами Стакчина забрезжил рассвет, полк уже держал оборону.

В период затишья на нашем участке фронта пришлось много потрудиться полковым разведчикам: ожидалось, что вот-вот немцы начнут отступать, на этот раз на линию, прикрывающую Прешов и Кошицу. Нельзя было допустить, чтобы враг ушел безнаказанно, чтобы он сумел оторваться от нас. Разведрота вела наблюдение на переднем крае, разведчики ходили в тыл врага

добывать «языков». Но захватить пленных не удавалось, и начальник штаба полка гвардии майор А. В. Берлезев, очень спокойный, выдержанный человек, стал нервничать…

Зачастили в роту Поштарук, Хорошавин — с коммунистами, комсомольцами так и этак обсуждался все тот же вопрос: «Нужен «язык».

И вот удача пришла. Лучшим разведчиком в роте в то время считался гвардии сержант Ф. Ф. Бородкин. Его и послали в тыл врага вместе с бойцами Х. Бикмурадовым, И. Муразимовым, Н. Куркиным. Была поставлена задача — разведать артиллерийские позиции, а на обратном пути захватить «языка».

В пургу разведчики пробрались в тыл противника и в течение суток наблюдали, записывали, наносили на карту артиллерийские позиции. Решив переходить передний край к утру, Бородкин дал отдохнуть выбившимся из сил бойцам. «Языка» попробуем захватить на линии связи или вот на той тропе, идущей из села к окопам на переднем крае», — решил Бородкин.

Бойцы спали в густом кустарнике, накрывшись плащ-палатками. Бородкин остался на карауле. «Спать хотелось — ну, думал, не совладаю… — рассказывал потом Бородкин. — Но вдруг сон пропал, как только вспомнились дом, семья. Как-то они там, в Михайловке, под Сталинградом? Как моя Мария Григорьевна справляется с ребятишками? Десять лет мы с ней только и пожили, а удастся ли еще свидеться?.. Да и не десять лет, а меньше — на войну надо три года сбросить, как ушел в сорок первом на фронт, так и не был дома…»

Бородкин почувствовал холод, посмотрел на часы. Пора. Он разбудил бойцов. Вышли на кабельно-телефонную линию. Здесь их постигла неудача: два немецких солдата-связиста, переговариваясь, прошли стороной, по открытой поляне. Там в это время стоял тягач, три гитлеровца его ремонтировали. «Не будем терять время — найдем «языка» на тропе, идущей к окопам», — решил Бородкин.

«Языка» они схватили удачно: шли с переднего края обороны в деревню два немца, за ними — бричка, в которой были какие-то ящики. Но вот один из немцев отстал, свернул в сторону, а второй сел в бричку. Когда утих скрип колес, Бородкин оглушил гитлеровца и сразу же засунул ему в рот кляп.

По лесистому оврагу разведчикам удалось выйти к своим. Было это уже на рассвете.

Через сутки из разведотделения дивизии мы получили информацию: «языком» оказался фельдфебель Вейс. Его показания подтвердили ранее полученные данные о том, что

противник не собирается оставлять своих позиций без боя. Несколько дней назад, проезжая в 8 километрах восточнее города Гуменне, Вейс видел, что силами гражданского населения проводятся оборонительные работы. Вдоль дороги устанавливаются проволочные заграждения, углубляют противотанковый ров. На дороге Гуменне — Каменица оборонительные работы ведут три инженерных батальона. Пленный сообщил, что он видел, как на запад проходили колонны автомашин и железнодорожный состав с оружием и имуществом пехотной дивизии. Можно предполагать, что противник часть своих сил уже перебрасывает на новый оборонительный рубеж на кошицком направлении.

Фельдфебель сообщил некоторые данные о численности, вооружении подразделений и настроении немецких солдат. Боевая группа — двухбатальонного состава. Во 2-м батальоне две роты, а 5-я и 6-я роты недавно объединены в одну. В ротах по три взвода. Во взводе по три отделения. В 7-й роте 75–80 человек, главным образом судетские немцы и эльзасцы. В обозе роты один русский. На вооружении этой роты станковый пулемет, 6 ручных пулеметов, 5 автоматов, 2 фаустпатрона.

Пленный заявил, что зимнего обмундирования немецкие солдаты еще не получали. Белья им не меняли шесть недель, завшивели. В окопах вода. Участились случаи простуды. Недостает медикаментов… Война многим надоела. Солдаты между собой ругают свое верховное командование…

Позже в разведотделении штаба дивизии я ознакомился с двумя письмами фельдфебеля Вейса, которые он не успел отправить жене. Вот выдержки из этих писем:

«3.11.44 г. Моя крошечка!

Вчера принесли мне твое письмо, которому я очень обрадовался. Мне принесли также пакет с сигаретами. Большое спасибо, но я прошу тебя не присылать мне больше сигарет, так как мне мало приходится курить, повсюду сыро, тяжело. К тому же мы получаем здесь ежедневно только по 9 штук сигарет, и мне приходится раздавать твои сигареты солдатам…

Будь умницей, моя крошечка, и уясни себе, в каких ужасных условиях пишутся тебе письма. Если бы ты знала, как нажимают на нас русские, то удивилась бы, что вообще получаешь мои письма…

Целую крепко. Твой Вейс».

«6.11.44 г. Моя любимая!

Сердечно благодарю за твое любезное письмо. Почта

прибывает теперь все время с опозданием… Я в Карпатах нахожусь уже пять недель. Условия ужасные. Только что принес немного сухого сена в окоп и радуюсь, что по крайней мере некоторое время будет сухо. Но не пройдет и одного-двух дней, как окоп опять наполнится водой… Мы не получаем ни горячей пищи, ни кофе. Это — самое большое для нас несчастье. В последней речи Геббельса ничего не было сказано о скором окончании войны. Это нас беспокоит…

Не пришлешь ли ты мне письменных принадлежностей и камней для зажигалки? Пришли пару карандашей».

Читая признания пленного, я невольно думал: «Да, несладко гитлеровскому солдату на порабощенной земле. Пришло возмездие!»

Временно занимая оборону, наш полк готовился к наступательным действиям. Используя разнообразные формы и методы, мы проводили партполитработу под лозунгом: «Вперед, на Запад, на разгром врага в его собственном логове!» Поддержанию высокого наступательного порыва личного состава подчинялись партийные и комсомольские собрания, беседы агитаторов, коллективные читки сводок Совинформбюро. Большим стимулом для нового подъема наступательного духа бойцов и командиров явилась телеграмма Военного совета фронта о том, что Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР наш полк награжден орденом Богдана Хмельницкого II степени. В приветствии Военный совет отметил заслуги личного состава в сентябрьских и октябрьских боях в Карпатах, выразил уверенность, что полк и впредь по-гвардейски будет громить немецко-фашистских захватчиков.

Во всех подразделениях проходили митинги, на которых гвардейцы благодарили Коммунистическую партию, Советское правительство за отеческую заботу о Красной Армии, давали клятву еще беспощаднее бить врага, с честью выполнить интернациональную освободительную миссию.

Анализируя выступления участников митингов, беседуя с красноармейцами, я не мог не почувствовать, что люди рвутся в бой, что в обороне сидеть им не хочется. Мы сочли необходимым провести в ротах и батареях красноармейские собрания, на которых разъяснили, что оборона — мера кратковременная, что она продиктована интересами дела — перегруппировкой и наращиванием сил воинских частей для предстоящего решительного наступления.

Большая организаторская и агитационно-пропагандистская

работа проводилась нами по таким материалам, как выступления и приказы И. В. Сталина. Великий праздник — 7 Ноября — мы встречали в окопах. Во всех подразделениях читался и разъяснялся доклад И. В. Сталина о 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и приказ № 220 Верховного Главнокомандующего. С душевным подъемом, волнением и великой радостью восприняли бойцы и командиры ту часть приказа, где призывно звучали слова: «Теперь за Красной Армией остается ее последняя, заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы».

Помню, я болел гриппом, но, несмотря на это, из своей землянки ночью на 8 ноября звонил во все подразделения. Отовсюду — с КНП батальонов, из рот, батарей — отвечали, что приказ № 220 уже прочли или сейчас читают. Командир минометной роты Груздев доложил, что при чтении приказа произошел спор. Оказывается, в одном из взводов роты приказ взялся читать парторг роты сержант Керимбаев.

Когда он прочитал то место, где сказано, что Красная Армия должна довершить разгром врага, один из бойцов сказал: «Значит, братцы, пришло время окончательно укокошить гитлеровцев».

— Что значит «укокошить»? — усомнился Керимбаев, не знавший тонкостей русского языка. — В приказе Верховного Главнокомандующего сказано «добить», а ты какое-то придумал слово.

— Да это то же самое, — не сдавался боец. — Вот командир роты идет, спроси хоть его.

Пришлось Груздеву выступить арбитром в этом споре. Командир роты сказал, что оба слова хороши, если в них вкладывать смысл: быстрее разбить фашистскую Германию.

Относительно спокойные дни в обороне мы использовали и для того, чтобы завершить оформление наградных листов. Посоветовавшись с командиром полка, эту работу я поручил парторгу полка П. Г. Поштаруку и штабному работнику С. Г. Себекину. Помог нам и политотдел дивизии. Его представители посетили ближайшие четыре полевых госпиталя, установили, что некоторых бойцов и командиров, отличившихся в боях, своевременно не представили к наградам. Мы восстановили справедливость. К орденам и медалям командование полка представило 52 раненых красноармейца и командира. Наград удостоены были в эти же дни командир роты капитан В. Е. Юрков,

командир взвода лейтенант А. Г. Лелетко, младший лейтенант медицинской службы Б. Я. Мартовская и многие другие.

Наступившее похолодание, участившиеся дожди, мокрый снег отягощали окопный быт личного состава. Требовалось хорошо наладить службу полкового тыла, его батальонных и ротных звеньев. Еще в начале ноября собрались у меня политработники. Состоялся откровенный разговор. Его начал парторг полка П. Г. Поштарук.

— Люди мерзнут, негде обсушиться, давно не мылись, — сказал Петр Григорьевич.

Его поддержал агитатор полка капитан А. М. Одяков:

— Шутят в ротах, смеются, поют песни, но кое-кто и ругает наших тыловиков — баню до сих пор не устроили.

На заседание полкового партийного бюро мы пригласили работников тыла, командиров батальонов, их заместителей. Немало справедливых упреков было высказано в адрес тех, кто непосредственно отвечает за организацию питания и бытового обслуживания личного состава. Никто, конечно, не умалял большого и напряженного труда бойцов тыла. Вместе с тем партийное бюро не делало никаких скидок тем работникам тыловых подразделений, которые проявляли расхлябанность и не использовали имеющихся возможностей для улучшения быта красноармейцев.

Выполняя решения партийного бюро, парторг полка Поштарук и помощник начальника штаба по тылу Маланьин изучили опыт работы старшин подразделений, поваров, работников походных мастерских по ремонту обуви и обмундирования. Ценные советы интендантским работникам высказали бойцы. По их инициативе началось утепление землянок. Мы усилили контроль за своевременностью доставки красноармейцам горячей пищи.

Вспоминаю такую картину. Выпал снег. В лесу, под вековыми елями, задымила полковая баня. Тут же, в бане, работали парикмахеры, мастера по ремонту обуви, белья, обмундирования. То, что не поддавалось ремонту, заменялось исправным из запасов службы вещевого довольствия полка. Об открытии бани позаботился помощник командира полка по тылу И. Ф. Агеев.

Нашлись острословы, которые, в шутку конечно, придумали бане наименование «Кобра», что расшифровывалось примерно так: «Комбинат бани, ремонта — агеевский». Эти же, должно быть, острословы сочинили куплеты:

«Кобра» — слово страшное,
Но ты не трусь,

Баня — дело важное,
Намоешься, как гусь.
Починишь сапоги,
Носи, не чихай,
Насморка не будет,
Не жизнь будет — рай.

И пошли гулять эти куплеты по полку! Конечно, не ахти какая поэзия, по люди как умели, так и развлекались.

Ивану Федоровичу Агееву пришлось преодолевать немало трудностей. Много забот ему причиняли лошади. Их надо было кормить, укрывать от непогоды, лечить. Как-то в землянке командира полка я застал Агеева вместе с ветеринарным врачом Михеевым. Они доложили Шульге, что лошади стоят без укрытия, на дожде и холоде, худеют и болеют.

— Дожди льют, прямо наводнение, — жаловался Михеев.

— Плохо, — поморщился Шульга.

— Что же будем делать с лошадьми, Иван Федорович?

— Ставить лошадей под крышу, в крестьянские дворы…

— Правильно. И разумеется, с согласия местных жителей.

— Само собой…

— Если не всех лошадей удастся поставить под крышу, раздобудьте брезенты, сделайте навесы, примкните их к стенам, — посоветовал Шульга Агееву и Михееву.

Лошадей мы сберегли, и в этом была заслуга Агеева, Михеева, командира транспортной роты Мальцева, старшин рот и батарей, ездовых.

И. Ф. Агеев был хороший служака, хозяйство полка вел заботливо, рачительно. А оно было большое, сложное. Мучило нас и бездорожье. Но я не помню случая, чтобы наши тылы что-то не подвезли, не доставили, не удовлетворили обоснованного и законного требования. Дело свое Агеев выполнял добросовестно. Ему деятельно помогали офицеры интендантской службы Филатов, Батталов, Лобанов, командир транспортной роты Мальцев, ветврач Михеев, помощник начальника штаба по тылу Маланьин.

Как-то один из наших офицеров набросился на хозяйственников с обвинением, назвав их «тыловыми крысами» и «тряпичниками». Пришлось мне вмешаться и сказать, что тяжелый труд интендантов, к тому же очень часто под бомбежками и артобстрелом, имеет прямое отношение к боевой деятельности полка. Так что интенданты полка не «тряпичники», а боевой начальствующий состав.

Не могу не упомянуть музыкантского взвода, возглавляемого капельмейстером капитаном Д. А. Соболевым и старшиной В. Т. Ждановым. Взвод не только занимался музыкой, но и выполнял нелегкие, часто связанные с риском для жизни задачи, в частности помогал выносить с поля боя раненых и тела погибших воинов.

7 ноября 2-й Украинский фронт перешел в наступление. Оно ознаменовалось крупными успехами. В этой повой обстановке войска 4-го Украинского фронта готовились нанести удар на Прешов и Кошице. 128-я дивизия генерала Колдубова была выведена из боя, и 327-й полк начал с 14 ноября в селе Колбасово получать пополнение и проводить боевую и политическую подготовку. Для переформировки и пополнения нам дали десять суток.

В полк пришло немало новых офицеров, в том числе командиры — 1-го батальона майор И. И. Фоменков и 2-го батальона майор Н. В. Новиков. Оба молодые, но уже накопившие значительный опыт. Их заместителями по политчасти были назначены лейтенант Ф. М. Опарин (вместо раненого Кокорина) и старший лейтенант А. П. Юркин, сменивший назначенного парторгом полка Поштарука. Немного раньше агитатором полка стал капитан А. М. Одяков. Назначены были новые парторги и комсорги батальонов. Обновилось большинство командиров рот, взводов.

Получили мы и 385 бойцов и младших командиров, большинство из которых лечилось в госпиталях после ранений. В их числе было немало закаленных и опытных бойцов.

Надо было использовать предоставленное полку время для боевой и политической учебы, изучения опыта прошедших боев, подготовки к наступательным действиям. Большое значение мы придавали пропаганде боевых традиций полка, ознакомлению с ними тех бойцов и командиров, которые вновь пришли в нашу часть. Политзанятия проводили по тематике, утвержденной Главным политическим управлением Красной Армии.

В свое время М. И. Калинин сказал: «Говорят, что в военное время полк или дивизия быстро могут восстановить свою мощь после любого сражения, если только сохранился в них костяк, воплотивший в себе высокоразвитые боевые традиции части. Поэтому надо поставить это дело как следует, не кустарно, а организованно, чтобы каждый новобранец, придя в полк, знал не только его номер, но всю его боевую историю, всех его героев и боевые награды, все его победы на соревнованиях и маневрах, чтобы он гордился своим полком и повсюду отстаивал его честь».

Командиры и политработники, партийные и комсомольские организации нашего полка много приложили труда, чтобы пополнение было ознакомлено с историей полка и его боевыми традициями. Начали с того, что был созван полковой митинг с выносом Знамени: послышалась команда, строй полка застыл, равняясь на Знамя, проносимое ассистентами, как на святыню. Весь этот ритуал волновал, пробуждал мысли о Родине, о воинском долге. Выступавшие на митинге ветераны рассказали о боевом пути полка, о наградах, о получении им наименования гвардейского. Затем через день-два прошли собрания в ротах. На них выступили командиры и политработники, бывалые сержанты, бойцы, отличившиеся в боях.

Эффективная форма политической работы с пополнением — индивидуальные беседы, которые непринужденно, по-товарищески велись между нашими «старичками» и новичками. От политработников при этом требовалось создавать необходимые условия для подобных бесед, поощрять их.

Гвардии старший сержант И. В. Нечесов, человек пытливый, вдумчивый, рассказывал нам с П. Г. Поштаруком, как он оказался невольным свидетелем интересного разговора, происшедшего между «старым» бойцом из 2-го батальона и новичком, который поступил в полк из госпиталя.

— Уж поздно, лежим мы, многие спят, а эти двое вполголоса разговаривают. Я все слышу… «Что там, в госпитале?» — спрашивает «старик». «Да ничего, харч подходящий и лечат, только скучновато, а побродить по городу — ни-ни. Говорят, беспорядок только разводите. А у вас тут как? Тяжело воевать в горах-то?» — «Когда как. А в общем-то, немец дает прикурить, каждый день волокут то в санчасть, то к музыкантам — они у нас, как похоронная команда, музыканты-то. Ну а мы им даем, фрицам-то, еще почище. Ну и скажу я тебе опять же так: в горах да в лесу, если ты не на арапа, а с умом воюешь, всегда можно жизнь свою сохранить». — «Так ведь умный ты или там глупый, пуля или тот же снаряд этого не разбирает: трах, бах — и нет тебя». — «Это верно, когда приходится воевать в открытом поле, это уж тогда как тебе подфартит. А в горах, если ты хитрее противника, есть где укрыться — ты его видишь и, значит, бьешь, а он тебя — нет. Вот я расскажу тебе случай…» И пошел рассказывать, — сообщил Нечесов, — как он, этот боец, со своим сержантом перехитрили немцев: пропустили в глубь своей позиции пятерых вражеских солдат, а сами укрылись за выступом скалы и с фланга обстреляли их.

— Я стал засыпать, — рассказывал далее Нечесов, — но солдаты все шептались. Я сделал усилие, чтобы не спать, и

услышал, как новичок спросил: «А в хозвзводе нельзя у вас устроиться?» «Вишь чего захотел, — с усмешкой в голосе ответил «старик», — этак и я бы не против, но ведь, браток, стыдно, вот ты какой породистый, вроде как откармливали тебя, и повоевать не грех. Да и то знай: если и пристроишься каким разом в хозячейку какую ни на есть, все равно ненадолго — начальник штаба после первого же боя выметет тебя на пополнение роты. Так что и не пытайся». «Н-да-а, — протянул новичок. — А как ваш ротный?» — «Да ничего, к хорошим по-хорошему, а плохие пущай не жалуются…»

Оба замолчали и вскоре заснули.

— А я еще лежал и думал, — говорил Нечесов, — постигал простой вывод политграмоты: какая это великая сила — коллектив, боевой, здоровый, хорошо направленный.

В полковой батарее служили командир огневого взвода и парторг гвардии лейтенант А. С. Оничко, старшина батареи Н. Ф. Харченко да еще несколько сержантов — они были живой историей подразделения, носителями и хранителями, пропагандистами боевых традиций.

В свое время агитатор полка Яков Гора говорил: «Хорош у нас парторг батареи Оничко. Врос в батарею. Перевести его в другое место — потускнеет, будет уже не тот Оничко, здесь же он хранитель всех ее лучших традиций…»

Именно такие ветераны, как Оничко, играли первую скрипку в пропаганде боевых традиций. Взводным командиром А. С. Оничко назначили с должности старшины батареи в январе 1944 года. Тогда же ему было присвоено звание младшего лейтенанта. В 1938 году 20-летнего колхозного парня из села Слободки Сумской области призвали в Красную Армию, и вот уже шесть лет он служит в одной и той же батарее, сначала красноармейцем, потом — младшим командиром. Появившись в батарее с группой новобранцев, Алексей назвался «Онычко» и некоторое время упорно отстаивал это произношение. Но не менее упорно вся батарея (безо всякого умысла, конечно, а просто потому, что ребятам так было привычнее, на русский лад) звала его Оничко. Со временем он и сам привык к такому произношению и везде уже подписывался «Оничко». В сорок третьем его приняли в члены партии, а спустя несколько месяцев он стал парторгом батареи.

Была страсть у Оничко, особенно сближавшая его с людьми, — любил он песню. К счастью, нашелся в батарее еще один прирожденный талантливый песельник, старшина батареи Харченко. У того голос был еще звонче, чище. Вдвоем с Оничко они всегда и запевали. И вся батарея с ними пела — да как пела!

Как, бывало, затянут «Ой туманы мои, растуманы» или еще какую — все в полку останавливаются, где бы их песня ни застала, и слушают.

В те дни, когда полк находился на переформировании, мы получили несколько ротных библиотечек. По рукам пошли книги Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шолохова, Алексея Толстого, Эренбурга, Твардовского, Симонова, Суркова, Горбатова. Книга была неизменной спутницей красноармейца.

Где бы и в каких бы условиях полк ни находился, мы, политработники, не ослабляли внимания к воспитанию у воинов ненависти к гитлеровским захватчикам. Вот и теперь, находясь на переформировании, этой теме мы посвятили беседы, политинформации, встречи молодых красноармейцев с очевидцами зверств фашистов. Полковой комсорг Михаил Хорошавин и комсорг 2-го батальона гвардии младший лейтенант Туманов собрали в батальоне среди молодежи материал о зверствах, чинимых немецко-фашистскими оккупантами на захваченной ими советской территории. Каждый написал свое, лично пережитое, потому свидетельства получились живыми, неопровержимыми. Свидетельствами очевидцев Туманов заполнил боевые листки и дал прочесть их всем бойцам. Красноармеец Василий Грищенко, например, писал: «В нашей семье фашисты сожгли дом, сестру Христинию угнали в Германию, в рабство. А семью нашего соседа, коммуниста, его четверых детей и жену сожгли на костре, это я видел своими глазами. 947 дворов было в нашем селе, оккупанты сожгли 945. Сколько горя пережили мои односельчане! И долг мой, святой долг — отомстить фашистскому зверю!»

Рядовой А. Бокоушин поведал о том, что в его селе оккупанты установили виселицу, вешали коммунистов, колхозников. Грабили, отбирали скот, хлеб, одежду. Многих жителей угнали в Германию, в их числе сестру Бокоушина — Лиду.

Красноармеец Саврасов рассказал о том, что в их деревне был размещен лагерь военнопленных. Каждый день на глазах у местных жителей убивали пленных. «Моему отцу, — писал Саврасов, — гитлеровцы приказали закопать в яму двух красноармейцев живыми, но отец отказался, убежал, его поймали и расстреляли».

Каждый боевой листок с рассказом очевидцев зверств заканчивался клятвой бойцов мстить гитлеровским извергам, священным девизом: «Смерть немецким оккупантам!»

После непродолжительного затишья 4-й Украинский фронт перешел в наступление: 20 ноября — 18-я армия, а 23 ноября — 1-я гвардейская армия, наносившая удар на Михальовце, Чемерж.

1-я гвардейская армия, форсировав Ондаву, 2 декабря освободила город Сечевце. Части фронта вышли на рубеж, с которого начиналась Кошицкая операция.

В этой обстановке наша 128-я дивизия, находясь в резерве командующего 1-й гвардейской армией, совершала марш, имея задачу — сосредоточиться в районе Сечевце.

В селе Травиште, во время марша к Сечевце, командующий войсками 1-й гвардейской армии генерал А. А. Гречко вызвал к себе командиров полков нашей дивизии, в том числе М. Г. Шульгу. Вернувшись в полк, Шульга рассказал, что командарм расспросил, как мы укомплектовались, подучились ли, как отдохнули. Командарм предупредил: бои предстоят сложные, придется вести их без значительных поступлений людей, с небольшим количеством боеприпасов, так как слева идет крупное наступление по степным направлениям, в обход гор. В соответствии с этим указанием мы ориентировали личный состав полка на новые напряженные бои.

6 декабря полк подошел к линии фронта. Перед нами открылись отроги Татр.

Глава 5
Огненными тропами

Бачков… Кому из моих однополчан не врезалось навеки в память это село, приткнувшееся к лесистым скалам Прешовских гор? Вряд ли найдутся такие, кто не сохранил в памяти и радость побед, и горечь утрат. Под Бачковом было и то и другое…

Когда наш полк достиг первой кромки восточных отрогов Татр, над ними спускались сумерки. Но еще отчетливо были видны лохматые снежные шапки на вершинах Прешовских гор, окруженных сплошным лесным массивом. К позднему вечеру 6 декабря полк занял исходную позицию для удара по гитлеровцам, окопавшимся в населенном пункте Бачков. Приказ комдива гласил — после прорыва обороны в Бачкове полку овладеть высотой Безымянной (северо-восточнее села Даргова) и к исходу первых суток наступления освободить населенный пункт Клеченов. Тем самым был бы осуществлен прорыв гизельской позиции противника.

Еще до подхода к Прешовским горам я внимательно изучил информационные материалы, характеризующие противостоящего нам противника.

Прикрывая города Прешов и Кошице — важные узлы дорог на путях в глубь Чехословакии, противник создал на восточных отрогах Татр мощную оборону, так называемую «Гизель Штелюнг». Словацкие патриоты нам рассказали, что еще задолго до подхода к Татрам гитлеровцы согнали на оборонительные работы в этот район тысячи местных крестьян. Под дулами автоматов заставляли их рыть окопы. Опорные пункты на Прешовских высотах, Дарговском перевале, горном хребте Хельялье создавались под руководством немецких военных инженеров. Под их же руководством каменные дома в населенных пунктах превращались в огневые точки. Траншеи полного профиля и блиндажи несколькими рядами опоясывали Бачков, Даргов, Каменицу, Кровьяны и другие населенные пункты.

Были заминированы и опутаны проволочными заграждениями все подступы к Бачкову и Даргову. Наши саперы подсчитали, что в этом районе на километр фронта приходилось 2,5 километра траншей, до 2 километров проволочных заграждений и до 600 мин.

От словацких крестьян мы узнали, что в первых числах декабря гитлеровцы сгружали с автомашин множество саней и железных печей. Это наводило на мысль, что гитлеровцы

намеревались зимовать в горах.

Из показаний пленных и других источников было установлено: вражеская оборона, прикрывающая выход из города Сечевце на город Кошице, эшелонирована на глубину до 12 километров. Ее опорные пункты имели сильные гарнизоны и соединялись в узлы сопротивления» Дарговский узел с самым восточным его опорным пунктом в Бачкове представлял собою мощную и насыщенную огневыми средствами оборону.

Перед фронтом нашей дивизии оборонялись два батальона 228-го и три батальона 229-го горнострелковых полков немецкой 101-й горнострелковой дивизии. Они были усилены самоходными артиллерийскими и минометными батареями.

…Наступило 9 декабря. Сумрачную утреннюю тишину разорвал грохот. Я посмотрел на часы: 10.00. Небо прорезали трассы «катюш». Впереди, на позициях гитлеровцев, гремели разрывы. Артподготовка длилась 45 минут. Позже мы узнали, что она в течение этого времени велась по всему 4-му Украинскому фронту.

С командно-наблюдательных пунктов одна за другой в небо взлетали зеленые ракеты — сигналы к атаке. Раздались громкие команды: «Вперед! За Родину!» В первых рядах атакующих цепей были коммунисты и комсомольцы. 1-я стрелковая рота лейтенанта И. М. Хлопкова продвигалась на правом фланге полка. Через полчаса она ворвалась в Бачков. Артиллеристы сумели нанести по вражеской обороне сокрушительный удар — рота почти без потерь достигла окраины села. Но в его центре ожил вражеский пулемет. Он прижал к земле наших бойцов. Не дожидаясь приказания, красноармейцы Лихолат и Джуманазаров ползком преодолели несколько десятков метров, а затем, прикрываясь каменными строениями, сделали рывок вперед, к дому, с чердака которого строчил вражеский пулемет. Лихолат бросил на чердак гранату. Пулемет умолк. Вблизи дома оказался окоп с гитлеровцами. Услышав взрыв гранаты, они высунули головы. Джуманазаров из ручного пулемета дал по окопу несколько очередей. Уцелевшие гитлеровцы, охваченные паникой, побежали в лес. Лихолат и Джуманазаров преследовали их. Беглецам не удалось спастись — их настигли красноармейские пули.

Очистив Бачков от фашистов, рота Хлопкова устремилась в лесной массив, преследуя недобитые группы вражеских солдат и офицеров. В ходе огневых схваток в лесу тяжело ранило Буренину — фельдшера, сопровождавшую в наступлении 1-ю роту. Мне доложил об атом врач полка Калицкий. Надежду Буренину, энергичную, но чем-то озабоченную, я видел совсем недавно,

перед началом атаки, когда в 1-й роте проходило партийное собрание. Вспомнился такой эпизод. Буренина попросила слова в прениях.

— О бинтах, наверное? — бросил реплику молодой коммунист боец Евгений Лихолат, балагур и весельчак.

— Можно и о бинтах, — ответила Надя. — Индивидуальные пакеты сейчас раздам. А вот некоторых молодых солдат бинтами пользоваться я еще должна учить. Прошу командира роты предоставить возможность провести занятия во взводах… Но я не только об этом хочу сказать. Наша вторая рота под Стакчином предприняла атаку. Она оказалась вялой, недружной. Люди под огнем противника залегли. А гитлеровцы еще больше подпустили горячего свинца. Многие наши бойцы поплатились жизнью. А если бы на месте не лежали, а ползли вперед и воспользовались перебежками, потерь, конечно же, было бы меньше. В такие критические минуты очень важен личный пример отваги. Мы, коммунисты, должны помогать командиру обеспечивать стремительность атаки.

— Ишь полководец нашлась! — пробормотал Лихолат.

Но никто его не поддержал. Командир роты Хлопков резким жестом осадил Лихолата:

— Подожди. Мы видели Надю в боях, храбрости ей не занимать. Хоть с виду она хрупкая, а на деле-то… — И, спохватившись, Хлопков поправился: — Ты не обиделась, Надя, что я тебя хрупкой назвал?

А Надя, действительно маленькая, худенькая, с острым носиком, стояла с фельдшерской сумкой на плече и через силу улыбалась. Ее близкий друг Виктор Аленович ушел на очень опасное задание. И так тяжело на сердце, а тут еще этот Лихолат с шуточками… Рассердившись, Надя ответила Лихолату:

— Посмотрим, каков ты будешь в бою. Цыплят по осени считают!

— Виноват, сдаюсь! — улыбнулся Лихолат, подняв руки вверх. И добавил уже серьезно: — Вот увидите, в первой же предстоящей атаке буду впереди.

А как сложилась судьба Нади Бурениной в дальнейшем? После ранения в полк она не смогла вернуться — слишком тяжела была рана. Ее отправили в тыл дивизии. После войны она вышла замуж за Виктора Аленовича. Они поселились в Ленинградской области. Там она работает фельдшером. Избиралась депутатом районного Совета. Довольно часто Н. В. Аленович пишет мне.

Но вернемся к боям. 2-я рота М. Б. Балова, наступавшая левее 1-й, также имела успех. Когда артиллеристы перенесли огонь в

глубь обороны противника, бойцы и командиры с возгласами «ура» ворвались во вражескую траншею, уничтожая сопротивляющихся и забирая в плен тех, кто сдавался. Поднял руки вверх и Беккер, командир немецкой роты.

Немецкого офицера привели в штаб. Он был растерян, в рваной одежде, на левой ноге не было сапога. Отвечая на вопросы начальника штаба майора А. В. Берлезева, пленный, заикаясь, признался:

— О-о, вы меня видите таким потому, что я был потрясен силой вашего артиллерийского огня. Это ужасно. Я залез в щель и сидел там. Не успел сапог надеть — меня схватили за шиворот…

Беккер дрожал. Ему дали успокоиться, и он продолжал:

— Моя рота была окружена русскими в лесу. Наша оборона была так прочна, было столько траншей, столько мин, проволоки, завалов, что, казалось, никому не пройти. Но русские прошли. И думаю, немногим моим солдатам удалось живыми выбраться из окружения.

Вместе со 2-й стрелковой ротой ворвались на первую позицию обороны противника и другие подразделения.

Метким огнем их поддержала артиллерия. Следует особо отметить 3-ю стрелковую роту гвардии старшего лейтенанта Таизова и действовавший с ним пулеметный взвод лейтенанта Касторного. Они проявили смелость, решительность. Выбив гитлеровцев из первой траншеи, гвардейцы Таизова продвинулись в глубь вражеской обороны. Это способствовало развитию успеха всего батальона. Преодолевая упорное сопротивление противника, рота Таизова к исходу дня вышла в лесной район западнее Бачкова.

В тот день отличились многие бойцы и командиры. Вдохновляющий пример показали коммунисты командир минометного расчета Баяке Досанов и наводчик Алихан Нарханов. Они были ранены, но остались до конца дня в строю.

Доблесть проявили пулеметчики Радченко и Сковорода. Вступив в поединок с вражеским пулеметом, они вынудили его замолчать. Делясь впечатлениями от этого боя, красноармеец Радченко рассказал мне:

— Пулемет противника косил наших бойцов, сковывая атаку роты. Вместе с моим напарником Сковородой мы ползком начали подкрадываться к немецким «станкачам». Вдруг слева застучал еще один вражеский пулемет. Как быть? Приказываю Сковороде вернуться в окоп и вести огонь по открывшейся цели из нашего «максима», а сам продолжаю ползти. Мигом врываюсь в немецкую траншею, швыряю гранату и тут же посылаю две автоматные

очереди. Они насквозь прошили двух пулеметчиков. Мне удалось добраться до своей роты. Она продолжала преследование противника, и я снова включился в бой.

Коммунист пулеметчик красноармеец Гиренко, свидетель подвига И. Д. Радченко, написал заметку в дивизионную газету. О Радченко узнала вся дивизия. Его наградили орденом Красного Знамени.

Отличился и гвардии старшина Г. Г. Иванов, парторг роты ПТР. Он командовал взводом, из своих противотанковых ружей уничтожил два вражеских орудия, расчистив тем самым путь для продвижения роты Балова.

Нелегко было отвоевать у противника бачковскую позицию. Упорный бой за нее продолжался более шести часов. Когда сумерки окутали горы, он перекинулся в лесной массив, к западу от Бачкова. Сюда откатились уцелевшие гитлеровцы. Мелкими группами они рассеялись по лесу. Схватки с ними завязались на полянах, опушках, на лесных тропах. Озлобленные поражением в Бачкове, фашисты сопротивлялись яростно, с упорством обреченных. Они надеялись, что им помогут непроглядная темнота и дождь. Но бой они проиграли.

Пока бой продолжался, начальник штаба полка майор А. В. Берлезев, разместивший штаб в старом кирпичном строении в Бачкове, при тусклом свете фонаря вглядывался в карту и докладывал Шульге свои предложения: ввести в бой резервную роту и быстро захватить Безымянную — северо-восточный скат высоты с отметкой 411.

— Я тоже об этом думаю, — согласился с начальником штаба Шульга.

Полковой резерв решили ввести в бой в 4 часа 30 минут. Михаил Герасимович попросил меня оказать помощь командиру и парторганизации резервной роты в подготовке к внезапным и стремительным действиям с целью овладения Безымянной.

Перед коммунистами и комсомольцами роты я поставил одну задачу: личным примером увлечь красноармейцев на дерзкий штурм высоты, действовать в ночном бою по всем правилам гвардейской доблести.

Примерно к шести часам утра командиру полка доложили: Безымянная очищена от гитлеровцев.

С Шульгой и Берлезевым мы подводили итоги напряженного суточного боя. Они показались нам более чем удовлетворительными. Полк прорвал оборону на участке шириной до 3 километров, глубиной до 5 километров и вырвался вперед. Это позволило предопределить успех боя за дарговский узел сопротивления.

Поддерживая тесный контакт с политотделом дивизии, я располагал информацией об итогах боя 9 декабря на других участках. Оказалось, что за этот день части 128-й дивизии истребили и взяли в плен более 500 вражеских солдат и офицеров, уничтожили 2 артиллерийские и 2 минометные батареи, захватили 5 орудий, 8 минометов, 3 склада с боеприпасами и 2 — с продовольствием. Наибольшие потери противнику нанес 327-й полк.

Оценив опасность выхода нашего полка на высоту Безымянную, немецкое командование прилагало усилия, чтобы ликвидировать прорыв. С этой целью оно организовало несколько сильных контратак на высоту. Контратаки сопровождались непрерывными действиями небольших групп автоматчиков на наших коммуникациях, связывающих через лесной массив Безымянную с Байковом.

В этой обстановке командир полка принимает решение: силами 2-го стрелкового батальона майора Н. В. Новикова продолжать наступление с целью прорыва гизельской позиции и выхода к Клеченову. Уже 11 декабря Новиков уводит свой батальон на запад. При этом батальону пришлось прорывать сильный вражеский заслон, оседлавший единственную горную тропу, ведущую от высоты Безымянной на Клеченов.

Из политработников полка с батальоном находился Хорошавин. В бою за горную тропу Хорошавин был легко ранен и остался в строю: он готовил для вступления в партию двух бойцов. Только через сутки Хорошавин отправился в медсанбат, а заодно — с принимаемыми в партию комсомольцами — на парткомиссию.

В это же время 1-й батальон майора И. И. Фоменкова продолжал удерживать высоту. В течение пяти суток бои в районе Безымянной не утихали, одна вражеская контратака следовала за другой.

Наряду с крупными контратаками противник предпринимал также действия силами небольших групп автоматчиков, просачивавшихся на лесные дороги, по которым полк из Бачкова на Безымянную высоту доставлял пищу и боеприпасы, вывозил раненых. Но эти попытки блокировать полк, отрезать его от тылов и от штаба дивизии провалились. Командир полка приказал доставлять боеприпасы и горячую пищу, осуществлять эвакуацию раненых транспортными караванами на вьючных лошадях при вооруженной охране. Поскольку наши караваны проходили через лес почти всегда с боем, их стали возглавлять только опытные старшины, офицеры-хозяйственники, а с наиболее важными и многочисленными караванами направлялись политработники.

Некоторые транспорты провел капитан Агеев, с ним находился парторг полка Поштарук; другой караван провели помощник начальника штаба Маланьин и комсорг полка Хорошавин. Транспортники, доставлявшие боеприпасы и продовольствие под командованием старшего лейтенанта Данилина, вынуждены были вести тяжелый бой. Данилин погиб. Командование взял на себя помощник начальника штаба полка Гаранжа. Вместе со старшиной Педаном, поваром Пениным, вьюковожатыми Столярчуком, Ройем, бойцами Курнаевым, Васильевым и другими он пробился на высоту и доставил боеприпасы и продовольствие.

Вот что пишет М. Хорошавин о караване, который он вместе с Маланьиным сопровождал из Бачкова на высоту Безымянную: «Боеприпасы и продовольствие были во вьюках на лошадях. Впереди шли старшина роты и я. Было это перед утром. Немцы нас встретили на стыке двух лесных троп, издали обстреляли из автоматов. Для нас такой вариант оказался наиболее выгодным — ранило лишь одну лошадь, остальных мы быстро убрали в безопасное место, в большой овраг, и начали перестрелку. Немцы попытались нас обойти, но на Безымянной услышали стрельбу, и к нам на помощь вышла рота разведчиков. Немцы отступили. Боеприпасы и продовольствие мы благополучно доставили на высоту».

Главную тяжесть доставки к месту боев боеприпасов и продовольствия вынесли на своих плечах старшины рот и батарей. Именно им чаще всего приходилось вступать в схватки с вражескими автоматчиками. При этом мы несли потери, были убитые и раненые.

Многие старшины, другие хозяйственные работники тыла, отличившиеся в боях за Бачков, были награждены орденами.

На лесной тропе с немецкими автоматчиками столкнулась и наша полковая батарея. Произошло это на марше, когда она перемещалась с прежних огневых позиций из-под Бачкова на Безымянную высоту. Вел ее командир взвода управления Рыбин. Он сказал лейтенанту Оничко, что ему надо до прихода батареи проскочить на высоту и «все там, на новом месте, с Румянцевым обмозговать». Рыбин ушел вперед, взял с собой бойца Умурзакова. Чтобы сократить путь, они свернули с лесной дороги влево и пошли в направлении высоты через лес, без дороги.

Батарея, вытянувшись в колонну, приближалась к тому месту, где дорога резко поворачивает вправо и подходит вплотную к горной речке. Здесь, между речкой и возвышенностью с хаотическим нагромождением камней, дорога ныряла в узкое дефиле, и Оничко забеспокоился, послал вперед дозор в составе Спесивцева и Кочегина. Санинструктор Ольга Рябичко тоже

попросилась в дозор: «Не ровен час, санинструктор понадобится». Оничко разрешил.

Спесивцев первым заметил немцев. Он успел выстрелить. Гитлеровцы ответили яростной стрельбой. Часть из них пыталась обойти наших дозорных, чтобы прижать их к реке и отрезать пути отхода к батарее. Артиллеристы, распластавшись на земле, отстреливались, не сомневаясь, что батарея услышит стрельбу и вот-вот подойдет к ним на помощь.

Заметив приближающуюся батарею, вражеские автоматчики разделились: одна группа человек в двадцать перекрыла дорогу между нашим дозором и батареей и открыла по батарее стрельбу, другая, до десятка гитлеровцев, где перебежками, а где и ползком, начала сближаться со Спесивцевым, Кочегиным и Рябичко, пытаясь взять их в плен.

Рыбин, заслышав перестрелку, со всех ног бросился назад к батарее. Первая группа немцев, сбитая с дороги, отстреливаясь, уходила в лес. Артиллеристы их преследовали.

Хуже было у Спесивцева. Гитлеровцы наседали, несколько человек ползли к Ольге Рябичко. «Пропадет», — мелькнуло в голове Спесивцева. «Стреляй их, гадов, нс бойся, — крикнул он Ольге, — я помогу!» И, поднявшись с земли, взмахнул гранатой. Вслед за выстрелом Рябичко, почти слившись с ним, раздался взрыв гранаты Спесивцева.

Спесивцев тут же был прошит автоматной очередью и рухнул на землю.

Всего этого Рябичко не видела. Она с ожесточением стреляла по уцелевшим гитлеровцам, пустившимся в бегство. Когда все стихло, Ольга поднялась с земли и стала осматриваться вокруг. В 50 метрах от нее лежал Спесивцев. Еще не понимая, что с ним произошло, Ольга подошла к нему, негромко сказала:

— Спасибо, Вася, помог, а то бы мне не уцелеть.

Кочегин сказал:

— Ну вот, Вася, и все… Кончилась для тебя война.

Ольга, онемев, смотрела на Спесивцева, заплакала.

Подошла батарея. Молча постояли над телом погибшего товарища. Парторг батареи Оничко сказал несколько прощальных слов. Отсалютовали выстрелами из автоматов и карабинов…

Когда ездовой положил на повозку тело Спесивцева и тронулся к Бачкову, Рыбин сказал ему вслед:

— Напиши на могиле: «Ефрейтор Василий Петрович Спесивцев. Отважный воин. Погиб, спасая товарищей». Непременно! Слышишь?

Ездовой не ответил. И тогда Ольга Рябичко, забеспокоившись, крикнула еще раз:

— Непременно! Слышишь?

— Все будет сделано, — уже издалека ответил ездовой.

— Ну, братцы, а нам надо жить и воевать, — сказал командир орудия Иван Коба. — Взяли!

И батарейцы взялись за пушку и вытолкнули ее на пригорок.

Пушки пришлось тянуть на высоту на руках. Лошадей гитлеровцы все же сумели перебить. На полпути батарею встретил Румянцев. Он привел саперную роту во главе с ее командиром Ильичевым. Артиллеристы повеселели — подмога пришлась кстати. Через час пушки стояли на новых огневых позициях на Безымянной высоте.

С некоторых пор нас особенно стали беспокоить вражеские самоходные установки, курсировавшие по лесной рокадной дороге. Дорога эта шла от развалин древнего замка к Даргову. Пришлось проучить фашистов. Выделили орудие И. Кобы из полковой батареи и роту автоматчиков старшего лейтенанта Христенко. При поддержке орудия Кобы они встретили самоходки яростным огнем. Те отступили и больше не появлялись. Бойцы Христенко захватили в этом бою большой немецкий обоз. Лучших лошадей Шульга передал артиллеристам.

Но вот начались контратаки против нас и на Безымянной. 76-мм пушку, расчетом которой командовал сержант Иван Гаврилович Коба, поставили на прямую наводку во 2-й стрелковой роте Балова. Левее орудия Кобы стоял станковый пулемет роты капитана Д. Д. Жабского. Здесь высота делала изгиб: вправо она простиралась на запад, влево — на север; там, где скат высоты круто падал к дороге, идущей от замка к Даргову, командир пулемета Осипенко оборудовал свою огневую позицию. Балов только что прошел по переднему краю ротного района обороны и присел возле Осипенко. Подошел старшина роты с термосом, стали завтракать.

— Умаялся, давай и я позавтракаю, — сказал Балов и стал есть картошку с мясными консервами.

Потом он пошел к артиллеристам, но в дороге попал под обстрел противника. Его контузило, он потерял сознание. В это же время на огневую точку Осипенко полезли немцы, началась вражеская атака. Сначала гитлеровцы шли в полный рост, но, попав под ружейно-пулеметный огонь, отхлынули, оставив убитых и раненых. Пулемет Осипенко прошивал все пространство перед собой смертоносными строчками. Вражеская артиллерия обрушилась на пулемет и заставила его на какой-то момент замолчать. Воспользовавшись этим, фашисты начали обходить Осипенко справа и слева, подошли вплотную к его окопу. Пулемет Осипенко вновь заработал, фашисты залегли. В

Осипенко полетели гранаты. Одна из них, с длинной деревянной ручкой, упала совсем близко. Пулеметчик успел схватить ее и швырнуть в гитлеровцев, а потом прижался к пулемету и, уже не укрываясь в окопе, со всей яростью, какая только возможна, в упор принялся расстреливать снующих в кустарнике вражеских солдат. Несколько человек все же справа обошли пулеметчика и прорвались через окоп в тыл, в глубину нашей обороны. Осипенко повернул пулемет почти на 180 градусов, чтобы обстрелять их.

К нему подбежал старшина роты Гудков. Осипенко никак не мог развернуть пулемет в сторону фронта.

— Не могу… помоги… — сквозь зубы попросил Осипенко. — Видишь, вот это еще сумел… — он показал на трупы немецких солдат в тылу нашего окопа. — А теперь надо туда… смотри…

Гудков и сам видел, что, воспользовавшись молчанием нашего пулемета, к окопу бежало до десятка гитлеровцев. Справа подоспел взвод автоматчиков и тоже вступил в бой. Вражеская атака была отбита.

Когда бой закончился, Осипенко посмотрел на заснеженные ели, на Гудкова, сказал: «Ну вот, место на кладбище я заработал честно». И замолчал. По его лицу текли слезы. Больше он не проронил ни слова — вскоре умер.

…Балов лежал недолго. Очнувшись, понял, что бой в разгаре. В голове шумело. Спотыкаясь и падая, он побежал к пушке Кобы, стоявшей на прямой наводке. Пули не задевали его — они пролетали где-то над головой и с сухим треском ударялись о ветви деревьев. Балов видел, как вокруг пушки рвались снаряды, то и дело поднимая фонтаны земли. Едкий дым лез в нос и в горло. Балов закашлялся и приостановился, чтобы отдышаться. Но вот и пушка.

— Давай, давай, дорогой! — выкрикнул Балов, обрадовавшись, что Коба и другие живы. Балов позвонил командиру батальона Фоменкову, чтобы артиллеристы накрыли батарею противника. Потом стал вызывать лейтенанта Аленовича, своего командира взвода, оборонявшего правый фланг. Аленович ответил, что взвод на месте, ведет бой, гитлеровцы не сумели пройти, — и Балов успокоился.

Закончив разговор по телефону, Балов прислушался. На дороге внизу, у подножия высоты, урчали немецкие самоходки. Они стреляли, снаряды рвались где-то позади окопов. Пушка Кобы и пулемет Гудкова жили и боролись. Стрелковая рота вела огонь из карабинов и автоматов. Немецкие солдаты, не переставшие атаковать, все же не могли преодолеть зону нашего огня и, как только попадали под наш обстрел, поворачивали и рассыпались в лесу.

Балов подошел к Кобе.

— Порядок в нашем хозяйстве! — на ходу крикнул Коба и понес к пушке снаряд.

Балов собирался ему ответить, но не успел — один за другим раздались два взрыва совсем рядом, немецкие самоходки нащупали наше орудие. Коба и Балов бросились к пушке. Едким дымом клубилась воронка, немного поодаль — вторая. Вниз лицом лежал солдат Умурзаков.

В расчете осталось всего два человека — Коба и Матозимов. Оба были контужены. Орудие вышло из строя. «Отмаялась, сердешная, — как о живой, сказал Коба, похлопав пушку по стволу. — Всю Кубань и Крым с нами прошла…»

А фашисты лезли, и Балов скомандовал артиллеристам:

— Берите карабины — и в окоп. И я с вами.

Бой продолжался.

Да, пушка не выдержала, вышла из строя. «Отмаялась», как сказал Коба. А вот люди — Балов, Коба, Матозимов и другие — выдержали и продолжали бой. Израненные, измученные, они стояли в окопе и стреляли по вражеским солдатам.

И все же трудно сказать, чем бы кончился бой, если бы не минометчики. Враг мог прорваться и выйти в тыл наших позиций. Минометчики капитана В. Я. Груздева, умело взаимодействуя с артиллеристами и ротой Балова, нанесли на фланге ощутимый урон наседавшему врагу. Рота Груздева участвовала в отражении шести вражеских атак. И командиру взвода Брызгалову, и сержанту Приходько, и самому Груздеву несколько раз приходилось браться за автомат и гранаты. Будучи раненным в спину, капитан Груздев тем не менее до вечера не ушел на пункт медпомощи, его эвакуировали только ночью. Отличился также наводчик Сахаров. Израсходовав свои мины, он стал стрелять немецкими 81-мм минами из своего 82-мм миномета. Несмотря на то что ему пришлось пользоваться таблицами стрельб, не приспособленными к этому калибру, он успешно накрывал цели.

Бой длился 40 минут. Но вот он начал стихать, а скоро по всей линии нашего участка наступила тишина, лишь изредка нарушаемая разрывами одиноких снарядов.

Мухтара Балова я увидел через полчаса. Он сидел под деревом, недалеко от ротной землянки, сгорбленный, с повисшими безвольно руками, подавленный усталостью и контузией. Со мной был комсорг полка Миша Хорошавин, его я послал на КП к Пощтаруку готовить политдонесение за истекший день, а сам остался с Баловым.

— Устал? — спросил я Мухтара Батовича.

Мухтар заговорил. Он стал рассказывать о бое. Временами

умолкал, что-то обдумывал, а потом продолжал:

— Вот видите, товарищ гвардии майор, как это все здорово… И Осипенко, и Умурзаков, и Коба, и Гудков — ведь все они герои! Я сказал Кобе: «Спасибо, ты — герой!», а он мне: «И другие были там же, где и я». «И другие герои», — говорю я ему. А Коба мне: «Полноте, товарищ старший лейтенант, так-то мы бываем, почитай, каждый день герои. Это наша работа».

Балов немного помолчал, потом продолжал так же горячо:

— Я спросил этого удивительного человека, Кобу, боялся ли он там, на высоте, когда самоходки его накрыли.

А он мне: «Кто его знает, я как-то даже не успел подумать, боязно ли, не было времени об этом думать, надо было стрелять. Только вот злость была, не смутная, а осознанная — именно злость на фашистов. Очень хотелось больше убить, как можно больше убить вражеских солдат. Когда увидел мертвого Умурзакова, вот тогда подумал: «А ведь это я мог там лежать…» Просто случилось так, что убило его, но ведь каждый из нас мог быть на его месте… Вот тут-то немного страшно стало. И немного совестно перед убитым. Но мы, живые, ни в чем не виноваты перед погибшими, я так полагаю. Одному повезло, другому — нет, так уж в жизни бывает. А вот мстить врагу за товарища я буду».

Балов вдруг замолчал, закрыл глаза.

— Болит голова, — будто оправдываясь, сказал он.

Появился замполит 2-го батальона Опарин. Я его подозвал, спросил, много ли потерь.

— Убит Крысов, — сообщил Опарин. — Шел на КИП батальона, а тут немцы прорвались… Началась перестрелка, и Крысова убили…

Балов дружил с заместителем командира батальона Крысовым и сейчас, услышав эту весть, опустил голову.

Много лет спустя, уже после войны, я встретился с вдовой Балова — Жанной Умаровной. Она рассказала, что Мухтар был человеком чувствительным, случалось, не мог скрыть слез, прочитав хорошую книгу или посмотрев спектакль. И все же, думается мне, Мухтар плакал тогда, на Безымянной высоте, не из-за своей природной чувствительности. Бои были очень тяжелыми, потери очень значительными, напряжение физических и духовных сил предельным. К тому же Балов уже потерял на фронте четырех своих братьев из шести (пятый, Каней, к счастью, благополучно воевал; шестой, Кашиф, хоть и раненым, хоть и инвалидом, но вернулся в свое родное село Кенжа под Нальчиком).

Через десять дней Балова пришлось ненадолго отправить в госпиталь — дала о себе знать контузия. Роту временно принял

командир взвода лейтенант Виктор Аленович.

Последние двое суток были особенно напряженными: бои не затихали, а силы полка убывали. На нашей высоте в батальоне Фоменкова и в полковых спецподразделениях насчитывалось до 350 человек. Стрелковые подразделения усиливали 4 батальонных миномета, 3 станковых пулемета, 2 полковые пушки на прямой наводке. Часть наших сил и средств вместе с батальоном Новикова действовала на подступах к Клеченову.

В одной из контратак, создавшей для нас критическое положение, удар по нашему левому флангу нанес пехотный батальон численностью до 500 человек. Солдаты были пьяны, лезли на наши огневые точки, не считаясь с потерями.

Когда атакующая пехота подошла к нашим траншеям, на лесную дорогу выползли немецкие самоходки и обстреляли нас с фланга. В это же время вражеская артиллерия совершила массированный налет по переднему краю. И роты не выдержали, начали отступать в глубь Безымянной. В образовавшуюся брешь (метров 800 по фронту) хлынули гитлеровцы. Немецкая артиллерия последовательным сосредоточением огня но рубежам вела свою пехоту вперед.

Положение создавалось трудное. Неожиданно в наш штабной блиндаж вбежал начхим Носов и доложил командиру полка, что наши бегут. Шульга, побледнев, схватился за автомат. И он, и я выбежали, преградили путь отступавшим и остановили их. Бойцы заняли позиции и начали отстреливаться. Я призвал коммунистов и комсомольцев драться до последнего патрона и снаряда, во что бы то ни стало удержать занимаемые рубежи. Шульга переместил часть бойцов на склон оврага, разделяющего Безымянную и высоту Лазы, и приказал командирам подразделений начать атаку.

Осколками снаряда легко ранило Шульгу, убило его адъютанта Климушкина. Меня засыпало землей. Гитлеровцы пытались окружить штабной блиндаж. Майор А. В. Берлезев связался с КП дивизии, доложил обстановку, попросил оказать нашим подразделениям поддержку артиллерийским огнем.

Наши «катюши» и орудия ДАГ (дивизионной артиллерийской группы) обрушили огонь на гитлеровцев. Вслед за артиллерийским налетом батальон Фоменкова пошел в атаку. Рота Хлопкова наносила удар по правому флангу немецкого батальона. Фашисты сопротивлялись отчаянно. Обе стороны несли большие потери. Вражеские пули оборвали жизнь Ивана Михайловича Хлопкова. Замполит командира батальона Федор Опарин был ранен, но продолжал управлять боем. Всем нам было жаль нашего молодого мужественного Ивана Михайловича. Позже

мы похоронили его с почестями в Бачкове. Опарина отправили в госпиталь. Обязанности замполита командира батальона возложили на парторга батальона Александра Павленко.

Тяжелое ранение не позволило лейтенанту Ф. М. Опарину возвратиться в родной полк. Мы не раз вспоминали этого душевного, энергичного и отважного политработника — любимца всего батальона.

Бой затянулся. Только к середине ночи полку удалось восстановить прежнее положение на Безымянной. В ночных схватках с гитлеровцами погибли заместитель начальника штаба полка Соловьев, помощник начальника штаба по разведке Белкин, полковой инженер Денисов, командир взвода связи Фофанов. Значительные потери понес 1-й батальон. Немецкий же пехотный батальон потерял не менее половины своего состава — высота Безымянная была покрыта десятками трупов гитлеровцев.

Командир полка одобрил мое предложение о том, что уроки боев на Безымянной следует детально обсудить на совещании комбатов, их замполитов и на партийных собраниях в подразделениях. Обстоятельный разбор действий каждого подразделения на совещании комбатов, их заместителей и работников штаба сделал М. Г. Шульга. На партийных собраниях докладчиками выступили командиры подразделений. Главное внимание коммунистов они сосредоточивали на повышении боеготовности каждого отделения и взвода.

Значительную помощь нам оказал политотдел дивизии, в частности его инструктор капитан В. М. Кошевой. Вместе с нашим полком Кошевой участвовал в боях на Безымянной. Он дал нам ряд дельных советов, помог более четко спланировать партполитработу в ночных условиях.

В разгар боев в полку побывали генерал М. И. Колдубов, начподив полковник И. П. Чибисов и начальник штаба дивизии полковник И. А. Федоров. Начподив ознакомился с политработой в полку, помог мне и парторгу П. Г. Поштаруку толковыми советами по организации непрерывной воспитательной работы в батальонах и ротах, по расстановке партийных и комсомольских сил. Иван Пахомович удовлетворил мою просьбу о доукомплектовании полкового штата партполитработников. На место выбывших из строя товарищей начподив вскоре прислал в полк опытных политработников.

К ночи на 16 декабря 128-я дивизия сорвала попытку противника удержаться в Даргове. Немецкие части вынуждены были отойти на запад, в горы, на последние рубежи своей гизельской позиции. Откатились они километров на пять-шесть.

Наш полк получил новую задачу — сосредоточиться северо-восточнее населенных пунктов Клеченов и Барды. Первым в этот район направился 2-й батальон майора Н. В. Новикова. Остальные наши подразделения снимались с позиций на Безымянной. Когда мы покидали Безымянную, над ней постепенно воцарялась тишина. Где-то недалеко поскрипывало дерево, качаясь на ветру, стучал дятел. «Успел вернуться в свои владения», — подумал я.

— Снаряды и мины тут все перепахали, а вот дерево чудом уцелело, — сказал парторг П. Г. Поштарук, заметив, что я отыскиваю глазами дятла.

— Пройдет некоторое время, и Безымянная снова оденется в зеленый наряд, и птицы снова прилетят, — включился в разговор А. В. Берлезев.

Безымянная высота, омытая кровью многих наших однополчан, осталась позади. На подступах к Клеченову я зашел в батальон Н. В. Новикова.

— При наших ограниченных силах мы в течение пяти суток наступали в отрыве от полка, с необеспеченными флангами и тылом, — рассказал мне Николай Васильевич. — Нам удалось захватить высоту с отметкой 836 и, главное, сковать здесь, у Клеченова, большую группу вражеских пехотинцев.

Когда на высоте 836 собрался весь полк, Новиков обрадовался:

— Теперь дадим гитлеровцам прикурить.

Николай Васильевич Новиков был молод, но опытен. Он пользовался репутацией волевого, инициативного комбата. Шульга, сам такой же маленький ростом и юркий, как Новиков, симпатизировал Новикову и любил подшучивать над ним. Вот и сейчас он передразнил его:

— «Дадим прикурить»… Чего хромаешь? Подбили фрицы?

— Никак нет, товарищ гвардии подполковник, мерзнем сильно! Чирей сел, проклятый, на самом неловком месте…

Смех смехом, а бойцы Новикова действительно сильно мерзли. Батальон все время маневрировал. В ротах не успевали окапываться. На ночь люди подстилали под бока ветки, костров разводить не разрешалось.

Комбат поблагодарил меня за то, что в его батальон прислали энергичного парторга Ивана Нечесова.

— С этим умным, душевным человеком хорошо работается. Полюбили его красноармейцы, — отозвался о парторге комбат.

Новиков и его заместитель Ф. Г. Луков сообщили мне о потерях. Я ответил, что еще более трудное положение в батальоне Фоменкова, отразившем более десяти контратак противника на

Безымянной.

— Что ж, пока нет пополнения, будем рассчитывать только на свои силы, — сказал Новиков.

На ночь мы с парторгом Нечесовым ушли в 4-ю роту. Ночевали во взводе младшего лейтенанта Федулова.

— Ну как воюется? — спрашиваю взводного.

— Неважно… Никак Лысую не захватим, не дается, окаянная…

— Да, действительно, не дается нам эта высота, — пробасил сержант, командир отделения. — А знаете, почему она Лысая? Думаете, потому что безлесная? Нет, мы ее Лысой зовем по другой причине: на ней снег не держится. Утром наступаем на эту распроклятую высоту, доходим во-он до того чертова рога (сержант указал на острый гребень), а там нас встречают прицельным огнем. К вечеру мы скатываемся вот сюда, где сидим, здесь хоть на ночь от ветра можно укрыться. На этом кончается наше наступление… А утром — все повторяется. Приказ есть приказ. Вот так каждый день и елозим по горе пузом. Так что снег здесь не залеживается…

Пришлось объяснить сержанту, чем вызвана необходимость вести на Лысой горе бои ограниченными силами. Наш полк действует на кошицком направлении. К этому городу ведут и лучшие пути, степные. Но по ним наступают другие части и соединения, а наша задача — сковывать противника на Лысой горе и других высотах, не давать ему покоя, наносить потери, следить за тем, чтобы он не ускользнул незамеченным…

Ночевка во взводе Федулова, беседа с его бойцами позволили мне полнее ощутить настроение людей, лучше узнать сумрачного с виду младшего лейтенанта. В действительности же он оказался очень душевным человеком, волевым, чутким и отзывчивым командиром. Он сумел сплотить взвод, научился уверенно управлять боем. В полку предстояло провести семинар с командирами взводов по практике воспитательной работы, и я решил попросить Федулова поделиться на этом совещании опытом своей работы с молодыми красноармейцами. Эту просьбу он исполнил. Его доклад участники совещания слушали с интересом.

На высоте 846 наш полк долго не задержался. Комдив поставил новую задачу — утром 18 декабря овладеть южной частью населенного пункта Вишняя Каменица, а к исходу дня — очистить от гитлеровцев населенный пункт Бачковки. Комдив М. И. Колдубов разъяснил нам, что на соединения 3-го горнострелкового корпуса возложена задача — активными наступательными действиями отвлечь на себя по возможности

больше сил противника; если немецкое командование начнет отвод своих войск к городу Кошице, то без промедления организовать их преследование. Михаил Ильич предупредил командиров полков и замполитов, что в ближайшее время вряд ли представится возможность подкрепить воинские части новым пополнением, артиллерией и боеприпасами.

— Могу вам в доверительном порядке сообщить, что резервы направляются не к нам, а в те соединения, которые наносят удары по противнику на главном направлении, — пояснил генерал Колдубов. — Знаю, что наши полки нуждаются и в активных штыках, и в боеприпасах, а особенно в артиллерии. Но хотя мы живем пока на полуголодном пайке, наши части могут сделать многое, если будут воевать не числом, а умением. Надо беречь каждый снаряд и патрон. Подумайте, все подсчитайте, обеспечьте строгий режим экономии.

Начподив И. П. Чибисов обратил наше внимание на необходимость вовремя реагировать на настроения, а чтобы наши люди не только видели перед собой гору Лысую и наши ограниченные успехи, а весь фронт наступления Красной Армии».

…Бой за село Вишняя Каменица разгорался. В первых цепях атакующих 1-го и 2-го батальонов находились коммунисты и комсомольцы. Вместе со 2-м батальоном в атаку шел парторг полка Петр Григорьевич Поштарук. Он был очевидцем дерзких и инициативных действий командира взвода младшего лейтенанта Федулова и его красноармейцев.

— В оценке взводного Федулова мы не ошиблись, — рассказал мне после боя Петр Григорьевич. — Еще перед рассветом он вывел свой взвод на близкую дистанцию с противником, после артналета, используя складки местности, быстро провел взвод на фланговые позиции и внезапно ударил там, где его не ожидали. Взвод уничтожил вражеский пулемет МГ-34 и миномет. Немецким солдатам, видимо, показалось, что их окружают. Они выскакивали из траншей и бежали в горы, отстреливаясь из автоматов. Почти без потерь (был ранен лишь один сержант) взвод Федулова овладел траншеей противника.

Анализируя опыт работы коммуниста Федулова с подчиненными, парторг полка отметил, что сила этого командира — в близости к бойцам, в умении сочетать требовательность к ним с заботой об их нуждах и запросах. Федулов всегда с красноармейцами — в атаке, на отдыхе, за обедом, жизнь его слитна с жизнью бойцов. На поле боя раненого он не оставит. В острой боевой ситуации способен на разумный риск и дерзость. Всегда опирается на коммунистов и комсомольцев, помогает агитаторам и чтецам. Внимательно прислушивается к

критическим замечаниям и предложениям красноармейцев. Все это, вместе взятое, и создало Федулову авторитет. Есть поговорка: «Куда иголка — туда и нитка». Перефразируя ее, можно сказать: куда командир Федулов — туда и его бойцы. Ради победы над врагом они готовы пойти за ним в огонь и в воду, на преодоление любых преград. В опыте работы младшего лейтенанта Федулова привлекало его умение беречь людей, достигать результатов боя ценой малой крови, смекалкой и хитростью.

В бою за Вишнюю Каменицу и Бачковку на взвод Федулова равнялись все подразделения 2-го батальона. Им удалось успешно выполнить боевую задачу.

На участке 1-го батальона обстановка была более сложной. Его подразделения попали под сильный артиллерийский и минометный огонь и несли значительные потери. Тяжелой утратой была гибель комбата Ивана Ильина Фоменкова. По предыдущим боям я знал, что этот храбрый человек всегда лез в самое пекло боя. Вот и здесь, под Вишней Каменицей, он поступил так же. Когда на правый фланг полка прорвались вражеские автоматчики, Фоменков прикрыл его своей 1-й ротой и, преследуя вражеских солдат, вошел в зону немецкой обороны. В сумерках не удалось распознать минное поле. А оно было здесь, рядом, на пути движения бойцов Фоменкова. Наскочив на мину, комбат был тяжело ранен. К нему бросились красноармейцы. Он успел крикнуть: «Назад! Мины! Саперов!..» Фельдшер Зина Кузнецова все же подбежала к майору, чтобы перевязать. Рана оказалась смертельной.

Вскоре представилась возможность собрать личный состав 1-го батальона для прощания с майором Фоменковым. Траурный митинг оставил глубокий след в памяти его участников. Бойцы клятвенно заверили командование, что отомстят врагу за комбата. Вместе с замполитом батальона мы подготовили листовку — обращение к личному составу полка. В этом обращении говорилось: «Товарищи гвардейцы! В бою смертью храбрых пал комбат гвардии майор Фоменков Иван Ильич, активный коммунист, замечательный командир, мастер боя, верный товарищ. Самым благородным делом своей жизни он считал борьбу во имя защиты социалистической Родины, беззаветное служение партии, советскому народу. Фоменков страстно ненавидел наших врагов — немецко-фашистских оккупантов. До последнего вздоха он сражался, личным примером отваги вдохновлял бойцов на разгром врага. Никогда мы не забудем Ивана Ильича Фоменкова, его ратных подвигов. Светлая память о нем зовет нас на новые подвиги. Будем же еще

беспощаднее бить фашистов!»

Командовать 1-м батальоном доверили коммунисту капитану В. Е. Юркову. Ранее в этом же батальоне он был командиром роты, затем — старшим адъютантом. М. Г. Шульга ценил Василия Евгеньевича за твердость характера, храбрость и инициативные действия в боях. Перед отъездом в медсанбат командир полка (его сильно беспокоила старая рана) сказал Юркову:

— Первый батальон имеет славные боевые традиции. Приумножайте их, действуйте, как Фоменков.

Проводив Шульгу в медсанбат, мы с начальником штаба А. В. Берлезевым, оставшимся за командира полка, перешли с полкового КП поближе к наступавшему 1-му батальону. Укрывшись от ветра и мокрого снега под скалой, разговорились. Прежде Александр Васильевич как-то не раскрывался, был всегда сдержан, о себе, о своей семье мало рассказывал. Наши отношения были хорошими, но не особенно близкими. Сейчас, когда мы сидели под скалой лицом к лицу, нам представилась возможность поговорить по душам, вспомнить и о своем довоенном житье-бытье.

Александр Васильевич рассказал, что родился в селе Белая Глина на Кубани. Пахал со своим отцом землю. Вступив в комсомол, участвовал в организации колхоза. В 1931 году его приняли в партию. До войны служил в кавалерийском полку, позже возглавлял районный военный комиссариат, учился на Высших курсах штабной службы…

— Кончится война — что намерены делать? — спросил я.

— Тянет к земле. Вернусь в родной край…

Забегая вперед, скажу, что А. В. Берлезев в 1946 году уволился в запас. После демобилизации возглавлял крупный колхоз на Кубани, выращивал пшеницу. Сейчас он на пенсии.

В полку служба майора Берлезева шла успешно — он был разумным начальником штаба, обладал большой работоспособностью и деловитостью. С виду несколько медлительный, молчаливый, Берлезев и на самом-то деле был нетороплив, но нетороплив по-своему: ко всему подходил вдумчиво, реалистически, не спеша взвешивая, оценивая факты. Но уж то, что Берлезев предлагал (например, командиру полка он представлял варианты решения на тот или иной бой), было всесторонне обосновано. Это был мыслящий человек, и мы его в полку за это ценили. Отличался он также чуткостью и внимательностью к людям.

Когда ночь опустилась на горы, мы с Берлезевым вернулись в штабной блиндаж. Нам сообщили, что по распоряжению командира дивизии полк к утру выводится в новый район, к югу

от Даргова. Дивизия перегруппировывалась и на широком фронте переходила к обороне, с тем чтобы за счет высвободившихся сил корпус смог подготовить отряды преследования. При этом вполне резонно предполагалось, что противник на кошицком направлении вот-вот начнет отступать.

Стало быть, наше наступление приостанавливалось. Можно было подвести некоторые итоги первого этапа — банковского — наступательных действий полка. Имеются следующие данные об итогах боев в районе Бачков, Даргов, то есть в полосе 3-го горнострелкового корпуса генерал-майора А. Я. Веденина, за период 7—26 декабря 1944 года. Немцы потеряли более половины боевого состава пополненных танковой и пехотной дивизий. Они вынуждены были отказаться от своего замысла — остановить наши части на гизельской позиции. Убитыми и ранеными выбыло до 5 тысяч гитлеровцев. Уничтожено 10 артиллерийских и 18 минометных батарей, 78 пулеметов. Захвачено много пленных. Но и части нашего корпуса были измотаны. Достаточно сказать, что во 2-м батальоне 327-го полка к концу декабря в строю оставалось около 50 стрелков и пулеметчиков, немногим более было и в 1-м батальоне.

Маршал Советского Союза А. А. Гречко, под командованием которого в составе 1-й гвардейской армии воевала дивизия, в своей книге «Через Карпаты» так оценил наш вклад в боях за Бачков: «Исключительное мужество и героизм проявили в этих боях бойцы и командиры 128-й гвардейской горнострелковой дивизии». И в подтверждение этого вывода наш бывший командарм привел примеры массового героизма по 327-му гвардейскому горнострелковому полку.

Опыт боев нашего полка в районе Бачкова, особенно на высоте Безымянной, широко освещался во фронтовой и центральной военной печати, изучался с офицерами 128-й дивизии. При этом как положительное и поучительное отмечалось следующее: стремительный, дерзкий прорыв через Бачков на всю глубину вражеской обороны вплоть до позиций дивизионных резервов при равенстве сил противоборствующих сторон; эффективная организация боевых действий полка в условиях открытых флангов; самостоятельные наступательные действия 2-го батальона в отрыве от полка; хорошая организация боевого управления с НП полка в условиях горно-лесистой местности; бесперебойное материально-техническое снабжение и эвакуация раненых в условиях нарушения противником коммуникаций.

Наступательный порыв, массовый героизм, железная стойкость при отражении вражеских контратак, постоянное,

неукротимое стремление к победе — эти качества, проявленные бойцами и командирами, свидетельствовали об их высокой сознательности и патриотизме, глубоком понимании своего воинского долга, о том, что коммунисты в полку ведут большую идеологическую и организаторскую работу, показывают личный пример боевой активности.

Растянувшись по линии горной цепи между Дарговом и Керестуром, полк перешел к обороне на фронте протяженностью 7 километров, имея задачей удержать занимаемый район и быть в готовности к переходу в наступление. Предполагалось, что пауза будет короткой. Однако она затянулась почти на три недели. Это дало нам возможность пополниться людьми и оружием. Временами мы выводили подразделения в тыл полка и совершенствовали их боевое мастерство, готовили их к новому наступлению. Особая забота проявлялась о пополнении. Мы его получили в основном из областей Западной Украины. По вполне понятным причинам оно нуждалось в дополнительных мерах по обучению и воспитанию.

Для бесед с молодыми бойцами была намечена кроме обычной и особая тематика: «Основные положения Конституции СССР», «Почему народ Западной Украины считает своей родиной Советскую Украину, а не буржуазную Польшу», «Об оуновцах — бандеровцах, буржуазных националистах, злейших врагах народов». Для индивидуальной работы к новобранцам прикрепили активистов — бойцов и сержантов.

Свою важнейшую задачу мы видели в том, чтобы обеспечить бдительное несение службы в обороне, наблюдение за противником. Надо было сорвать его замысел — отступить незамеченным на новую оборонительную линию Прешов, Кошице. Этой задаче мы посвятили собрания в первичных парторганизациях. Я делал доклад во 2-м батальоне. Проанализировал итоги прошедших боев, рассказал о задачах подготовки к предстоящему наступлению. Пришлось остановиться на одном недостатке, получившем распространение, — недооценке противника: он, мол, скоро начнет сдаваться.

Бои опрокинули эти недальновидные расчеты, говорил я коммунистам. Противник ведет себя стойко, боеспособность немецко-фашистских войск еще высока, средств борьбы у них имеется достаточно, поэтому воевать с таким врагом надо умно и квалифицированно. Кроме того, не следует забывать, что гитлеровские начальники и пропагандисты так обработали своих солдат, что в массе своей они еще не перестали верить Гитлеру. К

тому же немецкие солдаты рассчитывают и на сверхмощное секретное оружие, которое обещала им геббельсовская пропаганда… Все это налагает на командиров, политработников, на всех коммунистов большую ответственность за подготовку к новым решительным наступательным боям.

Мой доклад дополнили коммунисты. Содержательными были выступления комбата Новикова и его заместителя Лукова. Присутствовавший и выступивший на собрании заместитель начальника политотдела дивизии гвардии подполковник В. И. Кушниренко говорил о необходимости укрепления ротных парторганизаций, повышения их роли в устной агитации среди бойцов, об устранении еще имеющихся недостатков в идейно-политическом воспитании коммунистов. К слову сказать, Василий Исидорович нередко бывал в полку. Часто к нам приезжали агитаторы политотдела дивизии Войнилович и Кошевой, они помогали нам в решении нелегких задач. Поддерживал с нами связь инструктор по информации М. М. Полищук.

Итоги партийных собраний мы с Поштаруком доложили командиру полка. Он принял ряд решений, отвечавших предложениям коммунистов. В частности, в обороне было введено круглосуточное офицерское патрулирование. Это вызывалось тем, что оборону мы занимали на широком фронте, а в полку выбыло из строя много сержантов.

В результате активизации политической работы в подразделениях увеличился приток заявлений в партию. За первые пять дней января, например, только в 1-й минометной роте в партию были приняты командир взвода Грачев, сержанты Волохов и Трофимов.

Для молодых коммунистов были созданы политшколы. С заместителем начподива Кушниренко мы побывали на занятии в школе, которой руководил парторг полка П. Г. Поштарук. Тема занятия была такая: «Обязанности члена партии».

Изложив вопрос об обязанностях коммуниста, Поштарук провел со слушателями собеседование, уточнил, как они поняли требования Устава партии.

Вот некоторые выдержки из записи собеседования.

Грачев: Главная обязанность коммуниста на фронте — быть в авангарде, показывать в бою пример храбрости, инициативности, дисциплины. У нас в минометной роте коммунисты именно так поступают.

Волохов: Я бы добавил — коммунист не сможет вести за собой беспартийных, если не умеет метко стрелять, хорошо ориентироваться на местности, агитировать словом и делом.

Поштарук: Очень верно!

Трофимов: Еще надо добавить — коммунист должен повышать свою политическую грамотность и постоянно просвещать беспартийных.

Слушая Волхова, Грачева, Трофимова, других участников собеседования в политшколе, я радовался духовному росту этих людей, их тяге к знаниям. Даже в трудных фронтовых условиях, используя передышки между боями, они выкраивали время, чтобы к очередному занятию в политшколе прочитать ленинскую статью, тот или иной раздел Устава партии.

Суммируя и обобщая мысли, высказанные в ходе собеседования молодыми коммунистами, Петр Григорьевич Поштарук с удовлетворением отметил, что товарищи неплохо подготовились к занятию, правильно изложили основные положения раздела Устава партии об обязанностях члена партии. Ценным он признал то, что свои суждения участники собеседования подкрепляли живыми примерами и фактами, взятыми из боевой практики своего подразделения.

Вместе с тем руководитель политшколы высказал справедливое критическое замечание: в выступлениях почти не затрагивались недостатки, узкие места во внутрипартийной жизни в подразделениях. Мне хорошо запомнилось, как П. Г. Поштарук ополчился против людей, равнодушных к недостаткам, против тех, кто придерживается пассивной позиции — «меня это не касается, пусть об этом думают другие». К счастью, такие равнодушные люди в наших партийных организациях исчислялись единицами. Но все же они встречались. Критикуя их, руководитель политшколы умело использовал одно очень яркое высказывание Сергея Мироновича Кирова о «псаломщиках коммунизма» и «живых коммунистических борцах». К сожалению, тогда, в сорок четвертом, в Восточных Татрах, где проходило собеседование молодых коммунистов, я не успел записать высказывание Кирова. Уже после войны я отыскал эти слова. Вот они: «Можно знать наизусть азбуку коммунизма, но, если не лежит у тебя в сердце, — ничего не выйдет, ты будешь псаломщиком коммунизма, а не живым бойцом. Если ты хочешь быть живым коммунистическим борцом, ты должен со всей большевистской яростью ополчиться против тех недостатков, которые тормозят наше строительство».

Мы учитывали специфику такого вида боевых действий, как преследование с форсированными маршами, встречными боями, преодолением минных полей, заминированных дорог, мостов, дефиле, населенных пунктов. Полностью были укомплектованы

саперная и разведывательная роты, которым предстояло сыграть важную роль при преследовании врага. Исполнял обязанности командира саперной роты лейтенант комсомолец Цезарев. Роту к предстоящим действиям ему помогал готовить комсорг Хорошавин.

Известно, что партийная работа — это человековедение. На фронте нам, политработникам и партийному активу, приходилось заниматься не только вопросами боя, но и глубоко личными вопросами, человеческими переживаниями. Одним из таких «невоенных» вопросов (конечно, это довольно условное истолкование, так как плохое настроение фронтовика может сказаться и на его боевых качествах) был вопрос о семейных отношениях фронтовиков: нет-нет да приходили нашим людям вести из дому о том, что жена не сохранила верности, а то и о распаде семьи.

Боец одной из стрелковых рот получил неприятное письмо. Старуха мать писала, что его жена сошлась с другим и уехала из села. Боец захандрил. А один из сослуживцев «по-дружески» стал успокаивать: «Чего ты кручинишься? Все они, бабы, такие! Плюнь на свою Катерину, найдешь другую, да еще получше. Нам бы с тобой, друг, выжить, с фронта вернуться с руками да с ногами, а баб на наш век хватит».

Но тут вступил в разговор сержант Сорокин, член партии, человек бывалый, неторопливый, не очень молодой. Отставив автомат в сторону, Сорокин внушительно забасил:

— Нет, не все такие бабы-то, зря ты их всех равняешь под одну цену. Я так полагаю: если бы Катерина была из самостоятельных женщин, а не попрыгунчиком, то можно бы ее и пожалеть. Ну а она, как я вижу, не из настоящих, а из тех, о ком плакаться грешно, потому как слезы стоят дороже. Есть любовь навсегда, узлом завязана и не развяжешь, а есть такая… сошлись, побаловались и разошлись. А не разошлись, так принялись портить друг другу жизнь… — И Сорокин рассказал историю одной настоящей любви (очень похоже было, что это его собственная история). — А у тебя, дружище, что за любовь была — подумать еще надо. Во всяком случае — не убивайся так. Давай-ка поговорим, а?

— Спасибо, не надо, — ответил боец. — Вы правы. Дальше я сам…

С надеждой, с оптимизмом люди нашего полка встречали новый, 1945 год. Все сознавали, что это будет год нашей окончательной победы над фашистской Германией.

Перед Новым годом бойцам и командирам вручили подарки,

полученные от рабочих и колхозников из различных краев и областей нашей страны.

Празднование Нового года было отмечено и тем, что все бойцы и командиры полка накануне помылись в бане и постриглись.

В новогодний вечер для личного состава полка был приготовлен праздничный ужин. Во все подразделения была доставлена наша дивизионная газета «Ворошиловец». Она почти полностью была заполнена материалами из 327-го полка. В газете прославлялись наши герои, описывались их подвиги. Первая страница, составленная из редакционной передовой статьи и заметок агитатора полка Одякова, старшины 1-й пулеметной роты К. Гудкова, парторга полка П. Поштарука, дана была под рубрикой: «Присягой сила воина в огне боев удвоена». В заметках описывались подвиги майора Фоменкова, командира 1-й пулеметной роты Жабского, бойцов-пулеметчиков Васько, Осипенко, санинструктора батареи Ольги Рябичко и других. Вторая страница включала заметки наших военкоров— помощника начальника штаба полка В. Гаранжи, политработника И. Нечесова, рядового Н. Васильева и других. Они рассказывали об отважных и смекалистых бойцах и командирах, об их боевом опыте.

Встретившись с редактором газеты майором М. Енченко, я поблагодарил его за отличный номер газеты, рассказавший широкому кругу читателей о храбрых и отважных людях нашего полка.

В середине января, воспользовавшись успехами наступавшей левее нас 42-й армии 2-го Украинского фронта, войска 4-го Украинского фронта начали продвигаться на плечах отступающих войск к Прешову и Кошице.

18 января во второй половине дня 327-й полк покинул город Сечевце и в качестве передового отряда 128-й дивизии начал преследование. Напутствуя нас с командиром полка, командир дивизии М. И. Колдубов требовал, чтобы полк «бил противника и в хвост и в гриву, не давая ему покоя ни днем ни ночью». Мы должны были драться не только с арьергардами. Следовало настигать основные силы и, опережая их развертывание, навязывать бой там, где нам выгодно.

Присутствовавший при этом разговоре полковник И. П. Чибисов высказал ряд советов и указаний, касающихся политработы и взаимоотношений с населением освобожденных сел и городов.

И вот полк тронулся в путь. Поштарук, Одяков, Хорошавин с

моими поручениями ушли в подразделения, я остался с командиром полка.

Через Даргов, Свинице, Бидовце полк прошел, не встретив противника. Затем, сбивая арьергардные прикрытия, он захватил ряд деревень, вышел к городу Кошице и повернул от него на северо-запад. Другими частями корпуса город был взят. За Кошицкую операцию 20 января Верховный Главнокомандующий объявил всему личному составу частей 3-го горнострелкового Карпатского корпуса благодарность.

Успешно наступая, 327-й полк не давал противнику возможности изготовиться к обороне на новых рубежах. Нам удалось силами батальона Юркова, действовавшего в качестве передового отряда полка, с ходу занять населенные пункты Рогановце и Войковце и по узкой долине реки Торисы через село Будимир выйти на рубеж в полутора километрах к западу от Лемешаны. Затем короткие бои в населенных пунктах Дренов, Обишовце, Радичев, Янов, Жипов… В этом последнем селе полк остановился в ожидании боевого распоряжения командира дивизии. Командир полка приказал Агееву выдать личному составу обед и сухим пайком ужин (поскольку ночью предстояло безостановочно преследовать противника). Жители деревни встретили советских солдат радушно, преподносили им сувениры, приглашали к себе в гости, на чашку чая. Кое-где, при «недосмотре» командиров появилась и сливянка, местная водка. Крестьяне с искренним радушием угощали наших солдат, заверяя, что «то не вредно, веселее будет воевать».

Склонившись над картой, Шульга и Берлезев изучали маршрут, по которому предстояло преследовать только что отступивших из Жипова немцев. Дорога из Жипова шла сразу же на юг, через село Клембарок, а дальше резко поворачивала на запад и по лесному массиву через 7–8 километров выводила к Грабкову.

Внимательно рассмотрев этот лесной массив, Шульга высказал интересную мысль:

— Идти по шоссе на Клембарок — это значит догнать немцев и навязать им бой в Клембароке, «вытолкнуть» их из этого села, как Колдубов нам сказал, ударить по хвосту; ну что же, неплохо — мы не дадим противнику отдохнуть в Клембароке и погоним его на Грабков. Но есть вариант лучший — смотрите на карту…

И Шульга зачастил:

— Из Жипова мы направим одну стрелковую роту налегке, без тяжелого оружия, через лес (Шульга указал на лесную тропу, которая вела на юго-запад, к Грабкову) и раньше немецкой колонны придем в Грабков и захватим его. Одновременно полк

своими основными силами с обозами пойдет но шоссе, преследуя гитлеровцев, будет бить по хвосту немецкой колонны. Немцы бросятся к Грабкову, а тут уже мы… И ударим фашистов по голове, то бишь «цо гриве», как сказал генерал.

— Хорош вариант, — поддержали мы Шульгу. — Вот только разузнать надо об этой лесной тропе.

Пригласили хозяина дома. Тот сказал, что пройти можно, жители села летом ходят в Грабков по этой тропе, здесь всего километров восемь. Хозяин оказался старостой деревни. Это нас насторожило. Однако навели справки у жителей, те подтвердили сведения нашего хозяина.

— Решено, — объявил Шульга. — Я с ротой пойду сам.

Начали готовить полк.

В это время ко мне привели местного крестьянина, старика, с крайне неприятной новостью: «Ваши взяли пару волов».

— Не может быть, — говорю ему, — у нас этого не бывает.

— О, вы хорошие солдаты, мы знаем. Красная Армия не обижает народ. Я не жалуюсь на ваших… Но волов-то взяли! Двух волов… — И старик развел руками.

— Коли так, найдем ваших волов и вернем. Идемте, показывайте.

Искать не пришлось, старик привел меня к старшине пулеметной роты Гудкову, который уже собирался запрячь волов в телегу и прилаживал для этого сбрую. Говорю Гудкову:

— В путь-дорогу собираетесь?

— Так точно, товарищ гвардии майор, в путь собираюсь, — отвечает Гудков, с беспокойством взглянув на старика. — Только вот зря я, пожалуй, связываюсь с этими худобами, уж больно они медленно шагают… Придется от них отказаться…

— Вы так думаете? Пожалуй, верно. Для нас это неподходящее тягло. Не успеют за нашими лошадками. Тем более что волы-то не наши. Двор свой им не захочется оставлять. Заскучают по старику, а он о них уже заскучал.

— Товарищ гвардии майор, что вы подумали? Что я, фриц, что ли? Я попросил во временное пользование, только до следующей деревни. Кони-то у меня перегружены, притомились, еле шагают, а им аж до Праги, а то и до Берлина надо дойти. Вот я и хотел волов использовать. Я же к вам по-хорошему обратился, — метнулся Гудков к деду. — Вы же тоже нам, Красной Армии, должны помочь?!

— То верно, обращался, — подтвердил дед. — Но я все думал… Возьмешь до следующей деревни, а как стрельба начнется, что тогда будет с волами? Пускай волы останутся во дворе у меня. Так-то вернее. У меня всего их два. Что я без них

делать буду?

— Хорошо, хорошо, отец, — ответил я старику. — Придется оставить, Гудков, волов.

— Придется… — И, повернувшись к старику, Гудков с укоризной сказал — А вы, отец, малосознательны.

— Ну ему, товарищ Гудков, малую сознательность можно простить. А вот нам с вами даже малейшую оплошность допускать не следует. Так ведь? Вот мы с вами и договорились! А перед старым человеком извинитесь.

Инцидент был исчерпан, и можно было уходить. Но неожиданно появился староста деревни. Узнав, в чем дело, он предложил:

— О, мы вам поможем. Пан старшина дело задумал — ваши кони устали, мы дадим вам лошадей до Клембарока. Зачем волов! — усмехнулся староста. — Мы лошадей дадим, быстро довезут вас до Клембарока. — И потом горячо добавил: — Мы должны вам помогать. Красная Армия вернула в наши горы солнце… Фашисты его украли, а Красная Армия вернула.

Шульга выступил с ротой на Грабков по лесной дороге, а Берлезев повел полк по шоссейной. С Шульгой ушел и политработник Одяков. Староста исполнил свое обещание. Все тяжелое оружие, больных, некоторое имущество мы разместили на крестьянских повозках, запряженных лошадьми, которых лам привели. Быстро добрались до Клембарока. Бой с противником начали еще на подступах к селу. Пока шел этот бой, Шульга с ротой стремительно ворвался в Грабков и занял его. Колонна немцев, выбитая нами из Клембарока, бросилась к Грабкову, но, встреченная нашими, была разбита и, рассеявшись по лесу, отошла куда-то на юг, потеряв много людей и имущества.

После завтрака, не отдыхая, полк оставил Грабков; пройдя через большой населенный пункт Овче, настиг колонну немцев и, ударив по ее хвосту, заставил развернуться для боя. Бой длился весь день и закончился разгромом врага. Было освобождено село Витеж. В этом бою нам удалось разгромить силы, по численности превосходящие наш полк. Мы навязали противнику свою волю и заставили его принять бой в том месте и в тот момент, когда ему это было невыгодно.

В бою за Витеж отличился боец Анаяров. Произошло это так. Под воздействием сильного артиллерийского огня расчет пулеметного взвода младшего лейтенанта Клаковского снялся со своей огневой позиции и начал отходить. Стрелковый взвод оказался без огневой поддержки и, контратакованный немцами, дрогнул. И вот тут-то Анаяров спас положение. «Я и сам не могу сказать, что меня заставило так грубо накричать на наших станка-

чей, но только уж очень я возмутился таким безобразием: оставили без поддержки стрелковый взвод», — потом рассказывал Анаяров на заседании партбюро полка, когда его принимали в партию. Действительно, тогда, у Витежа, этот храбрый боец взял в руки ручной пулемет погибшего солдата и бросился наперерез отступающим бойцам Клаковского, всячески ругая их. К этому времени подбежал и младший лейтенант Клаковский, который упрекнул Анаярова за то, что он «лезет не в свое дело», и приказал своим пулеметчикам вернуться на оставленную позицию. Стрелковый взвод, ободренный и поддержанный пулеметчиками, также вернулся в свои окопы, но в них не остановился, а побежал вперед, в деревню, занятую противником. Впереди взвода бежал Анаяров.

После того памятного боя командир взвода лейтенант Аленович похвалил Анаярова и представил его к ордену. А через день коммунисты роты рассматривали заявление Анаярова о приеме в кандидаты партии. Он был принят в кандидаты на льготных условиях, как храбрый боец, активный комсомолец, отличный агитатор.

Всего же в первые 7 суток боев при преследовании противника было принято 12 человек в члены и кандидаты ВКП(б) и 15 — в комсомол.

К ночи полк сосредоточился перед крупным населенным пунктом Широкое, где нам было приказано передать свой участок частям чехословацкого стрелкового корпуса. Мы же вышли в район города Прешова.

Прорыв гизельской позиции завершился полным разгромом гитлеровцев, занимавших ее. Части 128-й дивизии уходили на новое направление, в Юго-Западную Польшу.

Мы покидали Словакию с сознанием по-братски выполненного и перед своим, советским народом, и перед трудовым народом Словакии долга.

Глава 6
Освобождая польскую землю

Прешовские горы еще дремали в предутренней тишине, когда наш полк, погрузившись на автомашины, миновал лощину за перевалом. Мы ехали в северо-западном направлении. Войсковое имущество уложили на повозки. Вслед за машинами они тронулись в путь в том же направлении. Позади — Прешов, Кошице, другие города и сотни словацких деревень, в освобождении которых участвовали наш корпус, дивизия, полк. Марш проходил в ненастную погоду мороз, ветер. Кругом — бездорожье. Повозки часто застревали. Потребовалось немало усилий, чтобы их подталкивать, вытаскивать из лощин на гребни.

Морозным утром 22 января полк пересек чехословацко-польскую границу. К вечеру 23 января, завершив 150-километровый марш, наши батальоны скрытно заняли исходные позиции в районе населенного пункта Новы-Сонч (южнее Кракова). Здесь мы узнали, что наша дивизия вместе с другими соединениями 3-го горнострелкового корпуса генерал-майора А. Я. Веденина снова включена в состав 1-й гвардейской армии. До этого, как я уже отмечал, наш корпус некоторое время находился в составе 18-й армии.

После марша отдых был коротким. Мы использовали его, чтобы привести в порядок оружие, накормить личный состав, ознакомить его с внутриполитическим положением в Польше, в первую очередь в районе, где предстоит действовать нашей дивизии и полку. Поддерживая дружественные отношения с местным населением, польскими патриотами, действовавшими в тылу гитлеровских войск, наши политработники накопили ценную информацию. Нам было известно, что в прифронтовой и особенно во фронтовой полосе активизировало подрывную работу буржуазно-националистическое подполье.

Вскоре из батальонов и рот я получил информацию о диверсионных актах, совершенных местными бандами националистов. Из-за угла бандиты убили командира отделения разведки нашей полковой батареи Искандерова. К его трупу террористы прикололи злобную антисоветскую записку. Поступали сигналы о том, что участились случаи засылки в наши подразделения смазливых девушек. Как выяснилось, это были шпионки и диверсантки, прикидывавшиеся друзьями Красной Армии.

Изучая настроение местного польского населения, я на

многих фактах убедился, что оно презирает агентов Миколайчика и стремится помогать частям Красной Армии. Отдельные террористические и диверсионные акты против наших частей — дело рук буржуазных националистов. Что же касается трудового польского населения, то оно питало к советским воинам чувства симпатии и дружбы. И все же у некоторых наших новобранцев, влившихся в полк из районов Закарпатской Украины, проскальзывала мысль: не доверять полякам. Такое настроение не могло не настораживать меня. Посоветовавшись с Шульгой, парторгом и комсоргом полка, мы провели совещание командиров, секретарей партийных и комсомольских организаций подразделений. Оно было посвящено вопросу о взаимоотношениях с местным населением. Четкой ориентации воспитательной работы с воинами в условиях их пребывания за рубежом нас учили передовые статьи органа Центрального Комитета партии газеты «Правда», директивные указания Главного политического управления РККА. Очень ценными для нас были передовые статьи «Правды» об освободительной миссии Красной Армии. Во взводах и отделениях мы организовывали коллективные читки этих статей.

Перелистывая сохранившуюся у меня фронтовую папку газетных вырезок, я с волнением вновь перечитал статью Николая Тихонова об освободительной миссии советского воина, напечатанную в «Красной звезде» летом 1944 года. В ней хорошо выражено величие подвига советского воина — патриота и интернационалиста. Николай Тихонов писал: «Среди северных фиордов и нелюдимых скал, под норвежским ветром, в прусском логове, на берегах Вислы, среди польских селений и городов, на гористых дорогах Чехословакии, на венгерской равнине, на узких тропах и в лесах Югославии — всюду идут славные воины Красной Армии. И видят народы Европы людей великого похода за освобождение человечества от фашистского ига…

Несчетно это войско, и по его виду можно судить, что оно грозно врагу и неодолимо. Оно привычно к трудностям, и нет ему преград, которые могли бы остановить его мерное, безостановочное движение. Куда они идут, куда стремятся? На Запад! На Запад!»

В перерывах между боями были организованы коллективные читки статьи Николая Тихонова. Вслушиваясь в пламенные строки писателя, гвардейцы еще глубже проникались сознанием благородства и своих личных подвигов на территории Польши и Чехословакии.

Наши агитаторы использовали в беседах с красноармейцами рассказы польских и чехословацких граждан, выражавших чувства

дружбы и благодарности Красной Армии за то, что она освободила многие польские и чехословацкие города и села от фашистской тирании. Работу по интернациональному воспитанию бойцов и командиров политработники полка тесно увязывали с конкретными задачами, поставленными перед личным составом.

Ближайшая задача полка состояла в том, чтобы сокрушить оборону противника на участке южнее города Мшана-Дольна. Когда полк сосредоточился в районе Новы-Сонч, нам стало известно, что под этим городом части нашего корпуса с ходу развернули ожесточенные наступательные действия. Немецкое командование заранее здесь, а также в районах Мшана-Дольны, Новы-Тарг сосредоточило отборные боевые группы. В их состав были включены солдаты, унтер-офицеры и офицеры, обученные эсэсовцами. Эти группы немецкое командование объединило в так называемый «отряд смертников». Командовал отрядом полковник фон Килиан, пользовавшийся личным доверием Гитлера. Позже из достоверных источников, а также из показаний пленных немецких офицеров мы узнали, что Килиан был удостоен личного послания Гитлера, в котором фюрер выражал надежду, что германские отборные войска остановят наступление русских и обеспечат победоносное наступление немецких войск. Килиан из кожи вон лез, лишь бы оправдать доверие Гитлера.

Изучая полученные сведения о противостоящем нам противнике, я понял, что отряд фон Килиана укомплектован головорезами. Кроме этого отряда численностью более шести тысяч человек район Мшана-Дольны обороняли части 320-й и 253-й немецких пехотных дивизий.

Вместе с замполитами командиров батальонов, парторгами и комсоргами подразделений мы разъяснили красноармейцам, что в предстоящих боях придется иметь дело с оголтелыми гитлеровцами, поэтому надо хорошо подготовиться к атакам, контратакам, обходным маневрам. На основе опыта предыдущих боев коммунисты и комсомольцы рассказали молодым воинам о тактических приемах, которые гитлеровцы применяют в горных условиях, об уязвимых местах их боевой техники.

Перед началом наступления в батальонах и спецподразделениях состоялись митинги. Их участники приветствовали доблестных воинов 2-го Белорусского фронта, которые отрезали Восточную Пруссию от Германии и продолжали громить вражеские войска. Выступавшие на митингах выражали готовность смело и решительно действовать в предстоящих атаках и контратаках, сокрушить оборону гитлеровцев.

К началу наступательных боев на польской территории

партийная организация нашего полка насчитывала свыше 200 членов и кандидатов партии и примерно столько же комсомольцев. Вместе с парторгами и комсоргами политработники позаботились о том, чтобы обеспечить наиболее целесообразную расстановку коммунистов и комсомольцев в подразделениях, направить их усилия на оказание помощи командирам в подготовке личного состава к выполнению боевой задачи. А задача, поставленная перед полком, заключалась в следующем: обойти укрепленную позицию противника у города Мшана-Дольна, овладеть населенным пунктом Ерданув — узлом дорог, ведущих на запад, и тем самым отрезать путь к отступлению гитлеровцев.

Комдив генерал Колдубов сообщил нам, что в районе Мшана-Дольны «отряд смертников» Килиана оказал упорное сопротивление, задержал продвижение дивизии вперед. Поэтому и созрело решение — силами 327-го полка совершить обходный маневр с целью нанесения удара во фланг противника.

Объясняя нам свой замысел, комдив сказал:

— С боями за сутки вам придется пройти не менее сорока километров, чтобы достигнуть Ерданува.

Развернув карту, Колдубов назвал населенные пункты — Касинка, Любань, Тенчин, Кшечув, которыми нам предстояло овладеть на пути к Ердануву.

— Ждите меня в Ердануве завтра в семь ноль-ноль… Чай буду пить у вас, — сказал комдив Шульге. — Двигаться стремительно. В сторону от дороги не отклоняться.

Для поддержки нашего полка были выделены 130-й артиллерийский дивизион на автотяге и батарея 234-го полка самоходных артиллерийских установок. На самоходки Шульга посадил десант. С ходу он атаковал Касинку, овладел ею. К Любани и Тенчину противник подтянул свежие силы. Нашим батальонам пришлось отражать упорные контратаки. На подходе к Ердануву — в районе Кшечува — немецкое командование бросило в бой до двух батальонов пехоты и несколько самоходных артиллерийских установок. Схватка была ожесточенной. Обе стороны несли значительные потери. Наши подразделения не ослабляли натиска.

Особенно активно действовал 2-й батальон. В первых рядах атакующих находились коммунисты. Образцы храбрости показали командиры отделений Князев, Волохов, Привалов, Колмаков, Сорокин, красноармейцы Лоскутов, Чойпанкулов, Анаяров, Оганесян и другие. Меткий огонь по немецким самоходкам вели бронебойщики Миронюк и Мороз. Они уничтожили вражескую машину, которая прижимала наших стрелков в овраге, и

обеспечили успех атаки опорного пункта.

Фельдшер Рашевская, рискуя жизнью, под вражеским пулеметным и артиллерийским огнем подползала к раненым бойцам. Ей удалось вынести их в укрытия, оказать медицинскую помощь. Когда в ходе атаки ранили командира взвода, красноармеец Шуманяк, используя складки местности, преодолел участок, простреливаемый немецким пулеметом, добрался до командира, перебинтовал ему рану, вынес взводного в укрытие. Врачи спасли ему жизнь. Молодой красноармеец Николай Тупица, уроженец Закарпатской Украины, сын бедного крестьянина, отличился в атаке. Он приблизился к траншее, из которой гитлеровцы вели огонь, пустил в ход гранаты, заставил замолчать вражеский пулемет. Сержант Гриченко, находясь в головной походной заставе, проявив высокую бдительность, первым обнаружил замаскированный немецкий пулемет. Подкравшись к нему, сержант уничтожил его расчет, изготовившийся к бою.

На пути к населенному пункту Тенчин я догнал группу красноармейцев и младших командиров 4-й стрелковой роты.

— Отстали от своих?

— Да все возились со «смертниками» в Любани, — ответил худощавый юноша с темными живыми глазами.

Чувствовалось, что паренек находится под впечатлением только что закончившегося боя. Не скрывая радостного возбуждения, вприпрыжку, ускоряя шаг, чтобы не отстать от меня, красноармеец продолжил разговор:

— Командир роты приказал нам добивать фрицев в Любани, а сам на самоходке с группой бойцов помчался Тенчин брать.

— Давайте познакомимся, — сказал я своему собеседнику.

— Я вас знаю.

— А я, к сожалению, вас не знаю.

— Извините, забыл представиться. Из головы вылетело. Разгорячился. Командир отделения Чуйский, — представился паренек.

Он рассказал, что его отделение вело бой с группой гитлеровцев в Любани. Они не сдавались. Пришлось вышибать их с чердаков, из подвалов.

— Любань мы очистили и теперь догоняем роту, — сказал Чуйский. — Нам сорок километров надо покрыть за сутки, а прошли только половину. Уже ночь подходит, и мы торопимся. Утром командир с нас спросит.

— Это уж как пить дать спросит, — поддержал я Чуйского.

Так я познакомился с Юрием Чуйским. Он пришел в полк с новобранцами примерно месяц назад. Мы шли с ним и

беседовали. Чуйский расспрашивал меня больше, чем я его.

— Почему мало самоходок участвовало в наступлении на Кшечув? Надо было побольше людей посадить на самоходки, тогда бы мы быстро выполнили боевой приказ, — сказал он. А потом вдруг задал такой вопрос: — Скоро ли наши союзнички на Западе начнут действовать более решительно?

Юрий кратко рассказал о себе. Ему шел девятнадцатый год. Перед призывом в армию окончил школу, вступил в комсомол. Делясь своими мечтами, Чуйский сказал:

— Хочу в партию вступить, быть таким, как Павка Корчагин…

— Чему же вы научились у Павки Корчагина?

— Понимать свое счастье, — ответил Юрий. — Бороться за нашу победу — в этом я вижу высшее счастье война-комсомольца. — И Юрий похлопал по своему автомату.

Вечером я повстречался с командиром роты Федуловым. Он рассказал, что в бою за Любань Юрий Чуйский проявил инициативу и храбрость. Когда началась атака, Чуйский первым вырвался вперед, увлек за собой трех бойцов. На окраине села они блокировали группу гитлеровцев, засевших в подвальном помещении дома. Фашисты вели огонь, пытаясь преградить нашим бойцам путь в село. Чуйский и его товарищи забросали подвал гранатами. Рота ворвалась в Любань. Но вдруг ожил вражеский окоп, замаскированный в саду под крупным деревом. Чуйский ближе подполз к окопу, пустил в ход гранаты. Рота продвигалась вперед, Федулов приказал Чуйскому принять на себя командование отделением (теми же тремя красноармейцами, которые действовали вместе с Юрием), немедленно сесть на самоходку и двигаться вперед, на Тенчин.

— А как же с теми гитлеровцами, что запрятались в Любани? Неужели оставим их живыми? — спросил Чуйский командира роты. — Я еще ни одного фрица не взял в плен. Разрешите моему отделению остаться в селе. Мы прикончим или пленим уцелевших фашистов.

Получив разрешение, Чуйский с тремя бойцами устроил в Любани засаду у сельской бани. Там скрывались пять гитлеровцев. Двух из них Юрий заставил сдаться в плен, а троих его бойцы убили в перестрелке.

В избе, возле которой шла перестрелка, Чуйский увидел лежащую на топчане пожилую женщину. Она стонала от боли — гитлеровцы ранили крестьянку. Одного из красноармейцев Чуйский послал в медсанроту, которая находилась вблизи Любани. Выяснилось, что медсанрота переполнена тяжелоранеными и врач не может отлучиться. Чуйский сам побежал к медикам и уговорил фельдшера Любу Еськину

осмотреть раненую женщину. Старушка благодарила за внимание и заботу.

Чуйский с отделением начал догонять роту. Догнал ее на подступах к Тенчину.

Командиру 4-й роты Федулову я посоветовал:

— Беречь надо этого паренька. Молод, горяч, осторожность за трусость может счесть…

— Понятно, товарищ гвардии майор.

— А за бой в Любани Юрия Чуйского следовало бы представить к награде. Вы как считаете?

— Надо. Так и сделаем, — ответил Федулов.

Когда полк завершил обходный маневр и овладел Ерданувом, командование представило к правительственным наградам отличившихся бойцов и командиров. Среди них был и отважный командир отделения, ротный комсорг Юрий Чуйский.

…Истекал последний день января. От командира дивизии и начнодива нам с Шульгой стало известно, что соединения и части 3-го горнострелкового корпуса вместе с другими соединениями 4-го Украинского фронта временно переходят к жесткой обороне на рубеже западный берег реки Бяла, высоты, расположенные восточнее и южнее населенных пунктов Живец, Яблонки, Хохлув. Здесь продолжалась ускоренная подготовка личного состава и техники к прорыву вражеских позиций. Нашему полку предстояло наступать через Гуциско на живецком направлении. Комдив поставил перед полком ближайшую задачу — овладеть железнодорожной станцией Гуциско.

Восточнее Живеца и Гуциско тянулся передний край обороны противника. Траншеи пересекали с севера на юг широкую долину. Она вела от Гуциско на Живец. По долине была проложена шоссейная дорога. Узел обороны противника имел общую глубину до 8 километров, ширину до 1,5–2 километров. Он состоял из трех позиций, тянувшихся с востока на запад. Первая позиция — Гуциско, вторая — село Певель-Вельки и третья — село Пехове. С обеих сторон долину зажимали крутые горы. Наступать мы могли только в лоб, не имея возможности маневрировать. Разведка установила, что на участке, на котором будет наступать полк, гитлеровцы сосредоточили до двух пехотных батальонов, усиленных артиллерией и самоходками. Таким образом, наш полк не имел даже двукратного превосходства ни по численности людей, ни по количеству артиллерийских стволов, минометов и пулеметов.

Один из наших штабных работников не без грусти заметил: «Н-да, арифметика соотношения сил далеко не в нашу пользу». Я понимал его беспокойство. И все же я напомнил ему, что сама по

себе арифметика еще не дает права для того, чтобы сомневаться в успехе предстоящего боя. Надо обязательно учитывать морально-политическое и психологическое состояние обеих воюющих сторон. Говоря словами В. И. Ленина, на войне большое значение имеет дух масс, борющихся на поле боя. Личный состав нашего полка был охвачен высоким наступательным порывом. Бойцов и командиров радовали успехи Красной Армии, громившей немецко-фашистские войска уже за пределами Советского Союза. Наши красноармейцы рвались в бой, чтобы приблизить победу над гитлеровской Германией.

Что касается немецких солдат, то их охватывало смятение. Пленные гитлеровцы хотя и сквозь зубы, но признавали, что в их частях, расположенных в районе Гуциско, участились случаи дезертирства, неповиновения офицерам. Мы, конечно, не преуменьшали сил противника, но и не преувеличивали их. Легкой победы в районе Гуциско мы не ждали, но верили, что даже при численном преимуществе противника его оборону можно взломать, если действовать смело и решительно.

На период боя за Гуциско комдив придал нашему полку роту самоходных артиллерийских установок. М. Г. Шульга приказал посадить 5-ю стрелковую роту десантом на самоходки. Ей была поставлена задача — сразу же после артподготовки ворваться в Гуциско и огнем облегчить продвижение 2-го батальона, прорвать первую и вторую позиции обороны противника.

Мы разъяснили личному составу, что успех боя зависит от стремительности наступления, умелого использования маневренных, огневых и ударных возможностей роты самоходок с пехотным десантом.

2-й батальон майора Лукова, наносивший главный удар, был усилен артиллерией сопровождения. Чтобы облегчить действия подразделений Лукова, 1-й батальон капитана Юркова должен был после овладения полком первой позицией вражеской обороны обойти узел сопротивления справа. Обходный маневр 1-му батальону предстояло осуществить через горы.

Посоветовавшись с командиром полка, я собрал на короткое совещание своих ближайших помощников — парторга, агитатора и комсорга полка. Совместно мы выработали план партполитработы по обеспечению выполнения задач предстоящего боя. После совещания направились в подразделения. В 1-й батальон пошел парторг Поштарук, в 5-ю роту — агитатор Одяков, в 4-ю роту — комсорг Хорошавин.

Мне довелось присутствовать на беседе Одякова в 5-й роте.

— Здесь — Варшава, а здесь — Бранденбургская провинция фашистской Германии, — начал свою беседу с красноармейцами

капитан Одяков, показав на карте районы, которым давал характеристику. — Это расстояние в триста пятьдесят километров с востока на запад Красная Армия с боями покрыла за пятнадцать суток. Московское радио передало, что Красная Армия приближается к Берлину. Но еще предстоят жестокие бои, и у каждого из нас в борьбе есть свое место…

Рассказав о положении на участке фронта перед Живецом, агитатор спросил красноармейцев, знают ли они свои боевые задачи.

— Знаем, — ответил сержант Сорокин. — Мы идем десантом на самоходках.

— В наступлении ваша рота должна решить очень ответственную задачу. Если вы будете действовать так же стремительно и дерзко, как действовали десанты на самоходках в Любани и Кшечуве, то успех боя будет обеспечен.

Одяков порекомендовал использовать опыт боев за Любань и Кшечув.

Завязалась непринужденная беседа. Красноармейцы обменивались опытом боев, вносили предложения по организации взаимодействия и товарищеской выручки в ходе наступления.

Полкового агитатора Одякова уважали в подразделениях. Бойцы слушали его выступления с интересом. Он обладал даром эрудированного рассказчика, умело использовал народные пословицы, поговорки. У него был веселый нрав. Свою речь он дополнял жестами, которые без нарочитости и назидательности вплетались в живой рассказ о том или ином событии. Он мог развеселить самого хмурого собеседника. В довоенные годы Одяков некоторое время работал в цирке, был борцом, потом клоуном. У него выработалась профессиональная привычка воздействовать на слушателя и зрителя острой беззлобной шуткой.

Не скрою, что в первые дни пребывания Одякова в полку я опасался, что шутки вряд ли помогут ему завоевать авторитет. К счастью, мои опасения рассеялись. Одяков соблюдал чувство меры, умело пользовался оружием смеха.

Как же в дальнейшем развивались события?

1-й батальон успешно атаковал железнодорожную станцию Гуциско, к середине дня 1 февраля занял ее, уничтожив здесь опорный пункт, а затем вышел на склоны гор, прилегавших к Гуциско. При штурме станции отличились 1-я стрелковая рота Р. П. Кудели и взвод В. М. Позяйкина. Бойцы Позяйкина первыми ворвались на станцию. Здесь они уничтожили 15 гитлеровцев, захватили 2 немецких станковых пулемета. Красноармеец

Денисович меткими выстрелами сразил двух вражеских пулеметчиков. Красноармеец Кухарь ворвался в подвал дома, вступил в поединок с тремя гитлеровцами, принудил их сдаться в плен. Так была подавлена еще одна огневая точка противника.

Бой 1-й стрелковой роты за Гуциско поддерживали минометчики взвода старшего сержанта Ш. Ю. Берадзе. Когда стрелки преодолели участок леса и атаковали противника в Гуциско, их внезапно контратаковала большая группа гитлеровцев. Минометчики взвода Берадзе незамедлительно оказали стрелковой роте огневую поддержку. Минометный расчет сержанта Приходько ударил по немецкой пехоте, прижав ее к земле. Командир взвода Берадзе с несколькими красноармейцами обрушил по левому флангу контратакующих автоматный огонь. Ошарашенные неожиданными и сильными ударами, гитлеровцы побежали в лес. Здесь они попали под огонь 1-й стрелковой роты Кудели.

Ожесточенная схватка происходила на участке 2-го батальона. С началом атаки 5-я рота десантом на самоходках преодолела первую траншею и ворвалась в Гуциско. Несколько позже к станции подошли 4-я и 6-я роты. Однако под сильным огнем противника обе роты были вынуждены отойти на исходные позиции. С ходу им не удалось овладеть первой линией вражеских окопов.

Командиру полка Шульге на НП позвонил командир 2-го батальона Луков. Он просил передвинуть ближе к 4-й роте полковую пушечную батарею, чтобы прямой наводкой она била по вражеским огневым точкам. Просьба была удовлетворена. Через некоторое время мы увидели, как орудия полковой батареи одно за другим начали переезжать на новые огневые позиции. Задержка произошла лишь с одной пушкой — лошади, тянувшие ее, были убиты. Но и это орудие бойцы 4-й роты выкатили вручную, поставив его на прямую наводку.

Пока артиллеристы перемещались, 4-я рота готовилась к рывку вперед. Момент был решающий. Комсорг полка Хорошавин, сидевший с командиром роты Федуловым в воронке, бросился к Чуйскому, который заменил раненого командира взвода и нуждался в помощи, а парторг батальона Нечесов пополз к пулеметчикам. В небо взвилась ракета. Рота устремилась в атаку. Рядом с Юрием Чуйским бежал Михаил Хорошавин. Какое-то время, видимо укрываясь от наших снарядов и ружейно-пулеметного огня, расчеты немецких орудий и пулеметов молчали. Воспользовавшись этим, 4-я рота стремительным броском достигла немецких окопов, вышибла гитлеровцев и ворвалась в Гуциско. В окопах валялись разбитый пулемет и

трупы немецких солдат. Уцелевшие гитлеровцы, отстреливаясь, убегали по ходам сообщения. Рота, не задерживаясь, продвигалась в глубь населенного пункта. Отдельные дома приходилось блокировать. Наши самоходки расстреливали оживавшие вражеские пулеметы.

Вскоре 5-я рота вышла на западную окраину Гуциско. Здесь она была вынуждена остановиться — противник усилил артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь из деревни Певель-Вельки. Командир приказал 6-й стрелковой роте передвинуться влево, по руслу горного ручья и кустарнику скрытно подойти к Певель-Вельки и нанести удар во фланг противника. Для поддержки роты перенацеливалась 107-мм батарея капитана Гусаченко.

Хорошо организованное взаимодействие стрелков и артиллеристов, минометчиков и самоходных установок, ворвавшихся в село, обеспечило успех боя. К исходу дня 28 января Гуциско было полностью очищено от фашистов.

Командир корпуса А. Я. Веденин сообщил нам, что со своего НП он внимательно следил за действиями нашего полка, атаковавшего Гуциско. Генерал выразил удовлетворение ходом боя, объявил личному составу благодарность.

Воспользовавшись паузой, я пошел в 4-ю роту. Она обедала. Повара приготовили вкусный, наваристый суп, гречневую кашу. Бойцы ели с аппетитом. Я сообщил им, что полк успешно вел бой и заслужил благодарность командира корпуса.

Короткий обеденный перерыв агитаторы использовали для того, чтобы рассказать о бойцах, отличившихся в атаке. Вместе с парторгом и комсоргом роты мы направили внимание коммунистов и комсомольцев на усиление работы с молодыми красноармейцами, в первую очередь с теми, кто проявил медлительность, вялость в атаке.

Отдыхать роте после обеда не пришлось. На улицах Гуциско рвались вражеские снаряды. Артиллерия противника сосредоточила огонь по восточной окраине села, пытаясь задержать продвижение наших подразделений. С командиром роты мы приняли меры предосторожности, чтобы не допустить лишних потерь. Используя средства маскировки, 4-я рота все ближе подходила к восточной окраине села Певель-Вельки. Сюда же двигалась 6-я рота. Когда они достигли намеченного рубежа, 2-й батальон начал готовиться к атаке, чтобы овладеть населенным пунктом Певель-Вельки. Успех атаки во многом зависел от инициативных действий 6-й стрелковой роты лейтенанта Турбина. Местность, где предстояло наступать, была благоприятной для нее — к речке тянулось несколько оврагов,

заросших кустарником. Ночью по этим оврагам рота могла скрытно подобраться к Певель-Вельки для нанесения внезапного удара по западной окраине села. Встретившись с Турбиным, я обменялся с ним мнениями о том, как лучше подготовить ночную атаку. Турбин согласился, что необходимо использовать преимущества местности, чтобы обеспечить скрытность сосредоточения личного состава для атаки.

Наступление началось перед рассветом. Время от времени немецкая артиллерия обстреливала подступы к селу. Позже я узнал от Турбина, как развивались события на участке его роты. Пройдя примерно километр без потерь, рота вышла к юго-западной окраине Певель-Вельки. Наши бойцы пока не сделали ни одного выстрела. Рота дважды пересекла окопы вражеской обороны. Противника в них не оказалось. Бой шел на восточной окраине села. Значит, свои главные силы гитлеровцы оттянули оттуда.

Турбин ускорил продвижение роты. Но вдруг из дома, что стоял недалеко от юго-западной окраины деревни, выбежали три немецких солдата. Один из них что-то крикнул. Турбин выпустил по гитлеровцам длинную очередь из автомата и вбежал на крыльцо. В доме он застал немецкого офицера. Подоспел М. С. Князев. Он доложил, что из соседнего дома стреляет немецкий пулемет. Турбин, приказав пленному следовать за ним, вышел с Князевым на перекресток. Князев показал дом, из подвала которого вел огонь немецкий пулемет. К Турбину подбежал замполит батальона Лихолат.

— Вот вы где! — начал Лихолат. — Батальон прижат к земле, люди голов не могут поднять. Вражеский пулемет бьет прямо по дороге, а вы с пленным возитесь…

Князев заверил, что он с двумя бойцами расправится с немецким пулеметом. Турбин принял решение: отвлечь на свою роту огонь немцев и тем самым обеспечить продвижение батальона.

Когда 6-я рота начала перестрелку, Князев с двумя красноармейцами пополз к подвалу дома. Рядом со старшим сержантом полз Михаил Текза, молодой паренек, недавно прибывший в полк с пополнением из Закарпатья. Преодолев забор, Текза открыл калитку в сад, подал сигнал Князеву и его напарнику идти в калитку, а сам пополз к дому, приготовив гранату. Дальше все произошло молниеносно. Князев открыл калитку, вошел в сад. В это время Михаил Текза крикнул: «Берегись!», и тотчас же сухой треск автоматного выстрела и взрыв гранаты слились воедино. Впереди Князева встал во весь рост Михаил Текза. Встал на мгновение и сразу упал — рана была

смертельная. Князев бросился к окну дома, метнул в подвал гранаты. С вражеским пулеметом и его расчетом было покончено.

Лейтенант Турбин в этом бою был ранен, чудом остался в живых. Узнал я об этом лишь через три десятилетия из письма Митрофана Сергеевича Князева, проживающего ныне в Ужгороде.

Уже дописывая эту книгу, я еще раз вернулся к весне 1945 года, к боям за польский город Живец, чтобы дополнить рассказ о мужественном лейтенанте коммунисте Турбине новыми подробностями, о которых сообщил мне верный друг Василия Михайловича гвардеец Князев. Вот что он написал:

«Юго-восточная окраина польского города Живеца. Большинство кирпичных зданий гитлеровцы приспособили здесь под огневые точки. 6-й роте лейтенанта Турбина приказано очистить эти здания от врага. Задача очень трудная. Гитлеровцы упорно сопротивляются. Немецкие офицеры, как мы узнали позже от пленных, жестоко карали отступавших и спаивали тех, кого посылали в бой. Упорный бой шел за каждый дом.

Гитлеровцы предпринимали одну контратаку за другой. Турбин, имея малочисленную роту, все время переползал с фланга на фланг, быстро оценивал обстановку и ставил задачи красноармейцам и сержантам, заменившим командиров взводов (к середине дня в роте не осталось ни одного взводного), подбадривал бойцов, вместе с ними отбивал контратаки. К полудню мы успели продвинуться по жилому массиву еще метров на 150. Гитлеровцы приблизили самоходку, она начала обстреливать нас. Одним снарядом убило нашего станкача, а второй номер пулеметного расчета был ранен. Пулемет умолк. Гитлеровцы воспользовались этим, пошли в контратаку, чтобы отвоевать у нас кирпичный дом.

С тремя бойцами я поднялся на чердак другого дома, оттуда мы открыли огонь по контратакующим гитлеровцам и по их самоходке. Фашисты начали убегать от дома, попав под наши пули. Но поднялась другая группа гитлеровцев, она рвалась к каменному сараю. А наш пулемет все еще молчал. Я видел, как под градом пуль Вася Турбин (так его называли в роте за глаза, а в глаза — «товарищ лейтенант», по субординации) бросился к пулемету. Он бережно снял повисшего на щите убитого пулеметчика и в упор начал расстреливать подбегавших гитлеровцев. Мало кто из них ушел живым, а было их человек тридцать. Вокруг Турбина рвались снаряды, вблизи падали мины, но все обошлось благополучно — лейтенант уцелел. Однако он не заметил опасности — позади притаились два гитлеровца, они проскочили туда во время контратаки и потом укрылись от пуль и снарядов. А когда все утихло, гитлеровцы поползли назад, к

своим. Я их увидел, срезал одного выстрелом, а второй успел подползти к Турбину. Лейтенант повернулся и пристрелил фашиста. К лейтенанту подбежали два наших бойца — я назначил их первым и вторым номерами пулеметного расчета. Они хорошо знали пулемет системы Горюнова. Примерно через пять минут Вася Турбин пришел ко мне (в том доме, на чердаке, находился ротный КНП) и сказал, что ранен. Он оставил меня за ротного, а сам пошел в медпункт. Ему сделали перевязку плеча. Лейтенант хотел вернуться в роту. Но я его больше не видел: случилось так, что при блокировании дома, где сидел на чердаке немецкий снайпер, я получил тяжелое ранение. Но я успел подстрелить снайпера. Вместе с двумя красноармейцами я ворвался в подвальное помещение блокированного дома. Там мы захватили в плен 16 гитлеровцев. Под охраной наших ходячих раненых я отправил пленных на НП нашего полка. А тут и Вы пришли к нам, Василий Максимович, и организовали мою срочную эвакуацию», — заканчивает свое письмо Митрофан Сергеевич Князев.

Да, я помню этот эпизод. Князева мы отправили в госпиталь. В 6-ю роту он не вернулся. А Василий Михайлович после перевязки вернулся и с ротой прошел почти до Моравска Остравы. 16 апреля 1945 года он погиб в бою за высоту 259,3, близ польского села Гожице, отбиваясь с ротой от немецких танков. Погиб как герой. Ночью, когда его тело выносили, многие его друзья не могли сдержать скупых солдатских слез. Лейтенанта Васю Турбина в роте любили за храбрость, боевое мастерство, несгибаемую командирскую волю, отзывчивость и чуткость.

6-я рота продвинулась вперед, достигла намеченного рубежа. В бою за Певель-Вельки она уничтожила до 20 гитлеровцев, захватила в плен 8 солдат и офицеров. Всего в Гуциско и Певель-Вельки противник потерял свыше 100 человек убитыми, 13 пленными. Наш полк захватил 7 вражеских пулеметов, много винтовок, автоматов.

4 февраля полк с боем продвигался к новому рубежу — к деревне Пехове. 1-й батальон по горным тропам совершал фланговый марш справа. Ему была поставлена задача — обойти передний край вражеской обороны, зайти в тыл противнику на шоссе Гуциско — Живец. По нашим соображениям, такой маневр мог принудить гитлеровцев к отступлению. Через сутки 1-й батальон занял село Мутне и перекрыл шоссе. Смелые, инициативные действия комбата Василия Евгеньевича Юркова были отмечены высокой наградой — орденом Александра

Невского. Боевые награды заслужили многие его подчиненные.

Полк продолжал наступление. Батальон Ф. Г. Лукова, усиленный самоходной батареей, продвигаясь к Пехове, встретил упорное сопротивление противника. Батарея самоходок действовала нерешительно. Луков не без основания нервничал. Свою неудовлетворенность пассивностью самоходок он высказал командиру батареи капитану В. Н. Черкашину. Капитан повел себя высокомерно, оскорбил командира батальона. А потом, чтобы как-то замести следы, снять с себя вину, пожаловался на наших командиров армейскому начальству. Последовало распоряжение: расследовать, кто виноват. Для расследования прибыл инструктор политотдела дивизии майор Н. И. Войнилович.

Хочу подчеркнуть, что не подобного рода конфликты характеризовали отношения стрелков с артиллеристами. Воевали мы дружно. И не стал бы я рассказывать о конфликте между Черкашиным и Луковым, если бы не считал полезным рассказать о честном, справедливом и принципиальном человеке — Николае Игнатьевиче Войниловиче.

Объективное расследование показало, что капитан Черкашин из полка самоходных артиллерийских установок неправ и заслуживает наказания. Один из начальников вышестоящего штаба попробовал воздействовать на Войниловича, склонял его к тому, чтобы обелить Черкашина. Но Николай Игнатьевич не изменил своего мнения, не поступился принципиальностью. Нам нравилась его справедливость и принципиальность, которую кое-кто ошибочно считал упрямством.

Н. И. Войнилович познакомился с Ф. Г. Луковым еще на Керченском полуострове. Об этом рассказал мне сам Луков:

— Перед назначением на должность командира стрелковой роты меня вызвали на беседу. В комиссии состоял и Николай Игнатьевич Войнилович. Одному из членов комиссии не понравилось, что я служил интендантом и училище окончил не строевое, а интендантское. Войнилович взял мое личное дело, прочитал характеристики и неожиданно спросил: «Скажите, товарищ Луков, что вы будете делать, если на вашу роту пойдет… ну, скажем, десять вражеских танков?» Я сначала растерялся, потом спросил: «А что бы вы в этом случае сделали?»

Присутствующие рассмеялись. Улыбнулся и тот член комиссии, который был настроен против выдвижения меня на должность строевого командира. Он сказал, что бы я не прикрывался бодреньким ответом, а честно признался, что десять танков против одной роты — это отчаянно трудное положение, настолько трудное, что не знаешь, что и делать.

Беседа закончилась. На следующий день я получил назначение на должность командира стрелковой роты. В этом положительную роль сыграло мнение Николая Игнатьевича Войниловича.

Николая Игнатьевича я знал как человека крепкой партийной закалки. В партию большевиков он вступил перед Октябрьской революцией. Гражданскую войну закончил военкомом полка. После завершения учебы в Свердловке (так называли комвуз имени Я. М. Свердлова в Москве) Николай Игнатьевич работал в пропагандистской группе ЦК ВКП(б), а через некоторое время его выдвинули на руководящую профсоюзную работу.

Отличительные черты Войниловича — скромность, простота, чуткость к людям. Его доклады, лекции и беседы всегда были идейно насыщенными, интересными, яркими по форме. Он обладал даром увлекать слушателей душевным словом, глубокими размышлениями над сложными вопросами. Красноармейцы и командиры, слушая выступления пропагандиста Войниловича, восхищались его откровенностью, прямотой, логичностью и глубиной мысли. Когда в нашем полку появлялся этот человек, к нему, словно к магниту, тянулись красноармейцы, чтобы поделиться своими думами, получить ответы на острые вопросы.

Я видел Н. И. Войниловича и в личных, житейских делах. Думаю, не ошибусь, если скажу: жил он по-спартански, отказывал себе во многом. «Чудак человек» — так говорили о нем люди, близко соприкасавшиеся с ним. Мне же казалось, что в этом «чудаке», словно сотканном из противоречий, таятся твердая воля, доброта и органическая неприязнь ко всему, что чуждо его душе. Вспоминается такой эпизод. Однажды комсоставу нашей дивизии выдавали шинели из английского зеленого сукна. Николай Игнатьевич наотрез отказался брать шинель:

— Мне не нужен «подарок» английской королевы. До Берлина постараюсь дойти в своей, русской солдатской шинели.

— Что же, и нам отказаться от «королевской» шинели? — спрашивали друзья Николая Игнатьевича.

— Зачем же, носите. Я же придерживаюсь своей старой привычки — не доверять королевам.

Была еще одна привычка у Войниловича: он не употреблял спиртного, но, находясь в дружной фронтовой компании, любил угощать товарищей. В один из весенних дней сорок четвертого, когда дивизия после тяжелых боев находилась на отдыхе, комдив генерал Колдубов вручил группе красноармейцев и командиров ордена и медали. Затем награжденных пригласили на товарищеский обед. Войнилович успел сбегать к военторговцам,

достал водки. Во время обеда обошел награжденных, разлил в их кружки горькую, а свою кружку наполнил водой…

Подружившись с Николаем Игнатьевичем, деля с ним тяготы и радости фронтовой жизни, я открыл в нем для себя то, чего раньше почему-то не замечал, — и дарование, и разумное «чудачество», и особенности характера. Мы с ним всегда были настроены «на одну волну». Ни в чем друг от друга не таились. У нас все было начистоту, без недомолвок. Мне нравилось, как он умел устанавливать с красноармейцами и старшими товарищами душевные контакты. Он никогда не переступал разумную грань, не становился с людьми запанибрата, но и не прокладывал водораздел отчужденности, умел создавать атмосферу доброжелательности, искренности, взаимного доверия. Я всегда только добром вспоминаю Н. И. Войниловича, которому во многом обязаны воины нашего полка своим становлением.

Мои размышления о Николае Игнатьевиче прервал сигнал тревоги. Полк пришел в движение.

Наступление на деревню Пехове, превращенную гитлеровцами в опорный пункт, мы начали на рассвете. Рота Турбина сразу же взяла высокий темп продвижения. 4-я же рота, наступавшая правее, не смогла ускорить движения — мешал немецкий пулемет, стрелявший по атакующей цепи. Комбат Луков приказал командиру самоходного орудия подавить огневую точку. После того как пулемет замолчал, 6-я рота устремилась вперед. Преодолев лесной ручей, она ворвалась в траншеи гитлеровцев, пустившихся в бегство. Преследуя их, рота стала подниматься на косогор, с него открывалось село Пехове. Пулеметчик Радченко, заняв выгодную позицию, открыл по отступающим гитлеровцам огонь. Они откатились дальше на запад.

Первым в деревню Пехове ворвался взвод старшего сержанта коммуниста Князева. Поддерживаемая самоходным орудием и пулеметом Радченко, 4-я рота под командованием Юрия Чуйского (он заменил раненого командира роты) стремительно двигалась к Пехове на помощь взводу Князева. Впереди бежали Юрий Чуйский, его связной красноармеец Лаптев, рядом — бойцы Нурутдинов и Семенюк. Недалеко от опушки леса Чуйский, Нурутдинов и Семенюк пустили в ход гранаты. Уцелевшие гитлеровцы отбивались тоже гранатами. Раздались сильные взрывы, а через минуту-полторы гитлеровцы скрылись во второй линии траншей. Опушка леса была усеяна трупами немецких солдат. Недалеко от толстого дерева, сраженный осколками гранат, лежал Юрий Чуйский, а левее его — Нурутдинов и Семенюк.

А бой продолжался.

В этот день 2-й батальон все же не смог занять опорный пункт Пехове — противник подтянул сюда сильное подкрепление.

Ночью пришлось предоставить отдых бойцам. Ко мне пришел комсорг полка Хорошавин. Мы заговорили о Юрии Чуйском. Михаил Хорошавин любил Чуйского и очень тяжело переживал его гибель.

— У этого храброго человека в юношеской груди билось большое сердце, — говорил мне Хорошавин. — Он умел и любить, и ненавидеть… Щедрое сердце было у Юры.

— Да, это так, — ответил я. — Щедрое сердце и чистая совесть вели вперед этого бесстрашного, отчаянного юношу.

Раскрыв полевую сумку, я достал листовку, написанную мной за день до гибели Чуйского. Тогда он командовал взводом. Листовку я передал Хорошавину, попросив его сохранить ее. Со временем листовка вернулась ко мне: Хорошавина перевели в другую воинскую часть, уезжая, он тепло простился со мной и передал листовку. Она сохранилась у меня. Вот ее текст:

«СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ! РАВНЯЙТЕСЬ НА ЮРИЯ ЧУЙСКОГО!

Знаете ли вы гвардии красноармейца Чуйского? Если не знаете, расскажем о нем. Юрий недавно прибыл на фронт. Чистая совесть, горячее комсомольское сердце, ненависть к врагу помогли ему, молодому пареньку, обрести выносливость, смелость и отвагу. Юрий отлично владеет оружием, знает коварные повадки гитлеровцев, умеет разить их насмерть.

В бою за опорный пункт Любань красноармеец Чуйский первым ворвался в село, дерзкими, инициативными действиями увлекая на разгром врага своих товарищей. При штурме населенного пункта Гуциско комсомолец Чуйский возглавил взвод, командир которого был тяжело ранен. Показывая образец храбрости, Юрий повел взвод в решительную атаку. Она увенчалась успехом — село было очищено от оккупантов.

Командование полка представило Юрия Яковлевича Чуйского к правительственной награде.

Слава герою! Берите пример с Юрия Чуйского — славного сына нашей Родины!

Шульга

Малкин

4.2.1945 г.»

Ночью мы получили приказ: 6 февраля передать свой полковой рубеж другой дивизии, совершить обходный маневр и сосредоточиться в районе населенного пункта Спориша, юго-

восточнее города Живеца.

Двигаться нашим подразделениям пришлось по горным тропам. Нелегко было и артиллеристам, и минометчикам, и тыловикам. Но люди не роптали. Партийные и комсомольские организации помогли командирам хорошо организовать товарищескую взаимопомощь на марше. Пехотинцы помогали перетаскивать застрявшие орудия, отставшим красноармейцам оказывали помощь более выносливые товарищи.

Полк достиг района Спориша в намеченный срок. Здесь мы произвели разбор предыдущих боев, обобщили опыт партполитработы.

Анализируя упорные бои в районе железнодорожной станции Гуциско, командир полка Шульга отметил, что он удовлетворен той большой работой, которую провели партполитаппарат полка, партийные и комсомольские организации подразделений. Эта работа строилась в соответствии с боевыми задачами, которые выполнял полк. По его мнению, в полку были хорошо расставлены партийные и комсомольские силы. В период подготовки боя и во время его ведения три из четырех полковых политработников находились во 2-м батальоне, наносившем главный удар по гарнизону в Гуциско. Парторг полка работал в 1-м батальоне, совершавшем обходный маневр в ходе наступления. Перед атакой Гуциско я перешел на полковой наблюдательный пункт. Находясь рядом с командиром полка, я был в курсе всех приказаний и распоряжений, которые он отдавал батальонам и батареям. Это позволяло мне целеустремленно направлять партполитработу в подразделениях, подчинять ее выполнению конкретных боевых задач. В ходе боя возникало немало острых ситуаций, и требовалось быстро реагировать на них, принимать практические меры по преодолению возникавших трудностей.

Сошлюсь на такой пример. В районе Гуциско батальон Лукова подходил к третьей линии траншей и окопов противника. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Они подтянули резервы, усилили артиллерийский и минометный огонь. Нашему батальону пришлось отражать яростные контратаки, он нес большие потери. Мы с М. Г. Шульгой почувствовали, что Луков нуждается в незамедлительной поддержке. Я сказал Михаилу Герасимовичу, что сумею под огнем противника добраться до батальона Лукова. Он одобрил мое предложение. Не теряя ни минуты, я где ползком, а где перебежками преодолел простреливаемое гитлеровцами пространство и вскоре оказался на НП комбата. Вместе с ним и замполитом батальона мы направили на решающие боевые участки коммунистов, более четко организовали взаимодействие между взводами и ротами,

полнее использовали огневую мощь пулеметов и минометов. По цепи, от красноармейца к красноармейцу, пошли боевые листки-молнии с призывом: «Ни шагу назад! Только вперед и вперед!» Коммунисты Турбин, Князев, комсомольцы Чуйский, Нурутдинов, Семенюк и другие, находясь в первых рядах атакующих, личным примером отваги увлекали бойцов за собой. Батальон не дрогнул под ураганным огнем противника, метр за метром продвигался вперед. Поставленную перед ним задачу он выполнил, хотя и с большим напряжением физических и моральных сил.

Возвратившись на полковой НП, я поделился с М. Г. Шульгой своими впечатлениями о замечательных людях батальона Лукова — настоящих героях боев. Михаил Герасимович сказал, что были телефонные звонки из штаба дивизии и политотдела. Я понял: там ждут нашего донесения о ходе боя за Гуциско. Вместе с донесением мы послали и наградные листы на тех, кто наиболее отличился в атаках и при отражении контратак.

Должен сказать, что у замполита полка неотложных дел по горло и перед атакой, и в ходе ее, и после нее. Надо подготовить информацию и донесения в политотдел дивизии, надо и в тыловых подразделениях побывать. И самое главное — не прерывать живой связи с партийными и комсомольскими организациями, их активистами, постоянно держать руку на пульсе меняющейся фронтовой обстановки. Требуются исключительная собранность, организованность, умение сосредоточить внимание на основных вопросах. Если же будешь распылять свои силы, разменяться по мелочам, то непременно окажешься в хвосте событий.

Обобщая опыт партполитработы в ходе боев за Гуциско, я внимательно выслушал полкового агитатора капитана А. М. Одякова, комсорга М. А. Хорошавина и замполитов батальонов. Вот что они мне рассказали. Перед атакой Одяков находился в 5-й роте, а в начале атаки перешел на КНП 2-го батальона. С КНП он дважды связывался со мной, информируя о положении дел в батальоне.

В ходе наступления Одяков был вместе с красноармейцами, беседовал с ними, воодушевлял их партийным словом и личным примером. Своими глазами капитан видел, как пулеметчики Пивторак и Свищук, выдвинувшись вперед, меткими очередями косили гитлеровцев, уничтожили огневую точку противника. Смело действовал в бою красноармеец автоматчик Колмаков. В напряженные минуты атаки стремительным рывком он ворвался в траншею противника и выстрелами в упор сразил четырех гитлеровцев. Колмаков был ранен, но продолжал сражаться. Только вечером, когда бой затих, он пошел в медпункт.

А. М. Одяков связался с полковым НП, проинформировал меня о подвигах Пивторака, Свищука, Колмакова и других воинов. Я доложил Шульге. Вскоре мы сообщили в 5-ю роту: за мужество, проявленное в атаке, Пивторак, Свищук и Колмаков представлены к правительственным наградам и удостоены благодарности командира полка. Капитан Одяков написал листовки, в которых в живой и лаконичной форме рассказал о подвигах бойцов 5-й роты. Текст листовок был размножен и передан во все взводы и отделения. Доброе слово о доблести гвардейцев воодушевляло красноармейцев на подвиги.

В бою за опорный пункт Гуциско погибло и было тяжело ранено несколько взводных агитаторов. Одяков вместе с замполитом батальона Лихолатом подобрал из числа коммунистов и комсомольцев новых агитаторов, проинструктировал их, помог им в подготовке беседы на тему «Боевое товарищество умножает силы гвардейцев».

Я привел только некоторые примеры, иллюстрирующие работу полкового агитатора в период боя за Гуциско. Они показывают, что он стремился быть в курсе событий, которые развивались во 2-м батальоне перед атакой и в ходе наступления.

Целеустремленно работал и комсорг полка Михаил Хорошавин. Перед атакой Гуциско он находился среди комсомольцев 4-й роты. Когда атака началась, он был рядом с командиром роты. На окраине Гуциско немецкие пулеметы и минометы усилили огонь, рота залегла на заснеженном поле и несла потери. В эти критические минуты Хорошавин выдвинулся в цепь к стрелкам. Полковая артиллерия ударила по огневым точкам противника. Вслед за артналетом Хорошавин поднялся во весь рост и увлек за собой бойцов. Рота выполнила поставленную задачу.

Если позволяла обстановка, командиры, политработники зачитывали благодарственные письма перед строем роты, батареи или взвода. Такую возможность предоставляли перерывы между боями. К сожалению, перерывов было очень мало. Чаще всего приходилось текст благодарственных писем помещать в листках-молниях.

Обобщив опыт партполитработы в период боев за деревню и станцию Гуциско, а также за населенный пункт Певель-Вельки, я поделился впечатлениями с парторгом, агитатором, комсоргом полка и замполитами батальонов, выслушал их советы и пожелания. Мысли, высказанные товарищами, были проникнуты заботой о повышении оперативности и качества работы с молодыми парторгами и комсоргами подразделений, об усилении внимания штурмовым группам, о повышении бдительности,

обеспечении более тесного взаимодействия между пехотинцами, артиллеристами и минометчиками.

После овладения станцией Гуциско нашему полку вместе с другими частями дивизии предстояло вести боя за овладение крупным узлом сопротивления противника — городом Живецом. Командование дивизии информировало нас, что этот узел обороняют 320-я и 253-я пехотные дивизии и другие части 17-й немецкой армии. Их хорошо подготовленные оборонительные позиции располагались на господствующих высотах. На подступах к городу и в самом городе каменные дома и заводские строения были приспособлены под долговременные огневые точки. Учитывая это, политработники, партийные и комсомольские организации особое внимание уделяли пропаганде опыта штурмовых групп, накопленного в предыдущих боях, особенно в районах Любани, Тенчина, Гуциско. Мы позаботились о том, чтобы в новых штурмовых группах создать крепкое партийно-комсомольское ядро. Эти группы формировались для захвата опорных пунктов Споришь, Живец Стар (так называлась северо-восточная часть города Живец), Господский двор (юго-восточная окраина Живеца). Этими опорными пунктами гитлеровцы прикрывались к востоку от Живеца.

Забегая вперед, скажу, что в ожесточенных боях, которые 7—21 февраля развернулись на живецком направлении, коммунисты и комсомольцы в штурмовых группах сыграли решающую роль. Действуя на самых опасных участках, они показали образцы отваги, инициативы, продемонстрировали высокое боевое мастерство. Равняясь на коммунистов и комсомольцев, личный состав полка сумел сокрушить оборону немецкого пехотного батальона, усиленного двумя дивизионами артиллерии и минометов. При этом следует подчеркнуть, что наши роты и батареи перед началом атаки Спориша, Господского двора и Живец Стар располагали лишь одной третью штатной численности личного состава: к нам тогда еще не подошло пополнение, чтобы восполнить потери, понесенные полком в предыдущих боях.

Действия нашего 327-го полка в боях за овладение опорным пунктом Живец Стар высоко оценил бывший командующий 1-й гвардейской армией генерал-полковник (ныне Маршал Советского Союза) А. А. Гречко. В своей книге «Через Карпаты» он, в частности, пишет: «Перед частями 128-й гвардейской горнострелковой дивизии была поставлена задача в первую очередь овладеть Живец Стар. Командир дивизии генерал-майор М. И. Колдубов решил овладеть Живец Стар внезапной атакой силами 327-го гвардейского горнострелкового полка.

Полк, сосредоточенный в Задзеле, в ночь на 19 февраля занял исходное положение для атаки в 150–200 метрах от северной окраины Живец Стар.

Особенно тщательно было отработано взаимодействие с артиллерией, и в частности с орудиями прямой наводки, огневые позиции которых находились в 200–600 метрах от переднего края. В период подготовки к бою наблюдением и всеми видами разведки были засечены вражеские огневые точки, а цели распределены между орудиями прямой наводки.

Атака Живец Стар была начата 19 февраля в 18 часов, с наступлением темноты. Благодаря тщательной подготовке и скрытности действий удар оказался совершенно неожиданным для противника. В течение нескольких минут подразделения 327-го гвардейского горнострелкового полка ворвались на северную окраину Живец Стар и очистили его от врага.

Опомнившись от удара, гитлеровцы начали контратаковать и заняли часть Живец Стар. Отбив за ночь 16 контратак, полк с рассветом 20 февраля возобновил бой. Умело используя огонь двенадцати орудий прямой наводки, бойцы подбирались к каждому зданию, уничтожали огневые точки и гарнизон врага и закрепляли дом за собой, устанавливая ручной или станковый пулемет. К середине дня 20 февраля Живец Стар был полностью очищен от противника».

В ходе боев за Живец нам стало известно, что в одной из частей нашей армии некоторые бойцы и командиры отравились немецкими трофейными продуктами. Гитлеровцы, отступая, преднамеренно оставили склады с этими продуктами, зараженными специальными ядохимикатами. Мы, политработники, провели беседы, предупредили наших бойцов, что необходимо быть осторожными и бдительными. Ветераны полка рассказывали молодым воинам, что фашистские оккупанты еще при отступлении с Кубани, Тамани и Крымского полуострова применяли всякого рода «сюрпризы» — отравляли колодцы, минировали двери домов, кухонную посуду, музыкальные инструменты.

Под Живецом наши воины увидели следы расправы фашистских оккупантов над жителями польской горной деревушки — более десяти семейств было расстреляно за сочувствие Красной Армии. Ветераны полка Луков, Нечесов, Гришин, рассказывая бойцам об этом злодеянии фашистов, подчеркивали, что и на земле нашего Крыма они были очевидцами жестокого насилия оккупантов. В районе Старого Крыма только за один день фашисты зверски расстреляли более 500 детей, женщин, стариков. «Вина» убитых состояла лишь в

том, что они были советскими гражданами.

Ненависть к фашистам звала к справедливому возмездию. Но наши воины не поддавались чувству слепой, безрассудной мести. Воспитанные в духе гуманности, они не позволяли себе мерить всех немцев одним аршином. Вспоминаю такой случай.

На юго-восточной окраине Живеца красноармейцы вынесли с поля боя тяжело раненного немецкого солдата. Ему была оказана медицинская помощь. Придя в себя, солдат сначала не поверил, что советский военный врач, спасая его жизнь, сделал сложную операцию. А когда рана начала заживать, солдат прозрел. Убедившись в гуманности, проявленной по отношению к нему, он разоткровенничался. В беседе со мной пленный поведал о таком факте. В ночь на 19 февраля в Живеце немецкий ефрейтор притащил на плечах в землянку командира пехотной роты раненого красноармейца. На его ногах и левой щеке кровоточили раны. Взглянув прищуренным глазом на раненого, офицер произнес лишь одну фразу: «Расстрелять! Нечего возиться с раненым: рейху нужны только здоровые русские пленные».

Слушая рассказ пленного солдата, я невольно думал: до какой же степени одичания дошли немецкие офицеры, растоптавшие элементарные нормы международного права, человеческой гуманности.

Под Живецом на поле боя нам приходилось встречаться с пьяными гитлеровцами. Пленный немецкий солдат рассказал, что перед боем офицеры приказали выдать каждому столько водки, сколько он пожелает, а потом всех бросили в контратаку. На высоте Безымянной наш 1-й батальон разгромил до трех вражеских рот. Позже выяснилось, что гитлеровцы перепились, шли в контратаку в невменяемом состоянии. Это был далеко не единичный случай. Мы все более убеждались, что немецко-фашистское командование не дорожит жизнью своих солдат. Оно превращало их в слепых роботов, гнало в бой под угрозой расстрела, под воздействием алкогольных и наркотических средств, лишь бы удержать под фашистским сапогом польскую и чехословацкую землю.

В лице гитлеровских оккупантов польские и чехословацкие люди видели насильников, грабителей, убийц, душителей свободы, а в лице советских воинов — своих верных друзей, освободителей, представителей самой справедливой и самой гуманной армии в мире. Хорошо помню, с каким восхищением польские крестьяне многих деревень наблюдали, как красноармейцы строили новые мосты, ремонтировали дороги, помогали местным жителям спасать их дома, подожженные гитлеровцами при отступлении. Фашисты разрушали, жгли, а

красноармейцы восстанавливали.

Чувство гуманности, бережного, уважительного отношения к людям, природе, ее красоте и богатствам наши воины проявляли в самых различных формах. Я видел, как красноармейцы помогали польским крестьянам восстанавливать мосты, ремонтировать школы, жилые дома, спасать лошадей на лугу, заминированном фашистами при отступлении. На польской территории, в лесу, красноармеец Назарбаев подобрал беспризорного ишака. Мы опросили жителей окрестных сел, разыскивали его хозяина. Никто не отозвался. Польские крестьяне подарили ишака Назарбаеву. С моего разрешения он принял его и ухаживал за ним с любовью. Однажды я зашел в медицинский пункт. Он располагался на юго-восточной окраине Живеца. Старший фельдшер медсанроты полка лейтенант медицинской службы Любовь Еськина, миловидная женщина лет 25, перевязывала раненого красноармейца. Пятерым бойцам она уже сделала перевязку. Медсанрота находилась в большом двухэтажном здании. Пункт медпомощи занимал весь первый этаж. Дверь самой большой комнаты выходила прямо на улицу. Немецкий снаряд разворотил западный угол дома. Когда я ступил на порог боковой комнаты, взору предстал ишак, мирно жевавший сено.

— Товарищ гвардии майор, — пояснил Базарбаев, — нам уже не на чем вывозить раненых. Сюда не подъедешь на машине, да и на лошадях тоже. А на ишаке… Мы только так и вывозим. В любое время дня и ночи.

С Базарбаевым вторично я встретился на узкой горной дороге. Его ишак тянул повозку с ранеными по направлению к медсанбату. Но медсанбат переместился в другой район, и Базарбаев искал его.

Наша дивизия по дорогам войны проходила со своим знаком, присвоенным ей, — красным треугольником, нарисованным на всех автомашинах, повозках и придорожных указателях, где она проходила. Красный треугольник дивизия оставляла и на фасадах зданий городов и сел, где располагалась после их освобождения. И вот Базарбаев искал красные треугольники, чтобы по ним определить местонахождение медсанбата. Разыскав медсанбат, он сдал дежурному врачу раненых и со своим любимцем — вездесущим и выносливым ишаком, повозкой и карабином возвратился в роту.

Разговорившись с Базарбаевым, я узнал, что он с детства любит животных. И вот здесь, на фронте, эта любовь проявилась с особой силой. Он берег ишака, укрывал его во время артобстрелов, делился с ним куском хлеба и сахара. И в этом

тоже проявилась благородная черта его характера — гуманизм.

Прошли десятилетия с тех пор, а красный треугольник перед моим мысленным взором по-прежнему ярко сияет в словацких и польских городах и селах, лесах и горах, омытых кровью советских воинов-освободителей.

Красный треугольник… Разве можно забыть его? Нет, никогда! По нему, красному треугольнику, мы, гвардейцы-севастопольцы без труда узнавали друг друга на встречах ветеранов полка и дивизии. Одна из памятных встреч состоялась весной 1969 года в Севастополе. Тогда отмечалось 25-летие освобождения города от немецко-фашистских захватчиков. На торжество пригласили и нас, воинов-ветеранов 128-й гвардейской дивизии, в том числе и ветеранов 327-го Севастопольского ордена Богдана Хмельницкого горнострелкового полка. В конце праздника нам вручили памятный значок — красный треугольник, который булавкой мы прикололи к кителям на правой стороне груди. По этому значку мы быстро узнавали друг друга на севастопольской встрече.

Нити крепкой дружбы связывали наших фронтовиков-гвардейцев. У нас в полку, как я уже говорил, служили и девушки, женщины. Многие из них навсегда связали свою личную судьбу с нашими однополчанами. Расскажу о фронтовой дружбе Любови Лукьяновны Еськиной с начальником артиллерии полка майором Анатолием Васильевичем Румянцевым.

Однажды я застал Румянцева в полковом медицинском пункте. По долгу службы он проверял состояние карабинов у санитаров. Обнаружил ржавчину на некоторых карабинах. Стал сурово выговаривать Еськиной:

— Когда наведете порядок? Почему ваши подчиненные не чистят оружие?

О состоянии оружия в медпункте Румянцев доложил Шульге. Тот объявил Еськиной выговор. После этого инцидента Румянцев использовал любой повод, чтобы встретиться и объясниться с Еськиной. То на боль в груди пожалуется, то шутку подпустит.

Во время атаки Живец Стар один из красноармейцев доложил Румянцеву:

— Медиков окружают гитлеровцы.

— Люба там, раненые — надо выручать… — Румянцев без промедления с группой автоматчиков ринулся на юго-восточную окраину деревни, в крайнем домике которой располагался полковой пункт медпомощи. Добрались туда быстро. Автоматчики, оцепив дом, взяли его под охрану, а Румянцев пулей ворвался в комнату:

— Люба, быстро собирайся, иначе в плен попадешь.

Люба в это время пекла блины. Румянцеву ответила:

— Сколько помню себя в полку — ты меня разыгрываешь. На этот раз не проведешь. На, попробуй блинов…

И подала тарелку с блинами.

Румянцев мгновенно схватил тарелку, строго предупредил:

— Немедленно сворачивай медпункт. Гитлеровцы угрожают окружением, они приближаются…

Люба побледнела, поверила. Взглянув на Анатолия, она сердито сказала:

— Вот шалопутный — надо жизнь раненых спасать, а он блинами наслаждается…

Пока Любовь Лукьяновна готовила к отправке первую группу раненых, на окраину села, где расположился медпункт, ворвались красноармейцы. Их контратаку поддержали автоматчики. Гитлеровцам не удалось окружить дом с нашими ранеными бойцами.

Историю с Любиными блинами долго вспоминали в полку.

Люба — девушка строгая, и постороннему глазу не просто было заметить, что отношения ее с Анатолием Румянцевым становились все нежнее. Как только закончилась война, они поженились. На свадьбе Люба испекла блины и подала их Анатолию, напомнив: «Не съел ты в Живец Стар блины, спасал меня, сердечный, от фрицев. Ешь теперь…»

После освобождения Живец Стар наш полк перевели в резерв. Мы принимали новое пополнение. Вводили его в строй. Организовали боевую и политическую подготовку личного состава. Подобрали и на семинарах обучали новых парторгов, комсоргов, агитаторов подразделений.

Партийная организация полка пополняла свои ряды за счет передовых воинов. За первые 10 дней февраля в члены и кандидаты партии было принято 8 человек. Коммунистами стали герои боев за Гуциско и Живец — командир роты В. М. Турбин и наш прославленный пулеметчик И. Д. Радченко, оба они удостоены ордена Красного Знамени.

Командиры и политработники позаботились о создании условий для отдыха личного состава подразделений.

Я побывал в 6-й роте. Ее парторг, он же старшина, Алексей Гришин на мой вопрос, как отдыхает рота, ответил:

— Отлично. Вчера смотрели новый фильм «В шесть часов вечера после войны».

— Какое впечатление?

— О, сколько было разговоров! По довоенной профессии я — киномеханик. И скажу откровенно, что за многие годы не припоминаю случая, чтобы кинозрители так оживленно и

заинтересованно обсуждали кинофильм, как это было вчера после просмотра. Полюбился, крепко полюбился этот фильм и красноармейцам, и командирам. Многие рассказали, как представляют себе возвращение в родные края после войны, уславливались друг с другом о встрече в шесть часов вечера…

Гришин попросил меня остаться на концерте ротной художественной самодеятельности. Состоялся он вечером, при свете коптилок, сделанных из артиллерийских гильз. Концерт начался выступлением гармониста красноармейца Даниленко. Он сидел на ящике от снарядов, медленно перебирал лады гармоники. И вот полилась русская песня «Ой, да ты калинушка». Вся рота дружно вторила гармонике.

Даниленко заиграл «барыню». В круг выскочили два бойца. Сначала они шли вразвалочку, а потом их движения становились все быстрее и быстрее. Под шутки и возгласы окружающих танцоры задорно, с огоньком исполнили танец.

Но вот кончилась пляска. На «сцене» занял место сержант Чайка со скрипкой — полилась нежная, чарующая музыка…

В 5-й роте в часы досуга я видел многих красноармейцев, склонившихся над книгой.

— Любят у нас в роте читать, — сказал мне старший сержант Николай Темный. — В полевой сумке гвардии младшего лейтенанта Михайленко всегда есть интересные книжки. В свободное время вокруг него грудятся бойцы, слушают, а Михайленко читает. Такой же страстный пропагандист книги и наш ротный парторг Мясниченко — его вещевой мешок хранит солидный запас книг.

— Какие книги в батальоне пользуются наибольшим спросом? — спросил я как-то у парторга батальона Нечесова.

— Читают разные. И о войне, и о любви, и о строителях Магнитки, Днепрогэса, Комсомольска-на-Амуре… На днях у меня произошел разговор с пожилым бойцом. «Вы мне, — говорит, — товарищ младший лейтенант, дайте прочитать такую книжку, чтобы она была с хорошим концом, а то все читаю такие — горе, горе, несчастье… А я и так натерпелся за свою жизнь горя да несчастья, и в войну его еще прибавилось, так что по горло им сыт. И хочется мне в книжках не о горе, а о счастье людей читать, их радостью радоваться».

— Ну и что же, — спрашиваю Нечесова, — нашел?

— Нет, признаться, пока не нашел.

— А ты вот дай ему про Чапая прочитать, — и я передал Нечесову книгу Фурманова. — Да скажи, что хоть Чапаев и погиб, но книжка хорошая, с хорошим концом — большой радостью для всего народа была победа Красной Армии над белогвардейцами и

интервентами.

Мы позаботились об ускорении доставки писем, газет, журналов в подразделения. Почтальонов красноармейцы и командиры ждали как самых больших друзей. Когда почтальон с полевой сумкой на плече проходил у землянок, траншей, шалашей, каждый старался зазвать его к себе, чем-либо угостить или просто сказать приятное слово.

Дни отдыха прибавляли сил и энергии воинам. Они настойчиво учились, готовились к новым боям. Нас радовали итоги январско-февральских сражений Красной Армии. В ее героических победах была значительная доля ратных подвигов воинов и нашего 4-го Украинского фронта. За эти два месяца по территории Польши и Чехословакии он продвинулся на запад от 175 до 225 километров. Преодолев б**о**льшую часть Карпат, войска фронта вышли в верхнее течение Вислы и завязали бои на подступах к Моравско-Остравскому промышленному району. На освобожденной 4-м Украинским фронтом территории Словакии и южных районов Польши проживало около 1 миллиона 400 тысяч человек. Избавившись от гитлеровской тирании, они с радостью вдохнули свежий воздух свободы.

Дороги войны вели нас все дальше и дальше на запад. И все явственнее чувствовалось — накал боев возрастает, победа приближается.

Глава 7
Снова в Чехословакии

Начало весны сорок пятого.

Бурное, незабываемое время. Настраиваясь на московские радиоволны, мы на чехословацкой земле узнаем новости: 1-й Украинский фронт успешно завершил Нижне-Силезскую наступательную операцию, продвинулся на запад более чем на 200 километров; 2-й Белорусский фронт во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом выполнял задачу по рассечению померанской группировки врага; 2-й Украинский фронт продолжает бои в Чехословакии западнее города Лученец; 3-й Украинский фронт отражает ожесточенные контратаки крупных сил пехоты и танков противника северо-восточнее озера Балатон в Венгрии… Труженики советского тыла шлют фронту новые танки, самолеты, пушки… В союзных и автономных республиках ширится кампания всенародной помощи семьям фронтовиков и инвалидам войны…

У нас в подразделениях продолжалась напряженная работа по укреплению оборонительных рубежей. Комдив М. И. Колдубов поставил перед полком задачу — закрепиться на участке, который тянулся от поймы реки Вислы (справа) до шоссейной дороги Ясеница — Цешин (слева). Передний край обороны проходил перед населенными пунктами Иловница, Рудзица, Лазы, прикрывавшими шоссейную дорогу на Моравска Остраву.

Тогда, в начале марта сорок пятого, я, как замполит полка, не знал (и не мог знать), как в штабах нашей 1-й гвардейской армии и 4-го Украинского фронта рождался замысел Моравско-Остравской наступательной операции. Об этом стало известно позже. Читателям, ознакомившимся с книгой нашего бывшего командарма, ныне Маршала Советского Союза А. А. Гречко «Через Карпаты», в частности с ее шестой главой (она включает в себя раздел «Моравско-Остравская операция»), известны те сложные условия, в которых готовились и развертывались бои за основной индустриальный центр Чехословакии, расположенный на территории холмистой Силезской низменности и с юго-востока ограниченный склонами Моравских и Высоких Бескид, а с запада — склонами Восточных Судет. Тем же читателям, которые недостаточно осведомлены о Моравско-Остравской операции, мне думается, уместно хотя бы кратко напомнить о ее цели. Это позволит яснее представить себе и те конкретные боевые задачи, которые решал наш полк в составе 128-й дивизии.

Еще 14 февраля 1945 года командование 4-го Украинского фронта, пишет в упомянутой книге Маршал Советского Союза А. А. Гречко, представило на рассмотрение Ставки Верховного Главнокомандования план Моравско-Остравской операции. Ее цель состояла в том, чтобы, нанося главный удар силами 38-й и 1-й гвардейской армий в общем направлении Фриштат, Мистэк, Оломоуц, разгромить противостоящего противника — 1-ю немецкую танковую армию, овладеть Моравска Остравой и выйти главными силами на рубеж Бениш (Бенешов), Оломоуц, Гулин. В последующем в случае успеха планировалось наступление на Пардубице и далее на Прагу. Выбранное направление наступления позволяло обойти с юга наиболее мощные оборонительные полосы, прикрывавшие Моравска Остраву с севера.

Бойцам и командирам полка мы разъясняли, что после Рура и Силезии единственной металлургической базой в руках Гитлера являлся Моравско-Остравский район. Вот почему немецкое командование создало здесь мощную армейскую группу «Хейнрици», усилив ее соединениями, снятыми с других фронтов, и строго потребовав от нее во что бы то ни стало удержать центральные промышленные районы Чехословакии, особенно Моравско-Остравский. Мы располагали разведывательными данными о том, что противник готовит фланговый контрудар по нашим частям и соединениям в районе между чехословацким городом Цешином и польским городом Бельско, сосредоточив для этой цели много танков. Именно это обстоятельство определило боевую задачу 128-й гвардейской горнострелковой дивизии, а следовательно, и нашего полка в канун Моравско-Остравской операции.

Полку предстояло в короткий срок на широком фронте — до 8 километров — создать полевую оборону с разветвленной сетью траншей, ходов сообщения; огневые точки надо было расположить под надежными укрытиями, с тем чтобы на случай массированных танковых контратак противника поражать его не только при подходе к переднему краю, но и на всей глубине нашего оборонительного участка.

Задача оказалась нелегкой. Она осложнялась тем, что молодые красноармейцы не имели достаточных навыков окопно-траншейных работ на холмистой местности, а некоторые бойцы пренебрегали лопатой. Вспоминается такой эпизод. Закончив ночью обход оборонительных позиций 1-го батальона, мы с замполитом этого батальона Игнатьевым ранним мартовским утром остановились у подножия холма, где 1-я стрелковая рота вела траншейные работы. Послышались громкие голоса:

— Смотрите, у других красноармейцев окопы как надо, а у вас, товарищ Ковбаса, не окоп, а ямка. Срам. Головы не спрячешь в такой ямке. Это не работа, а черт знает что…

Розовощекий Ковбаса сердито сопел, но молчал. В разговор включился молодой худощавый боец:

— Ковбаса-то и не виноват, товарищ гвардии сержант. Вы только посмотрите, какой он тощий, весь высох, бедняга, от работы, а кормить его повар, почитай, и не кормит — всего две порции Ковбаса съедает… Надо пожалеть его, товарищ сержант…

Красноармейцы, окружившие Ковбасу, смеялись, а молодой боец продолжал с юморком:

— Мы за него выкопаем, пожалеем… Это легче, чем агитировать его всей ротой. И так уж агитируем каждый день.

— Я потому и ругаюсь, что жалею: коли окоп окажется мелким, в нем под танком не усидишь, погибнешь. Это понимать надо. А он лопаткой орудует нехотя, словно граф какой.

— А чем он не граф? Розовый, полный, с брюшком. И лопаткой не работает, а так, помахивает. Истинный граф или князь…

— Дурья ты башка, а еще агитатор, — угрюмо вымолвил Ковбаса, обращаясь к разговорчивому бойцу. — Лев Толстой был граф, а без брюшка и не розовенький. А коли хочешь узнать, граф я или князь, — подойди поближе. Хряпну по роже, тогда узнаешь, графская фамилия Ковбаса или рабоче-крестьянская… Уйди от греха!

Ковбаса свирепо и неуклюже размахивал пудовыми кулачищами. Он недавно прибыл с пополнением из Западной Украины. Не сразу у него все пошло хорошо. Ленился. Не любил, когда ему указывали на промахи и недостатки. Забегая вперед, должен сказать, что через некоторое время Ковбаса изменился в лучшую сторону, видимо, понял, что в роте все замечают — и хорошее и плохое.

Так в заботах, во взаимной критике, товарищеской взаимовыручке воспитывались люди.

В обороне полку пришлось пробыть с 7 марта по 5 апреля. За это время на нашем участке противник ограничивался мелкими разведывательными вылазками. Танкового удара так и не последовало.

Будучи в обороне, полк предпринял несколько наступлений с ограниченными действиями. Наиболее важным из них было наступление с целью овладеть населенным пунктом Лазы, чтобы улучшить наши позиции, оседлать господствующую над местностью высоту, контролирующую шоссейную дорогу Бельско

— Цешин на значительном расстоянии. Гитлеровцы оказали упорное сопротивление. Лазы им удалось удержать. Все другие бои полк предпринимал с целью отвлечения сил противника с участков, где вели наступление части и соединения 1-й гвардейской армии.

В ночное время гитлеровцы не раз предпринимали вылазки, чтобы захватить «языка», рассчитывая, видимо, таким образом добыть сведения о системе огня нашей части, ее численном составе. В ночь на 2 марта, например, группа немецких солдат по заснеженному полю ползком подкрадывалась к позиции 1-й роты. Гитлеровцам удалось приблизиться к окопу пулеметчика Касанова. Но они не застали бдительного красноармейца врасплох. Касанов, подпустив лазутчиков метров на сто, дал несколько пулеметных очередей. Оставив на снегу восемь трупов, ошеломленные гитлеровцы откатились назад.

В ночь на 3 марта немецкие солдаты предприняли две новые попытки захватить «языка». Оба раза они подкрадывались к окопу ручных пулеметчиков сержанта Василенко и красноармейца Ковальчука. Командир отделения Василенко был начеку, своевременно открыл огонь. Гитлеровцы откатились с пустыми руками.

Через парторгов, комсоргов и агитаторов подразделений мы проинформировали личный состав об участившихся ночных вылазках немецких разведчиков. Пулеметчикам Касанову и Василенко, проявившим высокую бдительность, были посвящены боевые листки. Их пронизывала основная мысль: «Выше бдительность! Действовать так, как пулеметчики Касанов и Василенко!» Достоянием личного состава мы сделали также смелые и инициативные действия командира пулеметного расчета старшего сержанта Романа Воеводки. Ночью он вступил в поединок с шестью гитлеровцами, пытавшимися окружить его окоп. Случилось так, что напарник Воеводки заболел. Старший сержант отправил его в санчасть, оставшись один в окопе, удаленном от соседних стрелковых отделений. Вдруг в полночь Воеводка услышал шорох. Осмотрелся, заметил ползущих немцев. На какое-то мгновение старшему сержанту стало жутковато. Он хотел нажать на спусковой крючок, но сдержался. «Надо подпустить ближе, чтобы уложить наверняка… Еще ближе… Еще… Ага, теперь в самый раз». И пулеметная очередь внезапно расколола ночную тишину. Среди гитлеровцев раздался истошный крик. Воеводка не ослаблял огня. Несколько гитлеровцев скрылись в воронке. Старший сержант знал эту воронку — еще днем он вымерял до нее расстояние. Одну за другой Воеводка швырнул в сторону воронки гранаты.

Гитлеровцы молчали. Было неясно, перебиты они или затаились. Воеводка зорко наблюдал. Вдруг воронка ожила. Гитлеровцы открыли стрельбу, пытаясь загнать пулеметчика в окоп, с тем чтобы взять его живым. Воеводка, укрываясь от пуль за бруствером ячейки, вел огонь длинными очередями.

На рассвете в воронке он обнаружил два трупа гитлеровцев. Старший сержант нашел в карманах убитых документы, передал их командиру взвода.

Вскоре Воеводка отличился и в наступлении. Рядом с ним в цепи роты шел красноармеец Мураль. Он-то потом и рассказал на страницах дивизионной многотиражки о своем товарище, о его смелости, проявленной в бою за село Лазы. В заметке Мураля, напечатанной в дивизионной газете, описан такой эпизод.

Наступая на Лазы, 3-я рота попала в трудное положение. Немецкий пулемет был хорошо укрыт в дзоте. Попав под его огонь, рота несла урон. Тогда старший сержант подполз с пулеметом близко к дзоту, дал несколько очередей по амбразуре. Немецкий пулемет умолк, и рота снова устремилась вперед.

На примере храброго и смекалистого старшего сержанта Романа Воеводки политработники учили бойцов и младших командиров стойкости, активности, воинскому мастерству. Они подчеркивали в беседах, что успеху Воеводки во многом способствовало то, что он заранее приготовил себе надежный окоп, укрывший его от вражеских пуль.

В ходе ночных боев некоторые наши командиры отделений и взводов допускали и серьезные промахи. Расскажу о таком случае. В ночь на 6 марта противник после сильного артиллерийского налета контратаковал нашу 5-ю роту. По числу штыков и пулеметов гитлеровцы имели почти двукратное превосходство. Их натиск усиливался. В критический момент боя взвод младшего лейтенанта Дерябкина дрогнул, восемь его бойцов без приказа начали отходить назад. «У страха глаза велики» — эта поговорка подтвердилась в действиях молодого красноармейца Пупены, который, увидев большую группу наступающих немцев, крикнул: «Бежим! Нас окружают!» За Пупеной бросилось несколько человек. Взвод растянулся, удержать молодых бойцов на занятом рубеже Дерябкину удалось не сразу. Лишь после того как ротный парторг подоспел во взвод и с возгласом «Ни шагу назад!» открыл по гитлеровцам огонь из автомата, взвод удержал траншею.

Мне доложили, что почти аналогичный проступок совершен в 6-й роте. Попав в острую боевую ситуацию, здесь смалодушничал сержант Головачук. Дело было так. Его отделение в составе трех красноармейцев (остальные выбыли из строя в предыдущих боях)

занимало оборонительный рубеж на правом фланге роты, в 300 метрах от окопов отделения сержанта Руденко. Гитлеровцы ночью атаковали оба отделения. Руденко и его подчиненные держались стойко, действовали решительно и сумели отразить атаку, удержать свой рубеж. Такой же возможностью располагал и Головачук, но он спасовал. Когда к окопам приблизились немецкие солдаты, завязалась рукопашная схватка. Головачук видел, что упал раненый красноармеец Дочинец, затем гитлеровцы сразили красноармейца Мере-Турдыева. На Головачука бежал, наставив автомат, рослый немецкий солдат. Головачук нырнул за изгиб окопа, выбрался в ход сообщения и побежал назад, в направлении соседнего взвода. За ним никто не гнался. В него даже никто не стрелял. Гитлеровец, бросившийся на Головачука, был сражен пулей красноармейца соседнего взвода, подоспевшего на помощь отделениям Руденко и Головачука. Вскоре прибежал с двадцатью бойцами командир роты Валов. Немцы были вынуждены отступить. Балов взял с собой и Головачука, перехватив его на пути в тыл.

Командир отделения Головачук смалодушничал в бою, оставил позицию, подчиненных. Встал вопрос — как с ним быть. Судить? Но не преждевременно ли? Перед тем как принять решение и доложить командиру полка, мы с замполитом батальона Игнатьевым спросили Балова:

— Как бы вы поступили, Мухтар Батович?

— Строго наказал бы. Дисциплинарно.

— Но ведь Головачук покинул поле боя!

— И все же я бы не шел на крайнюю меру. Девятнадцать лет парню, в бою впервые. Военному трибуналу надо отдавать только отъявленных трусов. Сержантом стал недавно в запасном полку. Клянется, что искупит свою вину. Давайте поверим…

Комбат Юрков разделял мнение Балова. Поддержал их и прокурор дивизии.

Михаил Герасимович Шульга, выслушав мнение комбата, ограничился дисциплинарной мерой — отстранением Головачука от должности командира отделения, посоветовав обсудить его проступок на комсомольском собрании.

Созвали бюро первичной комсомольской организации для обсуждения проступка Головачука. Разговор был бурный.

— Что будем делать? — спросил комсорг батальона Виктор Калинин.

— Исключить из комсомола, — раздались голоса. — Опозорил звание гвардейца, не место ему в наших рядах…

— А может, на первый раз другую меру изберем? — вступил в разговор замполит батальона Игнатьев.

Члены бюро молчали. Головачук сидел, опустив голову.

— Ведь вот Руденко-то не струсил, — посмотрев на Головачука, сказал Калинин. — А вы спасовали… Как бойцам в глаза посмотрите? Чем оправдаетесь?

— А я и не оправдываюсь. Боязно было… — И вдруг, повернувшись к Руденко, Головачук спросил — голос его при этом дрогнул — Скажите, только честно, вы в той схватке с гитлеровцами не боялись смерти? Неужели только я один «зайцем» оказался?

— Ну что же, скажу. Честно скажу. Да и скрывать-то нечего. Боялся. Когда на тебя нагрянет группа фашистов, страшновато становится. Но только в руках себя держишь, не распускаешь нюни. Совесть не позволяет.

Головачук выпрямился и встрепенулся.

— Спасибо, друг. Спасибо за признание. Оно укрепило веру в собственные силы. — Окинув сидевших рядом товарищей просветлевшим взглядом, Головачук обратился к членам комсомольского бюро: — Прошу поверить, что искуплю свою вину. Буду таким же, как Руденко. Буду!

Острая критика в адрес Головачука прозвучала и на комсомольском собрании. Оно вылилось в строгий, но справедливый суд, обвинителями на котором выступили сами комсомольцы.

Товарищи поверили Головачуку, оставили его в рядах комсомола. И не ошиблись. В моменты опасности, возникавшие в ходе боев, он действовал смело, инициативно. Постепенно у личного состава роты складывалось доброе мнение о Головачуке. А когда он стал мастером боя, его окружили почетом и уважением.

Фронтовая жизнь, суровые испытания в боях подтвердили, что комсомолец Головачук извлек серьезный урок из ошибки, допущенной в первой ночной схватке с врагом.

Но, к сожалению, не все наши однополчане так реагировали на критику своих ошибок. Тот же Пупена, о котором я уже упоминал, свою трусость в бою пытался оправдать различными «причинами»: то у него, видите ли, кончились патроны, то нервы подвели…

Строгий счет мы предъявили к командиру взвода младшему лейтенанту Дерябкину, в подчинении которого находился Пупена. Изучая положение дел в этом взводе, я почувствовал, что здесь создалась атмосфера ложного товарищества. И повинен в этом был в первую очередь сам Дерябкин. Он терпимо относился к нарушениям дисциплины, не давал принципиальной оценки проявлениям халатности, нерадивого отношения красноармейца

Пупены и некоторых других бойцов к фронтовой службе, допускал послабления к тем подчиненным, действия которых несовместимы с уставными требованиями.

Возвратившись из взвода Дерябкина, я своими мыслями поделился с командиром полка. М. Г. Шульга сказал мне, что Дерябкину много внимания уделял и командир батальона, и штаб полка. Давали ему добрые советы, делали замечания, предупреждали. Одним словом, хотели вывести его на верную дорогу. Дерябкин не скупился на обещания, заверял, что исправится, повысит требовательность к себе и к подчиненным. Однако проходило время, а во взводе все оставалось по-прежнему — дисциплина хромала на обе ноги.

С командиром полка мы были едины во мнении, что Дерябкин сам лишил себя морального права командовать взводом. Его отстранили от занимаемой должности.

Вместе с парторгом полка П. Г. Поштаруком, замполитами командиров батальонов я проанализировал состояние воспитательной работы с командирами отделений, взводов, рот и батарей. Оказалось, что не один Дерябкин снизил ответственность за порученное дело. Серьезные просчеты были обнаружены, например, в полковой разведроте. Начальник полковой разведки капитан Н. К. Карпиченко, заслуживший немало боевых наград, начал зазнаваться, ослабил контроль за выполнением командирами взводов и отделений своих уставных обязанностей. Это привело к тому, что разведрота снизила боевую активность во время поисков «языков», в которых остро нуждалось командование полка. Нам стало известно о таком факте. Капитан Карпиченко, выделив группу разведчиков для ночного поиска «языка», фактически самоустранился от управления действиями этой группы. Возглавлявший поисковую группу сержант Бураханов не обеспечил тщательной маскировки, чем воспользовался противник. Открыв огонь по нашим разведчикам, гитлеровцам удалось обезопасить себя. Бураханов возвратился со своими бойцами в роту с пустыми руками. В этом во многом повинен Карпиченко. Беседуя с ним, я почувствовал, что капитан заметно нервничает, пытается переложить ответственность за неудачу целиком на Бураханова. Я спросил Карпиченко, чем объяснить, что за последние две недели разведрота не сумела захватить ни одного пленного. Случаен ли промах Бураханова?

Мне было ясно, что Карпиченко сглаживает острые углы, не желает самокритично оценить свои действия, вскрыть причины снижения боевой активности роты. После бесед с коммунистами, комсомольцами я располагал достаточно убедительными

фактами, которые позволяли сделать вывод: в разведроте далеко не все любят выносить сор из избы. Это подтвердило и ротное партийное собрание, на котором обсуждался вопрос о повышении ответственности коммунистов за укрепление дисциплины и порядка в подразделении. Слушая выступления коммунистов, я понял, что парторг роты не прислушивался к их мнению, не реагировал на критические замечания в адрес нерадивых солдат, по вине которых разведгруппа Бураханова в ночном поиске допустила серьезную промашку.

М. Г. Шульга одобрил мои предложения об укреплении партийного ядра в разведроте и усилении воспитательной работы с сержантским составом. Вместе с начштаба полка мы отобрали в других подразделениях несколько опытных бойцов-коммунистов и направили их в разведроту. П. Г. Поштарук попросил разрешения перевести из 6-й роты в разведроту члена партии помощника командира взвода М. С. Князева. Эту просьбу командир полка удовлетворил. Старший сержант Князев был назначен парторгом разведывательной роты. Ранее он возглавлял парторганизацию 6-й роты, зарекомендовал себя хорошим организатором и воспитателем.

Командир полка не оставил без внимания недостатки в стиле работы капитана Карпиченко. Он пригласил меня на беседу, которую вел с этим офицером. Она мне поправилась. М. Г. Шульга не устраивал разноса. Он объективно оценил работу капитана и предъявил строгий счет к нему за серьезные упущения, напомнил, что командиру-коммунисту чужды зазнайство, самоуспокоенность, пренебрежительное отношение к мнению воинского коллектива.

— Мой заместитель по политчасти и полковой парторг, — сказал Шульга капитану, — пополнили парторганизацию разведроты активными коммунистами, направили туда нового, опытного парторга. Считаю, что подкрепили вас основательно. Теперь дело за вами. Сумеете опереться на партийный и комсомольский актив, наладите работу с сержантами, — надеюсь, выправите положение. Не сделаете этого — пеняйте сами на себя.

Мы не ограничились беседой с Карпиченко и организационными мерами по укреплению партийного ядра разведроты. Усилили контроль за выполнением советов и рекомендаций, высказанных капитану Карпиченко, помогли парторгу Князеву активизировать партийную работу. Прошло немного времени, и полковая разведывательная рота все чаще доставляла «языков», успешно выполняла другие задачи, которые перед ней ставило командование.

Приведу такой пример. Комдив генерал Колдубов приказал

нашему полку во что бы то ни стало захватить пленного… Во 2-м стрелковом батальоне мы сформировали группу из смельчаков-добровольцев для ночного поиска. Карпиченко отобрал в эту группу опытного разведчика Виктора Куркина, обстоятельно проинструктировал его, как действовать. Я хорошо знал этого отважного воина. Он прибыл к нам осенью 1943 года, когда полк находился в городе Темрюке в резерве. Виктор получил не одно крещение огнем. Уже через два месяца службы, в боях под Керчью, он был удостоен двух наград — медали «За отвагу» и ордена Славы III степени. И вот сейчас, весной 1944 года, на чехословацкой земле Виктор Куркин получил новое ответственное задание — в ходе ночного поиска захватить пленного. Это задание он выполнил отлично. Вместе с пленным гитлеровцем Куркин доставил и ценные документы, из которых комдив получил необходимые ему сведения о системе огня противника.

Генерал Колдубов, наблюдавший за действиями разведчиков, отметил храбрость, мужество и мастерство Куркина, Совы, Гайдука, Кабака и других. Он наградил их орденами.

Нет лучшего учителя в жизни, чем сама жизнь. Учит она жестоко, беспощадно, учит тому, что необходимо, безжалостно отбрасывая все бесполезное.

Особенно беспощадным учителем была фронтовая жизнь, где на каждом шагу человека подстерегала опасность, а то и смерть. Фронтовая жизнь была суровым, но справедливым учителем воинов. Она не прощала тем, кто допускал просчеты, фальшивил. Им приходилось расплачиваться нередко собственной кровью. Вот почему вопросы дисциплины, бдительности, высокой организованности в бою партполитаппарат полка держал в центре своего внимания.

Когда полк находился в обороне, нам представилась возможность подготовить и провести несколько занятий по марксистско-ленинской подготовке офицеров и политзанятий с рядовыми и сержантским составом. Руководили ими парторг полка Поштарук, наш новый полковой агитатор Андрухаев и я. Помощь нам оказали инструкторы политотдела дивизии. Ряд лекций по военно-юридическим вопросам офицерам и сержантам прочитал прокурор дивизии. Он, в частности, осветил основные положения Закона об ответственности за воинские преступления. Взводные агитаторы широко использовали в беседах с солдатами письма, которые нам присылали общественные организации, рабочие, служащие из городов, в освобождении которых участвовал полк. Через политотдел дивизии мы получили много писем из Керчи и Севастополя. Ветераны нашего полка своими

глазами видели руины и пепелища в этих городах. Фашистские оккупанты не жалели бомб, снарядов и мин на разрушение севастопольских и керченских фабрик, заводов, школ, больниц, исторических памятников, жилых кварталов. В своих письмах рабочие и служащие Севастополя и Керчи рассказывали нам о том, как залечивают раны, нанесенные войной, как помогают фронтовикам ковать победу над врагом. Все письма дышали священной ненавистью к гитлеровским извергам, творившим на советской земле чудовищные злодеяния.

Находясь под впечатлением писем севастопольцев и керченцев, я решил взять с собой группу агитаторов и вместе с ними съездить в Освенцим, где еще не так давно располагался фашистский концентрационный лагерь. К сожалению, обстоятельства не позволили мне совершить эту поездку — приближались наступательные бои, требовалось усилить внимание к партполитработе в подразделениях. Посоветовавшись с политотделом дивизии, я все же направил в Освенцим группу агитаторов. Возглавил ее полковой агитатор старший лейтенант Андрухаев. В ее состав мы включили парторга 3-й роты старшего сержанта Хидырова, коммуниста из 4-й роты старшину Сову, начальника полковой артиллерии капитана Румянцева и ряд других активистов.

— О лагере в Освенциме — этом фашистском аде — писали газеты многих стран… Посмотрите своими глазами бывший гитлеровский застенок, побеседуйте с очевидцами злодеяний нацистов, — советовал я агитаторам. — А по возвращении в полк поделитесь своими впечатлениями.

Агитаторы накопили много фактов, рассказали о них бойцам и командирам. Мне запомнилось яркое выступление перед красноармейцами агитатора старшины Николая Совы.

— Трудно передать, братцы, то, что мы слышали в Освенциме, — начал свой рассказ старшина. — Слов таких нет, обыкновенны слишком слова в человеческом лексиконе, ими не выразить те ужасы, которые постигли людей, насильственно согнанных фашистами в Освенцим.

Обратившись к рядом сидевшему красноармейцу, старшина спросил его:

— Вот вы смогли бы с человека кожу снять?

Боец побледнел, нахмурил брови.

— А в Освенциме фашистские изверги кожу с людей сдирали, сумочки из нее делали. И золотые зубы выламывали. Волосы стригли, отправляли их на фабрику для разного рода поделок.

Агитатор устремил взгляд на другого красноармейца, спросил:

— А вы смогли бы от матери дитятко отнять и в печь, на огонь его бросить? Гитлеровцы и это в Освенциме делали…

Впечатляющими были выступления в ротах и взводах всех агитаторов, посетивших Освенцим. Они усилили накал ненависти личного состава полка к врагу.

Каждый день и час затишья между боями мы использовали для усиления индивидуальной работы с красноармейцами и сержантами. Оборонительная пауза перед наступлением позволила нам провести собрания первичных парторганизаций, на которых обсуждались заявления бойцов и командиров о приеме в партию. В члены партии были приняты передовые командиры подразделений Турбин, Федулов и Лелетко. Несколько коммунистов из тыловых служб мы направили в строевые роты, укрепив их партийное ядро.

Оборонительная пауза закончилась для нас 10 марта. В этот день 4-й Украинский фронт южнее города Зарау перешел в наступление, в направлении Моравска Остравы. Противник предпринял сильные контратаки, нашу 128-ю гвардейскую горнострелковую дивизию быстро перебросили из района Бельско на участок Гожице, Лазиско. Здесь она сосредоточилась для наступления общим направлением на Моравска Остраву. Мы располагали данными разведки, что подступы к городу немецкое командование превратило в мощный узел сопротивления. Чтобы читатели смогли полнее представить себе систему обороны противника в этом узле, воспользуюсь воспоминаниями бывшего командующего 4-м Украинским фронтом генерала (впоследствии Маршал Советского Союза) А. И. Еременко. В своей книге «Годы возмездия», опубликованной в 1969 году, он так характеризует немецкую оборону на подступах к Моравска Остраве: «С востока и северо-востока подходы к Моравска Остраве были прикрыты двумя оборонительными рубежами. Первый оборонительный рубеж проходил по восточному и западному берегам р. Ольша от Богумина на Цешин и Скочув и состоял из укреплений полевого типа, сплошных траншей в 1–2 линии, противотанкового рва и долговременных точек типа железобетонных колпаков и дотов. Общая глубина обороны достигла 6—10 км.

Второй рубеж пролегал в нескольких километрах восточнее Моравска Остравы, огибал город с северо-востока, перерезал р. Опава, выходил на ее правый берег и следовал далее в 500–600 м южнее ее.

Каждый рубеж представлял собой цепь мощных дотов, расположенных в две, а по отдельным направлениям в три и четыре линии с промежутками между дотами от 160 до 700 метров. Вторая и последующая линии находились на расстоянии

250–600 метров от первой. Доты по качеству постройки и мощи вооружения относились к типу первоклассных сооружений».

Позже нам стало известно, что к началу апреля Моравска Остраву обороняло до 16 немецких дивизий, к концу месяца число их возросло. Военное командование фашистской Германии стремилось к тому, чтобы как можно дольше задержать советские войска подальше от Праги, в то же время предоставив возможность англо-американским войскам беспрепятственно продвигаться в глубь Чехословакии. Не оставалось сомнения, что Гитлер и его окружение все еще рассчитывали на закулисный сговор с нашими западными союзниками.

Фашистское командование принимало драконовские меры, чтобы держать своих солдат в страхе и повиновении. Все солдаты, находившиеся без дела на расстоянии свыше 2 километров от передовой, направлялись в штрафные роты. Свирепствовали жесточайшие репрессии — под страхом расстрела запрещалось отступать, переводить артиллерию на новые позиции и т. д.

Нашему полку предстояло взломать вражескую оборону в районе к северо-востоку от села Гожице, затем овладеть этим опорным пунктом и развивать наступление дальше. Дома и подвалы Гожице были приспособлены под огневые точки. Сразу же за селом находилась высота с отметкой 259,3. Своими склонами она выходила на юго-запад, в пойму реки Ольши. На этой высоте были оборудованы окопы, созданы дзоты. На восточном берегу Ольши, в ее пойменной заболоченной части с насыпными дамбами, где находилась и деревня Ухыльско, противник приспособил для обороны дома, дамбы, использовал для ведения огня старые доты. По западному берегу реки для обороны был приспособлен фольварк Червин, создана разветвленная сеть траншей. Здесь, в направлении на город Богумин, кончался первый оборонительный рубеж общей глубиной до 7 километров.

На подготовку полка к наступлению мы получили педелю. Расположились в селе Праге. Здесь получили новое пополнение. Организовали ряд занятий. М. Г. Шульга произвел тщательную рекогносцировку местности. Особое внимание в ходе занятий было уделено борьбе с тапками, самоходной артиллерией противника, его долговременными огневыми точками. Нам было известно, что Моравска Остраву обороняет немецкая танковая армия. В целях обучения приемам борьбы с танками и предупреждения танкобоязни в полку был оборудован учебный центр. Через него мы пропустили весь личный состав: бойцов сажали в окопы и «утюжили» эти окопы танками, демонстрируя надежность окопа как укрытия и обучая воинов приемам борьбы с

танками. Вся система партполитработы была нацелена на обеспечение высокого качества занятий. Ветеранов полка мы мобилизовали на оказание индивидуальной помощи молодым красноармейцам.

Думаю, что некоторый интерес для читателей представят фрагменты из дневниковых записей партполитработника младшего лейтенанта И. В. Нечесова. Я воспроизвожу их лишь с незначительными сокращениями. Конечно, надо иметь в виду, что это беглые записи, Нечесов записывал лишь то, что ему нужно было для работы. Записи он вел в период подготовки к наступлению на Гожице. В то время он, парторг 2-го батальона, замещал замполита.

«5 апреля. Заседание партбюро батальона. Приняли в члены партии младшего командира Соленого. Утвердили 17 агитаторов и 6 редакторов боевых листков. Поставили задачи парторгам рот и взводным агитаторам на марш батальона.

Комсорг батальона Москалев выступил на комсомольском собрании с докладом «Решения XIII Пленума ЦК ВЛКСМ».

Парторгам 5-й и 6-й стрелковых рот высказаны рекомендации, как лучше организовать изучение коммунистами книги И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза».

6 апреля. Совершили марш. На привалах организовали беседы с бойцами и командирами о положении на фронтах, читали сводки Совинформбюро.

Отстал на марше рядовой Белый. Разбираюсь.

7 апреля. На рассвете прибыли в селение Прагу. Устраиваемся. Отдыхаем. Итоги марша доложил заместителю командира полка по политчасти.

8 апреля. Совещание замполитов батальонов у майора Малкина. Обсудили задачи подготовки к наступлению. Необходимо: провести в батальоне партсобрание с докладом комбата «Задачи коммунистов по подготовке и проведению предстоящих боев»; разъяснить важность этих боев;.добиться от каждого такой дисциплины, которая бы абсолютно гарантировала маскировку нашего сосредоточения на рубеже атаки, в том числе свето- и звукомаскировку (не курить, не стучать котелками и т. д.); провести занятия с целью обкатки бойцов в окопах танками, умения вести борьбу с танками и САУ, ликвидации танкобоязни; проанализировать ошибки и недочеты в прошедших боях.

Помочь бойцам и командирам четко уяснить свою боевую задачу, хорошо подготовить оружие, технику и боеприпасы. Провести беседы с личным составом на темы: скрытность и

дисциплина сосредоточения; окапывание на исходном рубеже атаки; подъем в атаку; решительность, стремительность, рывок; стойкость при отражении контратак; действия против танков и САУ; использование мощи своего огня и огня взаимодействующих средств в глубине обороны, при захвате долговременных огневых точек, при отражении контратак и удержании захваченных позиций.

Восстановить ротные парторганизации. Подобрать заместителей парторгов рот. Проинструктировать агитаторов. Провести комсомольское собрание батальона. Выделить коммунистов, которые должны первыми подняться в атаку.

В процессе боя вести непрерывную партполитработу. Обеспечить авангардную роль коммунистов. Организовать доставку газет, коллективное чтение сводок Совинформбюро, беседы и распространение листовок об отличившихся в боях воинах.

Проследить за доставкой боеприпасов и пищи, эвакуацией раненых.

Ежедневно к 20.00 информировать замполита полка о ходе выполнения боевой задачи за сутки; о настроениях, боеспособности личного состава; об отличившихся в бою, представлении их к наградам; о потерях, эвакуации раненых и погибших; о питании, боеприпасах.

9 апреля. Проведены партсобрания в 4-й и 5-й стрелковых ротах. Рассмотрены заявления о приеме в партию. Приняты: в члены партии — командир взвода лейтенант Ребенок, в кандидаты партии — командир роты Дементьев, помощник командира, взвода Бочкарев, командир отделения Насекин.

Беседы в ротах и взводах с личным составом о требованиях присяги, воинских уставов.

10 апреля. Командиры рот провели политинформации о положении на фронтах.

Продвинул вопрос о представлении к наградам командиров подразделений Федулова и Асанова за прошлые бои.

Наказал повара Макарова за несвоевременное приготовление чая.

В батальоне лопат малых 32, больших 6, топоров 5, пил 1. Не хватает. Бойцы и командиры жалуются. Доложил комбату Лукову. Ищем, достаем.

Проведено батальонное партийное собрание с докладом Лукова. Повестка дня: «Задачи коммунистов в предстоящем бою». Настроение у людей боевое. Призыв «Даешь Моравска Остраву!» звучал в докладе и в прениях.

Состоялось комсомольское собрание батальона с повесткой

дня: «Личный пример комсомольца bi наступлении».

11 апреля. Политинформации в ротах. Во взводах — политзанятие на тему: «Равняйтесь на Героев Советского Союза из нашего полка Голованя, Иваненко, Каракулова, Костина».

Провел с командирами подразделений Федуловым, Малыгиным, Ибрагимовым, Асановым, Михайленко и Ляпиным собеседование, проверил, как они изучают книгу И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза». В основном разбираются неплохо.

Вечером в полку слушали доклад начподива полковника И. П. Чибисова о положении на фронтах, затем просмотрели новый кинофильм «Иван Грозный». Игра Черкасова всех покорила.

12 апреля. Беседовал о подготовке к вступлению в члены партии с младшими командирами Совой, Лобковым, Евлаховым.

Прибывших из полка четырех коммунистов мы с Луковым определили по ротам. Теперь во всех ротах имеются парторганизации.

Всего в батальоне — 26 членов и 17 кандидатов партии.

Прошли занятия по обкатке бойцов танками и по изучению приемов борьбы с танками и самоходно-артиллерийскими установками средствами рот. Занятия были полезными, особенно для молодого пополнения.

13 и 14 апреля. Ротные партсобрания с докладами командиров рот. Повестка дня: «Коммунисты — опора командира в решении боевой задачи».

Беседы во всех взводах и ротах с личным составом. Участвовал в подборе (для каждой роты — по 2 человека) санитаров-носильщиков для выноса с поля боя раненых. Беседовал с ними.

Вместе с Ф. Г. Луковым проверяли готовность батальона к наступлению…»

Эти, даже отрывочные, записи показывают широкий диапазон работы замполита батальона.

После 30-минугной артподготовки утром 15 апреля полк начал атаку. Роты стремительно преодолели первую траншею перед селом и ворвались в Гожицу. Справа шел 2-й батальон, слева — 1-й. Пленные показали, что не ожидали столь быстрого нашего наступления. Немецкое командование считало, что ему противостоят ослабленные части. Сосредоточения новых сил оно не заметило. Полку удалось стремительной атакой взломать первую позицию в обороне противника и к 13.00 полностью овладеть селом, захватить пленных и уничтожить 12 транспортеров, 6 танков и самоходных установок 75-й немецкой

пехотной дивизии.

Тон атаке 2-го батальона задавала 4-я стрелковая рота, которой командовал старший лейтенант А. С. Дементьев. Агитатор полка Ибрагим Андрухаев шел в наступление с этой ротой. На его глазах Дементьев поднялся из окопа вслед за старшиной Совой, пулеметчиком Кравицким, снайпером Бурцевым и с возгласом: «Вперед, гвардейцы!» — побежал к немецкому окопу. Рота стремительно мчалась на врага. Впереди всех по-прежнему бежал старшина Сова, рядом с ним — Кравицкий и Бурцев.

Когда Сова перепрыгнул немецкую траншею, он услышал, как Бурцев где-то позади возбужденно воскликнул: «Бейте их крепче!» После этого раздался взрыв гранаты, брошенной Бурцевым в немецкий окоп, послышалась частая стрельба. Сова бежал вперед. Село было все ближе и ближе. Опередив старшину, Кравицкий залег в овраг и длинными очередями обстрелял подвал кирпичного дома, откуда застрочил немецкий автомат, потом догнал Сову, и они побежали рядом. Догнал их и Бурцев. Немного поотстав, бежал с бойцами роты Дементьев. Вместе с ними — старший лейтенант Андрухаев, маленький, подвижный и легкий адыгеец.

Роту прикрывал пулеметным огнем сержант Радченко. Как только немцы начинали стрелять, Иван Радченко бил по огневой точке до тех пор, пока она не умолкала.

Противник открыл артиллерийский огонь севернее села Гожице, перед своим бывшим передним краем. Но он опоздал: 4-я стрелковая рота уже вела бой в селе.

Когда Дементьев подбежал к кирпичному дому, там был старшина Сова со своим отделением. Пулеметчик Кравицкий, снайпер Бурцев и еще несколько красноармейцев окружили дом, где засели гитлеровцы. Кравицкий, разрядив свой пулемет по фашистам, подполз ближе к осажденному дому и бросил гранату в окно. Немцы молчали. Выждав немного, Сова поднялся, шагнул к подвалу. Раздался выстрел. Сова покачнулся и упал вниз лицом. Стало ясно, что стрелял снайпер с чердака дома напротив. Бурцев бросился туда. На чердаке валялись гильзы. Снайпер сбежал.

Из подвала вывели двух гитлеровцев…

5-я стрелковая рота, наступавшая рядом с 4-й, вот уже несколько минут топталась на месте. Немецкая самоходка, меняя позицию, маскируясь за строениями, наносила нашим бойцам большой урон.

— Я обойду ее и уничтожу, — вызвался старший сержант Ахмедов. — Погиб мой друг — парторг роты Хидыров… Только что погиб от этой самоходки. Разрешите мне.

— Разрешаю, — сказал командир взвода лейтенант Ребенок. — Галанов, идите вместе с Ахмедовым!

И Ахмедов с Галановым поползли. А рота, затаившись, ждала. Они сумели незамеченными подползти к самоходке с тыла, внезапно забросали ее гранатами. 5-я рота двинулась вперед.

Андрухаев, успевший побывать и в 5-й роте, прибыл на КНП 1-го батальона и доложил мне об отличившихся в бою. Командир полка объявил им благодарность. Через двадцать минут Андрухаев и Нечесов разослали в подразделения листовку.

Противник отступил из села Гожице на высоту 259,3. Отсюда путь открывался к небольшому водному рубежу Ольше с господствующей над местностью высотой на берегу. Можно было не сомневаться, что противник будет яростно оборонять высоту. Мы понимали: чем быстрее наши роты выйдут на нее, тем меньшей кровью полку удастся прорваться к Ольше. Вот почему командир полка был недоволен действиями обоих батальонов. М. Г. Шульга потребовал от командиров батальонов немедленно выводить роты из села.

Свой НП Шульга перевел в юго-восточную часть села, в каменный дом с вместительным подвальным помещением, где мог работать штаб. НП разместился на чердаке, отсюда отлично просматривалась большая часть высоты, ее южного склона, падающего к реке.

К 14.00 батальоны завязали бой за высоту. Но в Гожице бои продолжались до вечера: отдельные группы противника укрывались в подвалах, вели губительный огонь, перекрывая путь ротам, особенно артиллерии, стремившейся поскорее выйти на юго-западную окраину села, чтобы поддержать дальнейшее наступление полка.

Ночью, когда напряжение спало, командир полка и штаб стали анализировать итоги дня, чтобы принять решение на новый бой. Было решено перегруппировать силы полка таким образом, чтобы развить успех 2-го батальона капитана Лукова. Комбату Лукову был подчинен артиллерийский дивизион капитана Матюшенко. М. Г. Шульга направил в этот батальон майора Румянцева с задачей организовать взаимодействие артиллерии сопровождения со стрелковыми подразделениями.

В течение ночи к исходному положению батальонов подтягивалась артиллерия, оборудовались огневые позиции, изучались направления для атаки, проводилась политработа с личным составом. Словом, делалось все необходимое для обеспечения успеха боя. В 8.30 16 апреля полк продолжил наступление. Гитлеровцы предприняли танковую контратаку. Вместе с танками шли немецкие самоходные установки и пехота.

Захваченные нами в тот день пленные показали, что ночью к Ольше на автомашинах был подвезен пехотный батальон в составе трех сборных пехотных рот общей численностью до 200 человек. Он-то и был брошен утром в контратаку против нас. Немецкие солдаты, развернувшись в цепь, с 8 танками и самоходными установками пошли против 2-го батальона и потеснили его к вершине высоты. В то же время вражеская артиллерия открыла огонь по всему боевому порядку нашего полка.

Луков, Румянцев и Матюшенко сумели противопоставить немецким танкам огонь противотанковой артиллерии. Танки уклонились от атаки. Оставив свою пехоту, они повернули вправо и ударили во фланг нашего 1-го батальона. Батальон оказался в тяжелом положении. Он начал отходить к селу Гожице. Со своего наблюдательного пункта мы с Шульгой и Берлезевым видели это. Шульга и Берлезев остались организовывать артиллерийский огонь, а я побежал в батальон. По склону высоты шла группа бойцов, их было человек 20. Возглавлял ее сержант А. М. Руденко, командир стрелкового отделения. Я хорошо знал его, он был комсоргом 2-й стрелковой роты.

— Что вам приказано? — спросил я.

— Дальше не отступим. Лучше умрем, — ответил Руденко.

— Не обязательно умирать, надо было держаться. Верно говорю? — обратился я к бойцам, понимая, впрочем, что у Руденко выхода не было — он не мог оставить своих людей без прикрытия перед немецкими танками.

— Лично я не собираюсь умирать, — блеснул белозубой улыбкой пулеметчик Привалов. Другие бойцы молчали.

— Не будем терять время, товарищ Руденко. Располагайте часть людей вправо от меня, другую часть — влево и готовьтесь к бою. Немедленно окапываться и приготовить гранаты.

Руденко повел бойцов к видневшейся позади огорода канаве. Привалов полез на чердак и установил там станковый пулемет. Я взобрался к нему, чтобы посмотреть, что делается на поле боя. С чердака был отличный обзор — вплоть до реки и дальше, в заречье, терявшееся в дымке. Туман рассеивался, выглянуло солнце. Немецкие танки виднелись метрах в трехстах от села. Вокруг них рвались снаряды. Наша дивизионная и армейская артиллерия обстреливала их, немецкие танкисты не решались идти дальше.

К селу подходила рота М. Б. Балова. Метрах в ста южнее ее собирал своих бойцов командир 1-й стрелковой роты Р. П. Куделя. Я спустился с чердака навстречу им.

Вместе с Баловым ко мне подошел замполит батальона

Игнатьев.

— Ранен Павленко.

— Тяжело?

— Трудно сказать.

— Свяжитесь с Юрковым, помогите ему подготовить бойцов к новой атаке. До вечера надо восстановить прежнее положение.

Балов с Игнатьевым пошли к телефону переговорить с Юрковым. Ко мне подошел Куделя. По его веснушчатому усталому лицу катился пот, он прерывисто дышал.

— Что случилось, Роман Платонович?

Рядом с Куделей шел комсорг батальона Калинин. Он что-то хотел сказать, видимо, собрался выручать Куделю, но тот жестом остановил его:

— Худо, товарищ гвардии майор… Сначала вроде все шло нормально. Здорово помог нам пулеметчик Матюшенко. Когда гитлеровцы поднялись в контратаку, Матюшенко как даст, как даст по фрицам, те и побежали. Рота бегом за ними. Метров пятьсот преследовали. А потом справа пошли немецкие танки и самоходки, открыли огонь. И все ближе и ближе подходят. А рота в чистом поле залегла… Стреляет паша артиллерия, но это же не прямой наводкой — кругом рвутся снаряды, а в танки не попадают. Танки к нам ближе, и снаряды ближе. И окопаться уже не успеть, и капав никаких нет… А отступать — боюсь, начальство взгреет.

Куделя откашлялся и продолжил:

— Справа от меня залег Матюшенко, из пулемета ударил по самоходке. А та по Матюшенко, и — как корова языком слизнула… А тут еще ближе подошли немецкие машины, бойцы не выдержали и задний ход дали. Танки и самоходки вслед им гвоздят и гвоздят… Полроты потерял, вот что хуже всего… Если бы бойцы не отошли — всю роту бы погубил… Скорее всего, я виноват не в том, что рота отошла, а в том, что я ее раньше не отвел в окопы на исходное положение, когда танки появились. Но ведь и не отвел в расчете на то, что начальство прикроет роту артиллерией… Так что давайте пополам делить вину за отступление.

По мере того как Куделя говорил, я проникался к нему все большим уважением.

— Вот таким-то, злым, ты мне больше нравишься, — сказал я. — А восстанавливать положение надо. До вечера восстановить. Такой приказ. Пойдем к твоему соседу, Балову. Он уже говорил с комбатом Юрковым. Сейчас все обдумаем насчет атаки.

Юрков прибежал к нам сам. Он уже имел указания командира полка относительно организации атаки. Немецкие танки и

самоходные установки были отогнаны нашей артиллерией, но все еще курсировали на скатах высоты и в пойме реки Ольши. Комбат Юрков в ожидании артиллерийского налета обсуждал с командирами рот детали атаки, а я и Игнатьев беседовали с бойцами. Красноармейцы находились под впечатлением больших потерь, понесенных ротой при нападении вражеских танков и самоходных установок. Чтобы рассеять это впечатление, я рассказал им, как будет организована атака, что сейчас происходит выдвижение батареи истребительного противотанкового артиллерийского полка (иптап) для ее поддержки. Бойцы приободрились, закурили…

Артиллерийский налет длился 10 минут и был удачным. Точно стреляла по танкам и самоходным установкам батарея иптап. Когда 1-й батальон пошел в атаку, одна из немецких самоходок горела. Черный дым поднимался в небо. Игнатьев бежал в цепи 2-й стрелковой роты, недалеко от Балова, и подбадривал бойцов.

Красноармейцы мчались вперед. Скоро они миновали прежние свои окопы и, не останавливаясь, устремились дальше, к реке. Вдали, метрах в трехстах впереди наших, виднелись немецкие солдаты. Они оставляли высоту и уходили туда, где надеялись спастись: перед рекой у них были окопы, блиндажи, долговременные огневые точки. Вражеский огонь по ротам Балова и Кудели нарастал. Его вели в основном с западного берега Ольши, из долговременных огневых точек «железного пояса» — старых укреплений польско-чешской границы. Мы несли потери. М. Г. Шульге пришлось наступление временно приостановить.

Погибших вынесли к НП батальона. Среди них находились Р. П. Куделя, Г. Я. Привалов, А. М. Руденко.

Закончился еще один день боев в районе Гожице. Тяжелый день. Полк потерял много крови, много жизней воинов. Гитлеровцы, предчувствуя неминуемый разгром, сопротивлялись с яростью обреченных. Немецкое командование отдало приказ: гарнизон каждой долговременной огневой точки обязан обороняться до последнего патрона. За соблюдением этого приказа строго следили фашистские офицеры. И нам приходилось кровью платить за каждый разбитый дот и дзот, бронеколпак, за каждую укрытую в подвалах домов пулеметную точку. Борьба шла ожесточенная. Но как ни сопротивлялся враг, день закончился серьезной победой нашего полка: мы продвинулись вперед.

17 апреля с наступлением темноты боевое напряжение спало, а потом на весь участок, где недавно бушевало пламя, пришла

тишина. Лишь изредка прошуршит над головой снаряд, разорвется где-то вдали… По звукам разрывов фронтовики безошибочно определяли и калибр и вид стрелявших орудий — горькая наука войны! И снова тишина.

Но эта тишина была обманчивой. И ночью продолжалась кропотливая работа. Ночь коротка, а надо все успеть сделать до утра: принять новое решение для организации боя, создать необходимый боевой порядок, подвезти боеприпасы, подготовить оружие, накормить и напоить людей, эвакуировать раненых, похоронить погибших.

Командир полка, его штаб, политработники готовили подразделения к новому наступательному бою.

Истекший день подтвердил, что противник использует против полка значительное число танков и самоходных установок. Командир дивизии выделил полку усиление. Нам дали иптап. Это была большая сила в борьбе с немецкими танками. Надо было умело ее использовать. Нам, политработникам, предстояло поработать с личным составом, помочь бойцам быстрее преодолеть танкобоязнь, вселить в них уверенность в силу нашей противотанковой артиллерии, противотанковых мин, гранат, надежность глубокого окопа, в котором боец при умелых действиях оставался неуязвимым. Парторг полка Поштарук, агитатор Андрухаев, новый комсорг Морозов, замполиты батальона, парторги и комсорги подразделений проводили беседы о мерах борьбы с танками, выслушивали предложения.

Мне довелось поработать во 2-м батальоне, действовавшем на главном направлении. Комбат Луков инструктировал командиров рот, готовил их к утреннему бою, а мы с замполитом батальона Ботовым беседовали с красноармейцами. В 4-й роте я поделился своими впечатлениями о действиях отважных истребителей вражеских танков осенью 1941 года под Москвой, когда воинам Панфиловской дивизии приходилось уничтожать немецкие танки гранатами и бутылками с горючей жидкостью. И тогда защитники Москвы проявляли незаурядную силу духа. А сейчас, в 1944 году, у наших гвардейцев прибавились артиллерия, умение, опыт. Я посоветовал: необходимо полнее использовать эти возможности.

О предстоящих боях я решил побеседовать и с минометчиками, которые должны были поддерживать 2-й батальон. Перед встречей с ними я спросил комбата Лукова, как он оценивает действия командира минометной батареи Гусаченко за истекший день. Луков хорошо отозвался о нем: «Откровенно скажу, минометчики помогли моему батальону. Гусаченко хороший мужик, не подводит в бою».

Капитана Гусаченко я нашел невдалеке от западной окраины

селения Гожице, на огневых позициях батареи. Все было подготовлено к бою. Батарейцы поужинали, многие улеглись спать тут же, вблизи минометов. Солдатская постель незамысловатая: шинель да что под руку попадется. Хорошо, если не сырая земля под боком. Кто-то из бойцов наигрывал на губной гармонике песенку, другой вполголоса подпевал.

М. Г. Гусаченко доложил о готовности батареи к бою. Мы разговорились. Я узнал, что перед войной он с отличием окончил Ростовское артиллерийское училище, лейтенантом прибыл в пушечную батарею нашего полка, начал командовать взводом. Несколько раз Михаил Гаврилович был ранен, но всегда из госпиталя возвращался к нам. Полк в полном смысле слова стал для него родным домом.

Отец, мать, восемь братьев и сестер Михаила проживали в селе Сидоровка, под городом Шахты. Была у него в Шахтах и любимая девушка, Надя. Михаил показывал мне ее фотокарточку. Живой, остроумный, черноглазый, он оживленно рассказывал о батарее, о своем сослуживце А. В. Румянцеве, которого знал с 1941 года и с которым крепко подружился, о других лучших людях батареи.

Ночью перед боем мы оформили наградные листы на 34 красноармейца и командира. К ордену был представлен и Гусаченко. Из 2-й минометной роты к награде представили командира минометного расчета Чайку.

Сержанта Чайку все знали как хорошего скрипача. В свободное время он брал в руки скрипку, с которой не расставался, и давал своим товарищам концерты, пользовавшиеся в роте большой популярностью. Но ценили сержанта главным образом за боевые дела.

— Недавно особенно хорошо потрудился наш Чайка, — рассказывал командир взвода лейтенант Лелетко. — Дело было так. Стрелковая рота не может продвинуться, гитлеровцы головы не дают поднять. Чайка по фашистам— несколько мин. Те — молчок. Пока Чайка с немцами «разговор ведет», рота несколько десятков метров пробежит и укроется, отдышится. Фрицы опять начинают стрелять. Чайка присмотрится, подготовит данные — и пошел палить из своих самоваров-самопалов. Стрелковая рота поднялась и — перебежку на новый рубеж, пока немцы молчат. И так метров двести Чайка вел роту своим огоньком. Вот он какой скрипач-музыкант…

Подвиг Чайки был отмечен боевым орденом. Награждены были и связисты — командир взвода связи 2-го батальона младший лейтенант Чуприненко, телефонисты Шахтинаров, Фролкин и Стельмах.

Скупые строчки фронтовых записей, сохранившихся у меня, напомнили: лишь в течение одного дня боя Шахтинаров под огнем противника устранил около 40 повреждений линии связи. 40 за день! Он же вынес с поля боя тяжело раненного командира. Стельмах и Фролкин за день боев исправили до 80 порывов на кабельной линии связи. Для телефонистов не было пауз в бою — они шли на линию связи в любое время, как только умолкал телефонный аппарат и командир требовал: «Связь нужна, немедленно связь!»

Николай Чуприненко, совсем еще молодой офицер, пользовался репутацией опытного специалиста связи. Испортилась рация — Чуприненко, не дожидаясь мастера, сам ее починит. Что-то с телефоном не ладится — Чуприненко и в этом случае поможет.

Утром 17 апреля полк продолжал наступать. Батальон Лукова, имевший наибольший успех, дошел до дамбы, отделявшей пойму от реки Ольши. В бою особенно отличились взвод лейтенанта В. Ф. Ребенка и отделение Турхунбая Ахмедова. Используя складки местности, отделение Ахмедова обошло позицию немцев и уничтожило пулемет, открыв путь нашим бойцам и обеспечив их выход к дамбе.

В атаке погиб командир роты Турбин, был ранен лейтенант Ребенок. Приказав Ахмедову командовать взводом, лейтенант вырвал из блокнота листок, написал несколько слов и передал Ахмедову:

— Проститься с бойцами не успею — пойду в полковой медпункт. Прочти, Турхунбай, мою записку товарищам…

Ахмедов развернул записку:

«Товарищи бойцы и сержанты! Я ранен. Ухожу в госпиталь. Крепче бейте фашистов! Я на вас надеюсь. Желаю боевых успехов. Ваш командир лейтенант Ребенок».

Через несколько дней в дивизионной газете мы прочитали статью командира 2-го стрелкового батальона гвардии майора Ф. Лукова «Турхунбай Ахмедов — богатырь», а еще спустя несколько дней статью заместителя комбата по политчасти старшего лейтенанта В. Ботова, в которой сообщалось о том, что Ахмедов принят в партию, награжден орденом Красного Знамени.

Готовили Ахмедова к вступлению в партию парторг роты Сорокин и парторг батальона Нечесов. Прочитав Устав партии, Ахмедов пришел к Сорокину и сказал:

— Многое в Уставе вроде ясно, а вот рассказать… не могу.

— Понимаю вас, товарищ Ахмедов, — ответил парторг. — Книжечка эта небольшая, а мудрая. И понять ее надо, сынок, раз в партию идешь, понять умом и сердцем. А что не гладко

рассказываешь — это ничего, коммунисты поймут. Воюешь ты, сынок, хорошо. Таких людей партия ценит. Верю — отличным будешь коммунистом.

Ахмедов знал, что если Николай Степанович Сорокин, их парторг и «дедушка» («дедушке» было 45 лет), кого назовет «сынком», — значит, он уважает этого человека. У Турхунбая веселее стало на душе. В перерыве между боями он вновь перечитал Устав ВКП(б), почти наизусть выучил его разделы о кандидатах в члены партии, правах и обязанностях члена партии, мысленно соизмерил, соответствуют ли его фронтовые дела требованиям, предъявляемым к вступающим в партию воинам. И только после этого решился написать заявление, в котором просил первичную партийную организацию принять его кандидатом в члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Ахмедов пришел в окоп ротного парторга, подал ему свое заявление и попросил помочь написать биографию.

— Не умею я складно писать, — сказал Турхунбай, — помоги мне, Николай Степанович. Хочется написать ее от всего сердца.

— Что же, поможем, — ответил Сорокин. — Но, пожалуй, лучше меня это сделает батальонный парторг Иван Васильевич Нечесов…

У меня сохранился номер дивизионной газеты «Ворошиловец», в которой была опубликована биография Ахмедова. Позволю себе привести ее текст:

«Вся наша семья с первых дней войны участвует в защите Отечества. Мой старый отец, член ВКП(б), добровольно ушел на фронт, в 1942 году погиб смертью храбрых. Имею семь братьев, двух сестер. Все они — участники Великой Отечественной войны. Горжусь ими. Моему брату — водителю танка, старшему сержанту Шукиру Ахмедову — присвоено звание Героя Советского Союза. В семье я младший, мне 19 лет. Сделать чего-то особенного пока не успел. Торжественно клянусь, что твердо буду идти по стопам моего отца коммуниста, моих братьев и сестер. На фронте мне вручили несколько правительственных наград. Заверяю, что рука моя не дрогнет в борьбе с врагами нашей Родины».

Вскоре после беседы с Ахмедовым парторг Сорокин вместе с ротой пошел в атаку. Схватка с гитлеровцами носила ожесточенный характер. Вражеская пуля сразила Николая Степановича.

— Острая боль охватила мое сердце, когда нам сообщили, что погиб Николай Степанович Сорокин, — сказал своим товарищам Ахмедов. — Постараюсь заменить в партийном строго этого

верного друга, наставника, бесстрашного воина-коммуниста.

Партийная комиссия политотдела единогласно приняла Ахмедова кандидатом в члены ВКП(б). Вернувшись в батальон, Турхунбай сразу же решил идти в свою роту, которая продолжала бой. Старшина Визнюк сказал, чтобы он немного передохнул:

— Вместе пойдем ночью, я ужин буду доставлять в роту.

Старшина Визнюк был себе на уме, у него вечно не хватало людей для подноса пищи и боеприпасов, бойцы были нужны на переднем крае, и старшине приходилось всякий раз выкручиваться, изыскивать подносчиков.

— Отдыхать некогда. Товарищи воюют, и я сейчас же пойду в роту, — упрямо ответил Ахмедов. — Надо торопиться бить фашистов. Война к концу подходит — как этого ты не понимаешь?

— Что ты, словно одержимый, рвешься! Успеешь еще, нанюхаешься войны вдосталь, если она все еще тебе в диковинку.

— Что такое «одержимый»? Плохо или хорошо? — допытывался Ахмедов. — Ты, наверное, худое слово говоришь?

— Да отвяжись ты… Не плохое это слово, — махнул рукой старшина.

И Ахмедов отправился в роту. Нашел он ее недалеко от реки Ольши и участвовал в бою. Он еще был под впечатлением волнующих минут пребывания на заседании партийной комиссии, принимавшей его в партию, и ему хотелось сразу же, немедленно сделать что-то такое, чтобы всем было ясно, как он любит партию, что он готов с честью оправдать звание коммуниста.

Бой становился все жарче. Гитлеровцы наседали со всех сторон. Рота несла потери. Отделение Ахмедова быстро передвинулось на левый фланг 2-го взвода, уничтожило немецкий пулеметный расчет, который строчил по нашим бойцам. Рота продвинулась вперед. Вражеская пуля пронзила руку Турхунбая, по он продолжал бой и лишь после выполнения боевой задачи отправился в медсанбат. Пробыв там несколько дней, Турхунбай вернулся в роту.

Война подходила к концу, но он все же успел не раз отличиться. Он взял в плен И немецких солдат. Командование наградило его еще одним боевым орденом.

18 апреля полк продолжал наступление. Батальон Лукова сделал новый рывок вперед, захватил дамбу перед рекой и село Ухыльско ключ к выходу на западный берег Ольши. В утренней атаке главную роль сыграла рота Балова, точнее, ее взвод, которым командовал лейтенант Трифонов. Взвод сумел обойти

огневые точки противника и ворвался в деревню Ухыльско с тыла. В то же время 6-я рота атаковала вражеский опорный пункт с фронта. Маневр взвода Трифонова, по существу, решил судьбу опорного пункта, где оборонялась немецкая пехотная рота. Заслышав и увидев русских у себя в тылу, немецкие солдаты ослабили огонь и по 6-й роте, чем воспользовался стрелковый взвод Родионова. Он стремительно ворвался в населенный пункт. Красноармеец этого взвода Андраилов, смело бросившийся в атаку, захватил в плен двух немецких солдат, отобрав у них оружие, а другой боец, Андреев, забросал гранатами подвал, приспособленный под долговременную огневую точку. Взвод Трифонова захватил бронетранспортер с девятью немецкими солдатами, пытавшимися на нем удрать, оружие, склад с боеприпасами, уничтожил двенадцать гитлеровцев.

Гарнизон Ухыльско был разгромлен. Роты 2-го батальона действовали дерзко. Хорошо было организовано взаимодействие с пулеметчиками, минометчиками, артиллеристами. Серьезным препятствием был крупнокалиберный пулемет, который скашивал всех, кто пытался преодолеть дамбу. Луков связался с минометчиками. Они открыли огонь. Навесная траектория мин обеспечивала надежное поражение гитлеровцев за дамбой, противник понес большие потери. Взаимодействуя со стрелковой ротой, минометный расчет в составе Досанова, Нарханова, Бадзюна выдвинулся к дамбе. Его мины подавили вражеский пулемет. Наша рота перескочила дамбу, устремилась к реке, преследуя отступающих гитлеровцев. Те оставляли окопы.

Немецкое командование пыталось остановить убегающих солдат. Навстречу поддавшимся панике гитлеровцам вышло несколько танков и самоходных установок. Они остановили отступающих. Началась контратака. Позади немецких солдат находились их начальники, они гнали подчиненных вслед за танками.

Наши бойцы залегли в немецких окопах, заняли укрытия на дамбе, на окраине Ухыльско, открыв стрельбу по немецкой пехоте. Иван Радченко, прославленный пулеметчик, удобно примостившись на чердаке дома, огнем уничтожал фашистов. Гитлеровцы стали разбегаться в поисках укрытий, прятались в воронках, канавах, ямах. Троих настигла пулеметная очередь.

Два немецких танка и самоходная установка двигались по полю вперед без пехоты. Вокруг них заплясали разрывы артиллерийских снарядов. Один танк загорелся, зачадил черным дымом. Другой танк и самоходка повернули назад, ушли за реку.

2-й батальон продолжал наступление на правом фланге полка, но дальше реки не прошел. В пойме его остановил огонь

немецкой артиллерии и пулеметов, расположенных в фольварке Червин и на западном берегу Ольши. Сложнее было на левом фланге. Батальон Юркова не имел успеха. Он еще раньше подошел к поясу немецких долговременных огневых точек, но без артиллерийской поддержки не смог выйти на западный берег реки. Дивизионное начальство сердилось. Командиру полка Шульге попало, и он, естественно, нажимал на Юркова, потребовал взять немецкий дот, преграждавший путь вперед. «Один-то дот можете взять?» — кричал в телефонную трубку командир полка комбату Юркову.

Горячность могла помешать делу. Начальник штаба Берлезев чувствовал, что Юрков взвинчен, расстроен, ему надо спокойно посоветовать, как выполнить задачу. И Берлезев высказал соображения, с которыми командир полка согласился. Советы Берлезева помогли Юркову. Надо сказать, что Шульга был горяч, а Берлезев уравновешен и спокоен; сочетание этих двух характеров при большом командном опыте Шульги было полезным для управления полком.

Вскоре Юрков доложил нам:

— Батальон овладел немецким дотом.

Уточняя задачу полку, командир дивизии приказал: взять фольварк Червин, расположенный западнее реки Ольши. Со своей обычной доброжелательной иронией генерал Колдубов говорил Шульге:

— Подумаешь, четыре шага тебе надо сделать до фольварка. Четыре шага — какое тебе усиление!

А потом серьезно:

— Усиление полк получит скоро, но для другой цели.

19-23 апреля полк делал эти «четыре шага». Необычайно трудными они были. С благодарностью вспоминаю наших артиллеристов Румянцева, Рыбина, Оничко, минометчиков Груздева, орудийный расчет в составе Кобы, Пилипенко, Кочегина, Хлестунова, минометные расчеты Харедко, Берадзе и многих других. Это они своим ратным трудом обеспечили такую огневую поддержку, которая позволила нашим малочисленным стрелковым батальонам выйти на западный берег Ольши, углубиться в зону вражеского «железного пояса», овладеть фольварком Червин. После этого во всех стрелковых ротах полка оставалось всего 25–30 бойцов. Это тот случай, когда солдаты все отдали Родине.

Присутствие политработников в ротах и взводах, на командно-наблюдательных пунктах, пунктах медпомощи, в хозячейках и тылах особенно важно в какие-то определенные,

решающие моменты. Такие моменты политработники должны были уметь определить. И они их определяли, находили подходящие методы и формы работы с людьми. Правда, мне приходилось встречать некоторых политработников, которые ходили по подразделениям, задавали стереотипный вопрос «Как живете?», затем похлопывали собеседника по плечу и говорили что-либо приличествующее случаю. Мы не терпели такого бездумного отношения к людям, старались анализировать и обобщать виденное и услышанное, добивались того, чтобы партполитработа носила действенный характер, обеспечивала успех боя. Сошлюсь на некоторые примеры.

16 апреля, когда под ударом вражеских танков дрогнули наши роты, политработники срочно прибыли в них, чтобы помочь восстановить положение, заняли места в боевых порядках. И цель была достигнута.

Общение с бойцами и командирами позволяло выявлять достойных, обобщать передовой опыт. Этому способствовали, как уже говорилось, листовки. Вот текст листовки, составленный парторгом батальона Иваном Нечесовым в тот момент, когда надо было помочь молодым бойцам преодолеть танкобоязнь:

«Гвардейцы!

Горит немецкий танк перед вами. Это мы его подбили!

Танк не страшен. Красноармеец сильнее танка. Уничтожайте немецкие танки, они уязвимы. Отсекайте пехоту противника от танков и самоходок и уничтожайте ее.

Смелее, товарищи! Вы победите! Слава вам!»

К партийно-политической работе мы приобщали командиров подразделений, работников штаба. Активно участвуя в многогранном процессе воспитания красноармейцев и сержантов, офицеры лучше изучали подчиненных, вбирали опыт масс, знали положение в ротах, взводах, отделениях, расчетах. Наши командиры и красноармейцы жили единой мыслью, были охвачены единым патриотическим стремлением — разгромить врага, одержать победу.

На фронте мне часто вспоминались замечательные слова Н. К. Крупской о том, как высоко ценил Владимир Ильич Ленин близость командного состава нашей армии к красноармейской массе. Уместно привести эти слова.

«Помню, — писала Надежда Константиновна, — я присутствовала при одном докладе Ильичу о том, как недоверчиво относились к старым военным специалистам красноармейцы. Вначале приходилось учиться у военных специалистов — это понимали и красноармейцы, но к военным специалистам они относились сугубо настороженно, ничего им не

спускали, даже в области бытовой. Настороженность красноармейцев была понятна: старорежимный командный и начальствующий состав далеко стоял от солдат. После, когда ушел докладчик, Ильич говорил со мной о том, что сила Красной Армии — в близости командного состава к красноармейской массе. Мы вспоминали с ним картины Верещагина, отражавшие войну с Турцией 1877–1878 гг. Замечательные это были картины. У него есть одна картина: идет бой, а командный состав в отдалении с горки смотрит на бой. Вылощенное, в перчатках, офицерье в бинокли смотрит с безопасного места, как гибнут в боях солдаты».

Наши командиры, вышедшие из гущи народа, не «с горки смотрели на бой», не «в бинокли смотрели с безопасного места, как гибнут в боях солдаты». Они постоянно находились с красноармейцами — и в жарких боях, и за обедом, и на отдыхе.

У меня остались самые добрые воспоминания о дружной работе партполитаппарата и командного состава полка. Мы, политработники, готовили командиру полка, комбатам материалы об отличившихся в боях людях, информацию о настроении личного состава, о состоянии дела с выполнением боевых задач, материально-бытовых запросах бойцов. Благодаря четкой, оперативной, достоверной информации, пожалуй, никто в полку так хорошо не знал людей, их настроений, чаяний и боевых дел, как политаппарат. О значении партийно-политической информации хорошо сказал А. А. Жданов, один из выдающихся деятелей нашей партии, бывший член Военного совета Ленинградского фронта. Партийно-политическая информация на фронте, говорил он, — это вышка, с которой все видно.

Верные слова.

Много цепного мы черпали из опыта работы политотдельцев нашей дивизии и корпуса. О некоторых из них я уже рассказывал. Считаю своим долгом отметить большую помощь, оказанную мне начальником политотдела дивизии Григорием Андреевичем Бойченко. На этом посту он сменил полковника И. П. Чибисова, назначенного начальником политотдела корпуса. Впервые в наш полк Бойченко прибыл 23 апреля. Познакомившись с М. Г. Шульгой, парторгом полка П. Г. Поштаруком, работниками штаба, Григорий Андреевич расспросил меня о том, какие трудности испытывают в работе замполиты батальонов, парторги подразделений, о состоянии марксистско-ленинской подготовки командного состава, о тех вопросах, которые волнуют личный состав. Я почувствовал, что новый начподив очень доброжелательно относится к людям, их запросам. Живой по натуре, общительный и принципиальный человек, Бойченко, как я

убедился, обладал тем острым партийным чутьем, которое позволяло ему быстро улавливать пульс партполитработы, беспристрастно оценивать ее состояние. Высшим критерием оценки стиля и методов работы замполитов частей Григорий Андреевич считал результативность, а не количество проведенных партийных собраний, совещаний, политзанятий, бесед. Помню его рассказ о парторге соседнего с нами полка. Целыми днями этот парторг ходил по подразделениям, сказал начподив, Вроде бы все время он был занят, но конкретных результатов достигал маловато. Почему? Потому, что увлекался количеством бесед и мало заботился об их действенности.

Правильно поняв начальника политотдела, П. Г. Поштарук раскрыл свой блокнот и стал докладывать о том, где и что он делал в ходе боев, проходивших с 15 по 23 апреля. Оказалось, что за эти девять суток Павел Григорьевич побывал в обоих батальонах, участвовал вместе с ними в боях, помогал ротным парторгам в организации партийной работы, подготовил к приему в партию нескольких бойцов, представлял их на заседании дивизионной парткомиссии.

— Как пополняются первичные парторганизации вашего полка? — спросил Бойченко.

— За три недели принято в партию двадцать четыре красноармейца и командира.

— Во всех ли ротах имеете парторгов?

— Да, во всех. Но за последние девять дней в некоторых ротах дважды приходилось назначать новых парторгов вместо выбывших из строя в ходе боев.

— Какие вопросы обсуждаете на заседании полкового партийного бюро?

— Двадцать первого апреля, например, слушали доклад парторга минроты Кузьмича о работе с молодыми коммунистами. Ранее разбирали заявления о приеме в партию, обсуждали вопрос об авангардной роли коммунистов в бою, об усилении партийного руководства комсомольскими организациями, о пропаганде боевых традиций полка…

— Часто отвлекаете парторга от его основных дел? — спросил меня Бойченко.

— Случается, — ответил я. — Иногда оставляю его вместо себя на НП командира полка, иногда он готовит политдонесения.

Начподив, по-видимому, остался доволен нашей информацией. Обратив внимание на необходимость усиления индивидуальной работы с людьми, он познакомил нас с задачами, которые предстоит решать на марше к новому участку фронта. Григорий Андреевич подчеркнул, что марш будет

нелегким и что следует заблаговременно подготовиться к нему, помочь командирам обеспечить высокую дисциплину и бдительность на марше, позаботиться о четкой работе тыловых подразделений.

В свете указаний, полученных от начподива, мы разработали и осуществили практические мероприятия по обеспечению всесторонней подготовки личного состава к маршу и новым боям. Мне удалось выкроить время для обобщения опыта работы батальонных парторганизаций в предыдущих боях. Я снова обратился к дневниковым записям парторга 2-го батальона И. В. Нечесова. Частично я цитировал те фрагменты из этих записей, которые относились к периоду подготовки батальона к наступлению. Теперь сошлюсь на фрагменты, фиксирующие штрихи работы батальонного парторга Нечесова в период наступательных действий.

«15.04. Актив. Взято в плен 15 немцев, захвачена деревня Гожице. Парторг 5-й роты Марков ранен. Заменяю его опытным коммунистом…»

Далее Нечесов занес в дневник фамилии бойцов и командиров, погибших или выбывших из строя по ранению. Такой учет был полезен. В часы затишья между боями парторг писал письма родителям воинов, погибших в бою.

«16.04. Ранен коммунист Насекин. Убит герой боя старшина Николай Сова. Оба заслуживают боевых наград.

Участвовал в наступлении 4-й роты. После атаки беседовал с ранеными.

Выпущены листовки об отличившихся в атаке.

Доложить комбату, его замполиту об отличившихся в бою Ганине, Снегиреве, Карпове, Кравце, Беляловой, Асанове, Ибрагимове. Все они достойны наград.

17.04. Снова отличились в бою телефонист Стельмах, радист Фролкин, красноармеец Морозов.

Батальон взял в плен 16 гитлеровцев. Захватил трофеи — рацию, 8 гранатометов, 7 пулеметов.

Вместе с 6-й стрелковой и пулеметной ротами участвовал в бою. Ночью в окопах провел совещания коммунистов обеих рот. Подвели итоги дневного боя. Выступили коммунисты Радченко, Гудалин, Гришин.

Приняли новое пополнение — 28 человек. Все — советские граждане, освобожденные из немецкого плена или репатриированные с территорий, ранее оккупированных фашистами. Беседовал с ними. Фашизм ненавидят. Рассказал им о боевых традициях полка, батальона.

18.04. Отличился и представлен к награде красноармеец

Андраилов. Взял в плен двух фрицев. Связной Андреев забросал гранатами подвал с гитлеровцами. Командир взвода Родионов первым поднялся в атаку. Хорошо обеспечивала эвакуацию раненых фельдшер роты Рашевская. Представлена к награде.

Парторг 6-й роты Гришин выпустил за день 6 листовок, рассказав в них о мастерах боя.

С комбатом Луковым, его замполитом Ботовым обсудили вопрос о работе ротных парторгов. Отличные боевые вожаки. Представили к орденам Гусева, Маркова, Гришина. Александр Гришин представлен к ордену Славы I степени. Уверен, будет у нас полный кавалер ордена Славы.

19.04. Отличился красноармеец Тубрунек, крестьянин из Закарпатской Украины, — в 80 метрах от противника не раз проползал с боеприпасами. Рассказать закарпатцам.

Минометный расчет в составе Досанова, Нарханова, Бизюка уничтожил вражеский пулемет, рассеял до взвода гитлеровцев. Благодаря этому батальон смог продвинуться за дамбу. Поздравительные письма командира полка передали минометчикам и пулеметному расчету Радченко.

Проведена беседа со связистами.

Из 4 немецких самоходок, пущенных сегодня против батальона, 2 сожжены нашими артиллеристами.

20.04. Проведен ряд бесед в 5-й роте.

Представлено к наградам 26 человек.

21.04. Провел собеседование с товарищами, подавшими заявления в партию.

22.04. Участвовал в бою на западном берегу реки Ольши. После боя беседовал с красноармейцами 5-й роты. Рассказал им о подвигах гвардейцев батальона.

23.04. С товарищами, которые готовятся вступить в партию, провел занятия: «Устав ВКП(б) — закон жизни коммуниста».

Ночь на 24.04. Батальон — на марше. Нахожусь в пулеметной роте…»

Нам стало известно, что 22 апреля 60-я армия 4-го Украинского фронта заняла чехословацкий город Опаву и что это обстоятельство внесло существенную поправку в ситуацию, сложившуюся для нашего 3-го горнострелкового корпуса, а следовательно, и для нашей дивизии, ее полков. Для того чтобы полнее и точнее охарактеризовать обстановку в этот период, сошлюсь на воспоминания бывшего командующего 4-м Украинским фронтом генерала армии (впоследствии Маршал Советского Союза) А. И. Еременко. В своей книге «Годы возмездия» он пишет, что овладение Опавой позволило ему

принять решение брать город Моравска Остраву не в лоб, а обходным маневром. Почему? «Брать в лоб, выкуривать засевшего там врага артиллерийским огнем и бомбовыми ударами авиации, — отмечает А. И. Еременко, — значило подвергнуть разрушению индустриальное сердце дружественной страны. Советские воины стремились вернуть чехословацкому народу его шахты, домны, мартены, заводы и фабрики, не причинив им ущерба, чтобы страна поскорее встала на ноги».

В соответствии с этим решением командующего была произведена перегруппировка войск. К исходу 29 апреля наши войска вплотную подошли к Моравска Остраве, расположившись для штурма города.

38-я армия должна была наступать с запада и юго-запада, 1-я гвардейская армия — с севера. Что касается нашего 3-го корпуса — он временно был выведен из оперативного подчинения 1-й гвардейской армии. Ему было приказано наступать с юго-запада в направлении Гуловчец, Витковице, Слатино. Корпус был усилен 322-й стрелковой дивизией. Наша 128-я гвардейская горностелковая дивизия должна была наступать с западного берега Одера на город Забржек-на-Одере (часть Моравска Остравы).

В ночь на 24 апреля наш полк из района Гожице совершает марш в заданный район. Маршрут дивизии: Гожице, Пшув, Ратибор, Заудиц, Краварже, Сухе-Лезце, Гуловчец. Шел дождь. Марш был трудным. В пути полк находился до утра 25 апреля. Шли почти без отдыха — всего было несколько коротких привалов и одна четырехчасовая остановка, чтобы просушить одежду и обувь, немного поспать. Слабых и больных пришлось рассадить но повозкам. Весь основной груз, кроме личного состава, находился тоже на повозках. Жалоб на трудности марша я не слышал.

Под вечер полк переходил через реку Одер и село Крейценорт. Это было на стыке старых границ Польши, Германии и Чехословакии. Крейценорт — немецкий населенный пункт. Полк остановился недалеко от него. Впереди рвались снаряды. Надо было выяснить, как проскочить без потерь. Шульга забрался на своего коня и поскакал к разведчикам. Тяжелое, низкое, набухшее дождем небо давило на землю, на людей. Было бы совсем темно, если бы не багровый закат. Он, словно кровяная река, узкой полосой разлился по горизонту. Я стоял с товарищами на обочине дороги и смотрел на немецкое село, на его красные черепичные крыши с остроконечными башенками. Из села тянуло гарью, догорало какое-то строение. Кажется, знакомая, не раз уже виденная картина войны. И все же в этой

картине было нечто новое: до сего времени горели советские города и села, польские, чехословацкие, теперь мы видели горящее немецкое село.

Мои мысли невольно перенеслись в родные края, в суровый 1918 год, когда родные братья ушли в Красную Армию, чтобы отстоять Советскую власть. В том же году отец вступил в одну из первых в стране сельскохозяйственных коммун. 17-летним парнем я вступил в Коммунистическую партию, чтобы в ее рядах строить социализм и коммунизм. И вот, когда Советская страна, никому не мешавшая и ни на кого не собиравшаяся нападать, пользовалась плодами своих мирных побед, в это время гитлеровская Германия обрушила на нее бомбы, танки, послала орды убийц и грабителей. Они разрушили тысячи городов, сожгли десятки тысяч сел. Своими чудовищными зверствами они хотели запугать мой народ, поставить его на колени. Не вышло!

Конечно, мы никогда не отождествляли и не отождествляем гитлеровских захватчиков со всем немецким народом. Мы едины во мнении с немецкими коммунистами, с их позицией, выраженной в воззвании Центрального Комитета Компартии Германии к немецкому народу. В этом документе, опубликованном 11 июня 1945 года, в частности, говорится: «Вину несут все те немцы, которые видели в политике вооружения «величие Германии» и приняли дикий милитаризм, марши и военную муштру за высшее благо для нации. Наше несчастье заключалось в том, что миллионы и миллионы немцев пошли на поводу нацистской демагогии, что яд звериной расовой теории «борьбы за жизненное пространство» смог отравить организм народа. Наше несчастье состояло в том, что широкие слои населения предали забвению чувство человеческого достоинства и справедливости и пошли за Гитлером потому, что он обещал им хороший обед и ужин за счет других народов в результате войны и грабежа».

…Глядя на немецкое селение, я сказал товарищам:

— Ну вот и дошли…

— Не все нашим плакать, пускай поплачут и фашисты, — отозвался парторг полка П. Г. Поштарук.

— Долго я шел до этого рубежа, — молвил Иван Нечесов.

— А что бойцы говорят? — спросил я.

— О, когда на привале объявили, что на немецкую территорию мы вступим вечером, только и разговору о том, что дошли наконец до гитлеровской Германии, теперь и войне скоро конец… Вспоминали, кто когда пришел на фронт, где воевал, у кого какой счет к фашистам, — рассказывал замполит батальона В. И. Ботов.

— Счет, говоришь, подбивают? — переспросил я.

— А как же! — ответил Василий Иванович. — Все надо вспомнить, все подсчитать и заставить нести ответственность.

Мысль эта — относительно счета — была не новая, но повторенная сейчас, перед этим горящим немецким селом, она заставила меня задуматься.

— Конечно, то, что мы говорим сейчас, что говорят наши бойцы и командиры о счете к фашистам, все это понятно и объяснимо. И счет мы предъявим. Можно не сомневаться, что он будет сполна предъявлен Советским государством. Но нам надо иметь в виду, что гитлеры приходят и уходят, а народ остается. Поэтому надо сейчас позаботиться о том, чтобы красноармейцы и командиры лояльно относились к трудовому немецкому населению, налаживали с ним контакты. Врагов в открытом бою будем уничтожать, преступников — вылавливать и судить, а с трудовым населением терпеливо работать, как подобает коммунистам…

Должен сказать, что наши опасения оказались напрасными. Советские воины, как и весь наш советский народ, показали себя истинными интернационалистами, умеющими перешагнуть даже через такую пропасть, какую вырыл немецкий фашизм между немцами и гражданами Советского Союза. Я не помню ни одного факта неподобающего отношения военнослужащих нашего полка к немецким пленным или рабочим, крестьянам, служащим.

…В первой половине дня 25 апреля, оставив позади город Опаву, полк сделал остановку в лесу, возле хутора Свобода: Моравска Острава была юго-восточнее нас. Нам дали двое суток, чтобы ввести в строй пополнение, полученное полком. Задача не из легких, если иметь в виду облик наших новых бойцов. Одна группа их, более ста человек, — это соотечественники, призванные в армию полевыми военкоматами 4-го Украинского фронта на территориях германского рейха. Люди эти были вывезены из Советского Союза немецкой оккупационной администрацией на работы в Германию или были освобождены Красной Армией из лагерей военнопленных. Вторая группа — 200 человек — жители Краковского воеводства Польши, украинцы по национальности, пожелавшие переселиться в Советский Союз и изъявившие желание служить в Красной Армии.

В войну мне довелось проходить с войсками через эти края. Должен сказать: бедность ужасающая — покосившиеся хибарки с земляным полом и с полным отсутствием какой бы то ни было мебели, не было даже скамеек, табуретов и столов; ребятишки с рахитичными головами и животами, потому что питались почти

исключительно картофелем; плохо одетое население. Неграмотность, забитость, бескультурье.

Нам предстояло за двое-трое суток подготовить новый отряд бойцов Красной Армии. Вместе с И. Я. Науменко мы пошли побеседовать с пополнением, рассказать об обстановке на советско-германском фронте, о наших задачах на завершающем этапе борьбы. Беседа показала, что люди рвутся в бой, хотят внести свой вклад в дело разгрома фашистской Германии. Но они еще не умели воевать. Нельзя было терять ни одного часа. Мы мобилизовали ветеранов полка, всех опытных красноармейцев и сержантов на оказание всемерной помощи командирам в обучении новобранцев.

29 апреля полк сосредоточился в районе населенного пункта Янова перед рекой Одер, юго-западнее Моравска Остравы. На рассвете 30 апреля наша дивизия вступила в бой с задачей овладеть районом Моравска Остравы — городом Витковице.

При поддержке авиации и во взаимодействии с чехословацкой танковой бригадой части дивизии уничтожили противника на западном берегу Одера и, форсировав реку, завязали уличные бои в городе Забржек-на-Одере. Бой шел весь день. К вечеру наши части ворвались в Витковице. Очищая квартал за кварталом, они продвигались вперед. Полк вышел на окраину Витковице, а потом к Моравска Остраве.

С наступлением ночи бой разгорелся с новой силой. Несколько тысяч гитлеровцев, окруженных в Моравска Остраве, ринулись в яростную контратаку и, не считаясь с потерями, пытались прорваться в горы. До утра во всех районах города шли ожесточенные уличные бои. Лишь незначительная часть гитлеровских войск прорвалась на юг, в горы. План немецкого командования — задержать Красную Армию на рубеже Моравска Остравы — был сорван. Гитлеровцы потеряли в Моравска Остраве большое число солдат и офицеров, много техники. Наши войска, не останавливаясь, продолжали движение к городу Оломоуцу, прикрывавшему чехословацкую столицу Прагу.

Не могу не рассказать о некоторых эпизодах боев.

Когда полк приближался к Моравска Остраве, мне позвонил начальник политотдела дивизии подполковник Г. А. Бойченко. Он сообщил, что Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин считает необходимым освободить Моравска Остраву 30 апреля. Мы знали, что 30 апреля Красная Армия начнет штурм Берлина. Командир дивизии и начальник политотдела распорядились, чтобы указания Верховного Главнокомандующего как можно быстрее довести до всего личного состава.

Я вызвал политработников и некоторых штабных офицеров

на инструктаж. После него мы направились в подразделения. Разъяснили воинам боевую задачу. Вскоре полк пошел в бой под лозунгом «Даешь Моравска Остраву!».

Мне довелось рассказать о требовании Верховного Главнокомандующего во 2-й стрелковой роте старшего лейтенанта М. Б. Балова. Красноармейцы и командиры заявили, что не пожалеют сил, чтобы выполнить задание командования.

Пока я беседовал во взводе лейтенанта Трифонова, красноармеец принес листовку. Ее прислал замполит батальона Игнатьев. Трифонов прочел листовку бойцам.

«Листок-молния.

Прочти. Быстрее передай товарищу.

Гвардейцы!

Перед нами река Одер. Применяйте любые средства для переправы и стремительно перебирайтесь на ту сторону! Не оглядывайтесь, инициатива полностью в наших руках, гитлеровцев теснят справа и слева. Смелее вперед! Победа будет за нами. Даешь Моравска Остраву!»

Одер я форсировал вместе с ротой Мухтара Балова. Глубина реки не достигала и метра. Часть бойцов шла по воде, а другая перебралась по наскоро построенному мосту. В роте было человек 40. Значительных потерь при форсировании не было. На восточном берегу продвижение роты задержал артиллерийский и ружейно-пулеметный огонь противника. Танки чехословацкой бригады ушли вперед, противник усилил стрельбу.

— Давай мне старшину Чербачиева, — приказал Балов командиру взвода Трифонову.

Тот позвал Чербачиева.

— Бери отделение и, маскируясь, выдвигайся вон к тому дому. — Балов указал старшине на окрашенный дом. — Уничтожить пулемет, он где-то на чердаке.

Чербачиев побежал выполнять задание, а Балов с ротой занял окоп на берегу Одера.

Сложнее все получилось в 6-й стрелковой роте, наступавшей левее роты Балова. Я следил за переправой взвода гвардии старшего сержанта А. А. Гришина. Рота форсировала Одер под огнем противника. Вражеская артиллерия пыталась остановить наших бойцов на обоих берегах. Я видел, как Гришин, поднявшись из воронки на западном берегу, бросился вперед. И вот он уже в реке, за ним бегут и другие. Рота на восточном берегу. Гришин бежит дальше. Рядом с ним Иван Нечесов. Вражеский снаряд упал прямо в группу наших бойцов. Люди шарахнулись в сторону, попадали. Два красноармейца остались лежать. К ним уже бежала фельдшер.

В окопе на берегу Одера рота Балова оставалась недолго. Чербачиев ракетой дал знать, что путь свободен. Действительно, немецкий пулемет не стрелял. Рота вышла на площадь перед заводом в поселке Забржеге и вновь была остановлена гитлеровцами, стрелявшими из небольшой рощи. И вновь Чербачиев, взяв свое отделение и отделение сержанта Матвеева, быстро начал обходить рощу. Но к полудню из рощи вышла большая группа пьяных немецких солдат. Она начала преследовать два наших стрелковых отделения, в которых насчитывался десяток бойцов. Чербачиеву и Матвееву пришлось вернуться в окоп, занятый взводом Трифонова. Стали всем взводом отражать атаку гитлеровцев. Балов выдвинул свой пулемет на чердак. Свинцовый удар пуль, мины — все это обрушилось на немецких солдат, лезших на 2-ю роту. Завершила уничтожение гитлеровцев наша самоходка — ее привел Чербачиев с соседнего участка. Она несколькими выстрелами перебила группу вражеских солдат. Рота Балова продолжала двигаться в глубь города.

В. И. Чербачиев был легко ранен в руку. Из санроты он вернулся к следующему утру.

Связной, явившийся с запиской от комбата Юркова к Балову, нашел нас на площади перед заводом. Он же принес мне записку младшего лейтенанта В. И. Борунова, адъютанта командира полка. В записке сообщалось, что мне надо прибыть к командиру полка. Оказывается, звонил начальник политотдела, сообщил, что взят Берлин и что Москва предстоящей ночью будет салютовать войскам, взявшим штурмом город Моравска Остраву. Весть эта вызвала огромную радость. С повой энергией гвардейцы бросались в атаки и громили врага. В ту же ночь многих из них — Балова, Чербачиева, пулеметчиков Палия и Гнатышева, стрелков Рогозина, Савина и других — мы представили к правительственным наградам.

В ночь на 1 мая в городе непрерывно шел бой. Связь со штабом дивизии почти отсутствовала. Кабель рвался. Радиосвязь была неустойчивой. Нерегулярной была и связь с подразделениями полка. Ее в основном поддерживали через офицеров связи и посыльных.

В городе находились довольно многочисленные немецкие части, потерявшие общее управление. Все они стремились уйти из города, беспорядочно атаковали, стреляли. Бои с разрозненными группами вспыхивали повсеместно. В небо взлетали, рвались мины, снаряды, фаустгранаты, визжали пули. И все это шумело, свистело, грохотало. Иногда гитлеровцы шли по ночным темным улицам города колоннами. Поскольку враг не сдавался,

приходилось усиливать удары, уничтожать его. Так именно было на одной из улиц города, когда артиллеристы из нашей полковой батареи в упор расстреляли большую фашистскую колонну.

Командный пункт полка в этом ночном бою размещался в здании школы. Командир полка и его штаб постоянно испытывали затруднения из-за неустойчивости связи с батальонами и артиллеристами. То один, то другой офицер штаба бежал в подразделения с приказами и распоряжениями. Конечно, управлять полком в таких условиях было трудно. Решающим становилось знание каждым командиром в любом звене, да и не только командиром, но и каждым бойцом задачи полка, ибо действовать надо было упорно и целеустремленно, чтобы обеспечить выполнение плана боя. Наши командиры подразделений оказались на высоте: зная сектор города, где надо действовать, приблизительно зная, где должен быть тот или иной начальник, они умело организовали боевые действия и тем самым обеспечили и взаимодействие между силами и средствами полка.

В ходе ночного боя командный пункт полка оказался под ударом группы противника. Большая колонна немцев сбила автоматчиков, оборонявших КП, и атаковала его. В завязавшемся бою, в котором участвовали все, кто был на командном пункте, были ранены адъютант командира полка Гулий и, еще несколько человек. Наши бойцы взяли в плен немецкого полковника и майора.

В ночном бою мы несли значительные потери. Тогда же погиб парторг 2-го батальона гвардии младший лейтенант И. В. Нечесов. Немцы обстреляли группу наших бойцов, с которой он находился, фаустпатронами.

Уже после войны я обратился к А. А. Гришину с просьбой сообщить подробности гибели И. В. Нечесова. Я видел Ивана Нечесова 30 апреля на Одере вместе с Гришиным, в 6-й стрелковой роте. Александр Гришин ответил мне: «В своем письме Вы мне прислали фотокарточку Нечесова. Да, это Иван Нечесов, я его узнаю. Прошло более 20 лет, но он в моей памяти все еще как живой, как будто мы с ним только что расстались. Он был у нас парторгом в батальоне, и последние дни войны мы шли с ним в наступление почти всегда вместе. При бое за Моравска Остраву, я помню, мы с Ваней Нечесовым продвигались от дома к дому. В одном доме мы с ним остановились, освободив чехов из подвала (их туда заперли немцы, но не успели расстрелять, мы помешали). Освободили — и пошли дальше, бой не ждет. В ночь на 1 мая в городе трудно было понять, где немцы, а где наши, и в этой толчее мы разошлись с Нечесовым, я уже не помню, где и

как. Утром я узнал, что Иван погиб. Это была большая утрата для батальона, мы потеряли замечательного коммуниста и товарища».

Обстоятельства, при которых погиб Нечесов, более подробно описал мне И. И. Королев, ныне офицер запаса, а тогда, в сорок пятом, — сержант-связист: «Нечесова я видел за час-два до его гибели. В боях за Моравска Остраву я обеспечивал телефонно-кабельную связь от КНП полка до 2-го батальона. Командно-наблюдательный пункт батальона располагался в небольшом доме, недалеко горел завод. Поздно вечером 30 апреля Нечесов в плащ-палатке, накинутой на плечи, явился в штаб батальона. Он пришел из какой-то роты, сейчас уже не помню точно. Спустя некоторое время рядом с нашим КНП началась сильная перестрелка. Оказывается, подошла группа немцев (сколько их было, ночью не удалось рассмотреть), они хотели пробиться из города. Все, кто был на КНП, выскочили из дома и начали отбиваться от наседавших гитлеровцев. Нечесов возглавлял группу бойцов, которые правее нас, связистов, вели бой. В эту ночь мы не отдыхали — вся она прошла в острых схватках. Сколько их было — пять, десять — не помню, одна схватка следовала за другой. В один из моментов подошла к КП наша рота, и Нечесов ушел с ней. На рассвете я увидел Нечесова мертвым — он лежал возле дороги, у небольшого мостика через ручей, там же лежали и другие погибшие в ночном бою. Всех их, героев ночной схватки с врагом, перевезли для захоронения на полковое кладбище где-то на окраине города…

Об Иване Васильевиче Нечесове у меня сохранилась хорошая память. Был он очень прост, доступен, близок к красноармейцам».

Утром 1 мая мне передали партбилет Ивана Васильевича Нечесова, 1917 года рождения, члена партии с 1943 года. Похоронили его вместе с другими гвардейцами 327-го полка, погибшими в Моравска Остраве, в городе Забржек-на-Одере 1 мая 1945 года.

Через 25 лет после гибели И. В. Нечесова бывший командир 2-го батальона Ф. Г. Луков писал мне: «Надо вспомнить хорошими словами парторга батальона И. В. Нечесова — неутомимого и боевого партийного работника, всеми нами уважаемого отличного человека».

Мы потеряли многих в Моравска Остраве — прах их приняла древняя земля чешского народа, за свободу которого они и сложили свои головы.

В течение ночи наша полковая пушечная батарея с боем продвигалась по улицам Моравска Остравы, дошла до центра

города. Рассвет застал ее у ратуши. Бой закончился. Несмотря на раннее время, из домов вышли жители. Они приветствовали наших бойцов и командиров как своих освободителей. Улыбки, объятия, слезы радости — все это выражало неподдельную благодарность рабочих Моравска Остравы, стального сердца и угольной кочегарки Чехословакии, воинам Красной Армии, принесшим народу свободу.

Утром 1 мая 1945 года старший лейтенант А. А. Рыбин повел от ратуши батарею на запад, вслед за полком, выступившим на Оломоуц.

Не знал, да и не мог знать тогда Анатолий Рыбин, что он вернется сюда, в Моравска Остраву, через 23 года уже подполковником вместе с нашими войсками, чтобы еще раз помочь чехословацкому народу, защитить его от врагов. В 1945 году Красная Армия помогла народам Чехословакии избавиться от немецко-фашистской оккупации и приступить к строительству новой жизни, а в 1968 году она помогла трудящимся социалистической Чехословакии сохранить свои завоевания в жестокой борьбе с силами внутренней и внешней контрреволюции.

Ранним утром 1 мая сорок пятого года полк собрался на дороге, ведущей из Моравска Остравы на юго-запад. «Кукурузники» — самолеты У-2 — доставили в роты горячую пищу. Бойцы завтракали, радостные от сознания победы, возбужденные.

Когда завтрак закончился, мы провели полковой митинг. Он был коротким. Я зачитал приказ № 353 Верховного Главнокомандующего от 30 апреля 1945 года; всему личному составу полка за взятие Моравска Остравы в этом приказе была объявлена благодарность. Выступил Балов, еще кто-то, уже не помню, и в заключение — командир полка М. Г. Шульга.

— Ну, орлы, на Оломоуц! — провозгласил Михаил Герасимович вместо команды.

И полк колоннами двинулся на юго-запад.

Предстояли новые бои. Но мы уже были у финиша.

Радость светилась на лицах моих однополчан — радость близкой победы.

Глава 8
Здравствуй, Родина любимая!

Враг бежал на запад. Бежал, яростно огрызаясь на выгодных рубежах. Сильно был укреплен и насыщен войсками район Оломоуца. Подступы к нему с востока прикрывались мощной системой огня. Здесь наш 3-й горнострелковый корпус упорно взламывал оборону противника. Она опиралась на глубокий противотанковый ров и систему старых фортов. Оломоуц — узел дорог — немецкое командование стремилось удержать, чтобы дать возможность своим потрепанным войскам уйти в глубь Чехословакии.

Моральное состояние немецких войск после 30 апреля, когда пал Берлин, резко снизилось. И тем не менее наши части в Чехословакии, особенно на оломоуцко-пражском направлении, имели перед собой еще довольно боеспособного противника.

Командовал немецкими войсками в Чехословакии по-прежнему Шернер, матерый фашист, который вместе с преемником Гитлера гросс-адмиралом Деницем делал все возможное, чтобы увести фашистскую армию на запад и сдать ее американо-английским войскам, избежав капитуляции перед Красной Армией. Фашистские руководители Германии все еще рассчитывали договориться с США и Великобританией.

Крупный бой произошел у селения Грабувка, где немцы не выдержали нашей атаки. К 18.00 мы освободили и село Нова-Бялу, недалеко от Грабувкн. Командир батальона Юрков после захвата Грабувки, не мешкая, организовал наступление на село Нова-Бяла, воспользовавшись тем, что немецкая артиллерия стреляла беспорядочно. Огонь велся вслепую, без разведки целей, без точного корректирования. Наши роты стремительно обходили зоны огня и без значительных потерь заняли село.

Пожалуй, отважнейшим среди отважных в этот день был М. А. Игнатьев, заместитель командира 1-го батальона по политчасти. Он появлялся на решающих участках боя и личным примером увлекал бойцов и командиров. Вечером я говорил Михаилу Андреевичу:

— Конечно, война еще не кончилась. И тем не менее надо беречь людей и себя. Пускай часом позже, но все равно гитлеровцы село сдали бы…

— Все это так. Но вы и сами недалеко были…

— И меня надо одернуть. Победа не за горами.

— Вот и оно-то, близкая победа пьянит. И радует. Понимаете

— словно крылья выросли, поднимают и несут вперед. И обо всем забываешь…

Старший лейтенант Игнатьев, обычно сдержанный, сейчас говорил горячо, с подъемом. Все мы тогда были в таком настроении.

К нам подошел капитан Юрков. А Михаил Андреевич, обращаясь ко мне, продолжал:

— А вы видели, товарищ гвардии майор, как артиллеристы красиво действовали?

— А как же, орлы!

— Да, орлы! Здорово нам помогли, — сказал Юрков.

Игнатьев и Юрков были правы в оценке артиллеристов. Взвод Оничко с двумя пушками шел со стрелковой ротой. Рота залегла перед селом под огнем немецких орудий. Оничко на открытой позиции развернул пушки и обрушился на гитлеровцев. Немецкие солдаты бросили свои позиции и удрали. Рота заняла восточную окраину села Нова-Бяла. В первой цепи атакующих бежал Игнатьев, рядом с ним — лейтенант Аленович, командовавший ротой.

Да, молодец был парторг Оничко, хороший командир взвода, опытный артиллерист. Уже после того как батальон ворвался в село, Оничко выдвигал свои орудия на прямую наводку и расчищал путь стрелковому батальону. В Нова-Бяле наши пушкари подвергли разгрому арьергардную группу немцев человек в тридцать. Эта группа пыталась прикрыть отход автоколонны с отступающей войсковой частью, но не выдержала нашего артиллерийского огня и пустилась в бегство. При этом большинство немецких солдат погибло. Автоколонне пришлось спешно уходить от наших снарядов. Одну из автомашин артиллеристы успели поджечь.

В этом же бою мне представилась возможность наблюдать дерзкие действия Турхунбая Ахмедова. Минометный расчет сержанта Кузьмича из батареи 107-мм минометов метким огнем подавил сопротивление пехотного взвода противника, находившегося на окраине села. Ахмедов со своим взводом бросился к немецкому окопу. Гитлеровцы пытались отбить атаку наших гвардейцев, но это им не удалось. В окоп полетели гранаты, вслед за ними ворвался Ахмедов со своими бойцами. Все было сделано уверенно, стремительно.

Ночью полк отдыхал, короток и неприхотлив солдатский отдых. Поужинав из походных кухонь, бойцы улеглись прямо на земле, завернувшись в плащ-палатки, ротами, чтобы не блуждать в поисках своего подразделения, если начнется ночная тревога.

Бодрствовать остались часовые. Командному составу не пришлось отдыхать — одолевали неотложные заботы. Надо было учесть потери и трофеи прошедшего дня, представить отчеты и объяснения старшим начальникам, получить и уяснить задачу для боевых действий на предстоящий день… Бодрствовали и политработники, партийные активисты — им тоже не хватало времени: следовало помочь заполнить анкеты вступающим в партию, провести заседание партбюро, ротное партсобрание, проинструктировать комсоргов, агитаторов…

Разведка доложила, что противник остановился и занял оборону в деревнях Светлов и Кремлин. С подходом к этим населенным пунктам завязался бой. На него ушел весь день. Дело в том, что гитлеровцы, отступая, не успевали избегать нашего преследования. Почти во всех населенных пунктах они оставляли сильное прикрытие, оборонялись, не жалея мин и снарядов, тем более что при отступлении приходилось бросать много боеприпасов. Нам надо было почти каждое село брать с боем, стремительными атаками, часто — прямо с марша, без артподготовки.

В деревню Светлов мы вошли с севера. Вплотную к ее окраине подступал лес. Из этого леса мы выдвинулись к окраинному домику. Приближались сумерки. На моих глазах боец нашего полка вывел из дома 6 гитлеровцев. Они держали руки поднятыми над головой. Мы с Шульгой подошли ближе. Заметив нас, пленные заговорили, повторяя одно и то же: «Гитлер капут», «Гитлер капут».

— Красноармеец Нешивец! — представился нам конвоир.

— Где захватили?

— В этом доме. Ели курицу. Рота ушла в село, наступать. А мне ротный приказал проверить крайние дома. Говорит, прочеши, не спрятались ли фрицы.

— Вы один?

— Двое нас. Но товарищ пошел посмотреть в том доме, — указал Нешивец на избу напротив нас. — А я заглянул сюда. А тут — фрицы.

— Стреляли они в вас?

— Нет. Только наставили автоматы и что-то бормотали, вроде — отпусти, мол, и показывали в сторону леса, близко, мол, убежим. Золотые и серебряные часы предлагали. Я наставил карабин и говорю: «Руки вверх! Бросай оружие!» Тогда вот этот, рыжий, закричал: «Не надо стреляйт! Гитлер капут». И бросил автомат. И остальные бросили оружие, руки подняли.

Подошедшие связисты по приказанию М. Г. Шульги вынесли из избы трофеи. Михаил Герасимович стал их рассматривать, а я

продолжал беседовать с Нешивцом. Оказалось, ему 36 лет, призван в армию из Западной Украины в 1944 году. Беспартийный.

— Кончится война — поеду к себе, буду землю пахать, — сказал Нешивец. — Теперь есть у нас земля, Красная Армия помогла нам забрать ее у польских панов.

В листовке, написанной 2 мая, сообщалось, что в бою за Светлов показали вдохновляющий пример и вели всех за собой красноармейцы Нешивец, Иванов, Пархоменко и Атаманов. Все они представлены к правительственной награде.

Одну из листовок я послал со своим ординарцем Костей Точилиным красноармейцу Нешивцу. Ординарец, вернувшись, рассказывал, что Ф. В. Нешивец с благодарностью взял листовку, смутился, сказал, что прежде о нем нигде никогда не писали: «Пошлю своим на родину — пускай подивятся, что и Федор стал человеком».

Итак, бой за Светлов затих. Наступила ночь. Мы сидели в деревенской избе. Шульга что-то обсуждал с начальником штаба. При слабом свете свечи я торопился поскорее закончить политдонесение, чтобы хоть немного в эту ночь поспать. Меня окликнул Михаил Герасимович:

— Комиссар, закусим. Пора и о себе подумать.

— С полным удовольствием.

— Не только закусим, но и по ковшичку выпьем, — послышался окающий голос. Конечно же, это был Иван Федорович Агеев со своим характерным волжским акцентом.

— Агеев? — начал Шульга. — Откуда ты свалился? И потом — что за бескультурье?.. «По ковшичку», — передразнил Михаил Герасимович. — Ковшами можно какую-нибудь бурду пить… А мы люди культурные…

Подали ужин. Шульга разлил вино в кружки и предложил:

— Ну, по ковшичку. За победу нашу близкую, братцы!

— За победу! — поддержали мы его.

— За артиллеристов выпью прямо из бутылки, — сказал Румянцев.

Весельчак был Румянцев, хороший артиллерист, товарищ отличный. Все мы в полку его любили.

3 мая полк ненадолго вывели из боя, чтобы он приготовился к выполнению новой задачи. Было это утром. Полк только что занял лесной массив. Кругом — сосны, ели; лес ухожен, во всем виден порядок. Население окружающих сел и местечек, как видно, сюда не допускалось. Так оно и оказалось: вскоре мы

вышли к охотничьим домикам, блестевшим под утренними лучами солнца золотом сосновых досок.

Выйдя наружу, я оказался невольным свидетелем любопытного разговора. Группа бойцов из 3-й стрелковой роты осматривала домики. Солдаты цокали языками, охали, ахали, восторгаясь тишиной, лесом, комфортом.

— Вот бы нам такое… лес, домики, — говорил один из бойцов.

По акценту я понял, что этот боец из украинцев, которые пришли к нам в полк из-под Кракова.

— А что бы ты стал делать? — поинтересовался другой.

— В аренду сдал бы панам, большие деньги получил бы…

— Тю, дурья твоя башка, — отозвался третий боец. — Вон куда тебя потянуло! Как же ты с торгашескими думками в Советском Союзе собираешься жить?

— Дом отдыха был бы здесь хорош для рабочих людей, — по-хозяйски рассматривая виллу, сказал старшина Г. Г. Иванов. — Если бы это было у нас…

— Пальнуть бы в эти дома, или, как их… виллы, — со злобой сказал боец из Кракова.

— Это зачем же? — остановил его Жвавый, наш боец, из колхозников Приазовья. — Пускай добро остается людям.

— Людям? Папы вернутся — им и достанется, — недовольно буркнул краковец.

— Трудно сказать, как дело повернется, — промолвил Иванов. — Только думаю, что здешнему народу наша победа поможет подняться…

Я поддержал мнение старшины Иванова и красноармейца Жвавого.

Продвигаясь к Оломоуцу, дивизия заняла более десятка крупных населенных пунктов, захватив при этом 500 пленных. Один из самых ожесточенных боев пришлось выдержать в Штадт-Либаве, важном узле шоссейных дорог на пути отступления фашистской армии. Этот крупный населенный пункт был занят подвижным отрядом 327-го полка — усиленной 2-й стрелковой ротой. Вот что доложил мне тогда замполит командира 1-го батальона М. А. Игнатьев: «Рано утром 3 мая рота Балова, погруженная на три «студебеккера», начала боевой марш в качестве подвижной группы полка. Ехали по шоссе, на полном ходу проскакивая второстепенные населенные пункты. К вечеру, проделав 70 километров, подъехали к городу Штадт-Либава. Здесь располагался сильный немецкий гарнизон. К городку двигались колонны отступающих. Предстоял бой. Спешились,

развернули пушки, минометы и дали несколько залпов по шоссе, по городку, по развилке трех дорог, сходящихся в нем. Это вызвало панику у противника. На дорогах началась давка, поднялась беспорядочная стрельба. Воспользовавшись этим, рота ворвалась в городок, заняла развилку дорог. Пути отхода немцам с востока были отрезаны. С этого момента и началось самое трудное — рота удерживала перекресток до подхода 1-го батальона, который шел в качестве передового отряда полка и сменил нас в Штадт-Либаве. Рота, сев на автомашины, двинулась как подвижной отряд».

В характеристике для наградного листа на помощника командира стрелкового взвода гвардии старшину В. И. Чербачиева, действовавшего на развилке дорог в Штадт-Либаве, Балов писал, что Чербачиев с группой бойцов проявил высокое мужество, захватил в плен немецкого полковника.

Вместе с ротой Балова в Штадт-Либаве были и минометчики Груздева. Из-за домов и строений они обрушивали на колонны врага, пытавшиеся прорваться через городок, град мин. Пожалуй, минометчики и сыграли главную роль в дезорганизации противника, в разгроме вражеских колонн. Заслуги минометной роты в этом бою высоко оценило командование полка. Сам Груздев был награжден боевым орденом.

Управление полка прибыло в Штадт-Либаву на рассвете. Мы с Шульгой и Берлезевым заняли одноэтажный домик на развилке дорог, недалеко от того перекрестка, где закрепился взвод старшины Иванова. Поднялась яростная перестрелка. Я решил пойти на перекресток. Шульга остался у рации — связывался с комдивом. К Иванову напрямик нельзя было пройти, и мы с автоматчиком, сопровождавшим меня, сделали большой крюк. Наконец добрались до еще чадившей сожженной грузовой автомашины, лежавшей вверх колесами у развилки дорог. Здесь был командир пулеметного взвода Савин с одним пулеметом. Потом подошел старшина пулеметной роты Гудков.

— А где Иванов?

— Вот, рядом. Под плащ-палаткой…

— Давно?

— Только что.

Мне передали партбилет Г. Г. Иванова.

— Вы все видели? — спросил я Савина.

— Конечно. Я же с третьей ротой шел в передовом отряде. А потом вот с Ивановым — на этой развилке.

— Расскажите.

И я узнал подробности.

3-й роте пришлось вести бой, прежде чем она вышла к

развилке дорог, перекрытой старшиной Чербачиевым.

Сначала столкнулись на окраине городка с немецкой колонной, потом — в городке, где немцы заправляли свои автомашины и готовили к отправке большую колонну. Эти две группы сразу же начали отступать в западную часть городка, и 3-й роте пришлось сражаться целый час, пока не пришел на помощь Балов.

Балов со своей ротой уехал на автомашинах дальше. 3-я же рота заняла в городке две позиции: один взвод взял под обстрел и наблюдение дорогу, подходившую к перекрестку с севера, а Иванов со своим взводом оседлал перекресток и шоссе, идущее с востока.

Расставили пулеметы и орудия. За один из пулеметов лег Савин. Стали ждать, когда появится колонна или обозы. Было темно. Ждать пришлось недолго — через полчаса появилась большая колонна на автомашинах. Сколько-то автомашин все же прорвалось, большинство же ринулось назад — искать обходные пути. Много немцев погибло, человек 15 сдалось в плен. В подразделении Иванова был ранен только сам командир — и то легко. Потом шли одиночные автомашины, повозки, брели немецкие солдаты, офицеры.

К утру в село вошел 1-й батальон. Начался бой за его юго-западную часть. А взвод Иванова по-прежнему перекрывал развилку дорог. На рассвете показалась колонна немцев. Впереди ехали мотоциклисты. Румянцев скомандовал орудиям бить по колонне, а пулеметчики открыли огонь по мотоциклам. Три мотоцикла, не останавливаясь, мчались на Иванова. Два из них были подбиты, на одном ехал немецкий майор. Савин взял его в плен. А третий мотоцикл увертывался от пуль.

Бойцы увидели, как мотоцикл полетел в сторону. Рослый немец, которого взрывом гранаты отбросило в кювет, вдруг поднялся и выпустил из автомата очередь по Иванову. Савин срезал гитлеровца. Наши бросились к Иванову. Тот был уже мертв. Пули пробили сердце, грудь, живот старшины. Умер он, должно быть, мгновенно.

Григорий Григорьевич Иванов был типичным представителем передовой советской молодежи 30—40-х годов; он полностью отдал себя служению Родине, строившей социализм. Родился он в 1917 году, к моменту гибели ему исполнилось 28 лет. Был пионером, потом комсомольцем. В ноябре 1938 года призван Тихорецким военкоматом Краснодарского края в Красную Армию; с первого же дня войны — участник боев с немецко-фашистскими оккупантами. Был дважды ранен, награжден четырьмя боевыми орденами, многими медалями. На фронте стал

членом Коммунистической партии, вел активную партийную работу, возглавлял парторганизацию роты. Короткая, но яркая жизнь.

До слез жаль было этого хорошего человека. Война закончилась, а кровь все еще лилась. Правда, не везде.

— У нас гибнут люди, а на западе американцы принимают капитуляцию городов по телефону, — удивлялся Савин. — Я вчера читал: в американский штаб позвонили из немецкого города, спрашивали, когда господа американцы примут капитуляцию…

— Да, это так, — отвечаю Савину, который ждал, видимо, каких-то объяснений. — Фашисты ведут с нами классовую войну, жестокую, бескомпромиссную. Сейчас у них план — сдать Германию американцам и англичанам. Рыбак рыбака видит издалека… Одним словом, классовая общность.

5 мая началось вооруженное восстание в Праге и в ряде районов Чехии. Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Шернер приказал: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами».

Восставшие, как потом мы узнали, по радио обратились за помощью к Красной Армии.

Широко известно, что в связи с этим обращением Пражская операция 1, 2, 4-го Украинских фронтов, назначенная на 7 мая, фактически началась 6 мая. Ее целью было окружить группу армий «Центр» и еще до подхода американских войск к Праге принудить ее к капитуляции (на американцев-то и рассчитывал Шернер и фашистские заправилы Германии).

Действия наших войск спасли Прагу от разрушения, а многих ее жителей — от гибели.

Преследуя противника со второй половины 5 мая и до утра 7 мая, наш полк прошел через крупные населенные пункты Домштадт, Гибау, Доланы и вышел на подступы к Оломоуцу. Чтобы уйти от расплаты, гитлеровцы, сопротивляясь, в последние дни войны стремились уйти на запад и сдаться англо-американским войскам, найти там своих классовых союзников.

В период преследования противника партполитработа имела ряд особенностей, связанных с характером боев, протекавших в форме стремительных маршей и скоротечных схваток, в которых решающим фактором выступали не численное соотношение сил и средств борющихся сторон, а боевой дух войск, быстрота действий. Партийно-политическая работа, как и прежде, нами велась непрерывно. Она отвечала требованиям маршей и боевых действий с целью захвата узлов дорог, разгрома, окружения и

пленения противника.

К Оломоуцу полк подошел 7 мая с северо-востока. Километров за восемь от города в чистом поле мы попали под массированный огонь вражеской артиллерии и спешно отошли в лес. Но и в лесу противник не оставил нас в покое — от рубежа к рубежу падали артиллерийские снаряды, все дальше и дальше на северо-восток отбрасывая полк. Отошли километра на полтора. Снарядов немцы и на сей раз не жалели, разбрасывая их в разных местах на подступах к городу. Было очевидно, что командование противника хотело выиграть время для вывода своих войск и вывоза имущества из Оломоуца на запад. К счастью, наши потери были невелики, так как вражеская артиллерия стреляла вслепую, по карте, по площадям вероятного скопления наших войск.

В этот же день наша дивизия овладела местечком Хвалковице, пригородом Оломоуца и железнодорожным узлом.

Мы получили приказ командира дивизии до наступления темноты захватить группу домов на восточной окраине Оломоуца. В нашем распоряжении оставалось не более трех часов светлого времени.

Пока полк сосредоточивался и обедал, Шульга провел ускоренную рекогносцировку. Мы вышли на окраину поселка. Отсюда просматривались все направления предстоящего наступления.

В полосе наступления полка простиралась низменность, местами заболоченная. К западу от нее раскинулся город. Наступать можно было только по шоссе. Вдоль шоссе шли кюветы, местами заполненные водой и заросшие болотной растительностью. Справа, в отдалении от шоссе, — цепь небольших лесистых возвышенностей, занятых противником. Оттуда наши войска хорошо просматривались. Через каждые 5—10 минут немецкая артиллерия обрушивалась на шоссе.

— Вот это да-а, — протянул подполковник Шульга. — Если ринешься без головы, весь полк положишь… Начальник штаба, что скажешь?

— Что я скажу?.. Вести подразделения полка в наступление по этой открытой местности, без свободы маневра, без артиллерийской подготовки — это все равно что подставить полк под расстрел.

— Ну а как быть? — нетерпеливо спросил Шульга. — Задача поставлена, и время не ждет.

— Боевой приказ все равно надо выполнять. — Начальник штаба остановился, раздумывая.

Шульга некоторое время всматривался в окраину города, в шоссе, ведущее к домикам, потом повернулся к Берлезеву и

спросил:

— А что вы думаете об этих кюветах?

— Думаю, что по ним небольшое подразделение может добраться до цели атаки незамеченным, — ответил, не торопясь, Берлезев.

— Так и сделаем. Сейчас же организуйте штурмовую группу человек в сорок. С группой пойдете вы. Колдубов требует, чтобы мой КП к вечеру был в этих проклятых домиках, ни дна им ни покрышки. Позади вас, тоже по кюветам, на дистанции в триста метров пускаю первый батальон. Потом пойдет второй. Понятно?

— Понятно, — ответил начальник штаба.

— Отправляйтесь!

Через час группа начала действовать. В ее состав вошли полковые разведчики, саперы, автоматчики, связисты. Командир полка тщательно проверил готовность и лично поставил группе задачу.

Километра полтора группа двигалась цепочкой, друг за другом, по кюветам, пригнувшись и маскируясь в буйной болотной траве. Потом попала в зону активного обстрела. К счастью, все обошлось благополучно, хоть кругом и свистели осколки, летела комьями земля.

Связисты все время тянули нитку полевого телефона, и Кармин, начальник связи, систематически докладывал командиру полка: «Прошли такой-то рубеж, потерь нет, идем дальше».

Недалеко от окраины, перед домами, залегли. Наблюдения показали — сильной обороны там не было. Берлезев подозвал командира разведчиков Симакова и уточнил задачу: с концом очередного артналета противника его группа бросается вперед и занимает три окраинных дома.

И вот — атака. Группа Симакова скрылась у домиков. Послышались стрельба, взрывы гранат. Потом все стихло.

Оказывается, домики не были заняты противником, а небольшое немецкое подразделение, находившееся в окопах, спешно отошло к мосту, как только появились наши бойцы. Через несколько минут Берлезев уже был в одном из домов и докладывал по телефону командиру полка, что развернул здесь НП.

Вскоре прибыл 1-й батальон, за ним — 2-й.

Нам с Шульгой надо было как можно быстрее добраться до нового НП. Шел бой за город. Требовалось обеспечить четкое управление батальонами.

В Оломоуце было сосредоточено большое количество пехотных частей, артиллерии. Артиллерия стреляла непрерывно. Но уже ничто не могло остановить наших гвардейцев. К утру полк

перешел на западный берег реки Моравы и начал продвигаться через центр города к его северной части. Судьба города была решена. Правда, из домов, с чердаков, верхних этажей раздавались отдельные выстрелы — это недобитые гитлеровцы, оставшиеся в городе, пытались как-то выместить злобу на наших военнослужащих, появлявшихся на улицах города.

К 18.00 полк вышел на северо-западную окраину Оломоуца. Здесь мы получили приказ закрепиться и привести личный состав и боевую технику в порядок.

Крупный промышленный центр и важный узел дорог, ведущих с востока в Чехию, город Оломоуц наши войска взяли штурмом. 128-я дивизия захватила в плен 300 гитлеровцев. План фашистского руководства — удержанием Оломоуца обеспечить организованное отступление своей армии на запад — провалился.

8 мая 1945 года в приказе № 365 Верховного Главнокомандующего войскам, штурмом взявшим Оломоуц, была объявлена благодарность. В тот же день столица нашей Родины салютовала освободителям этого города 12 артиллерийскими залпами из 124 орудий. Это был последний салют за последний город из числа тех, в освобождении которых участвовал в ходе Великой Отечественной войны наш полк.

Наступила ночь на 9 мая — историческая ночь.

Весть о победе над гитлеровской Германией пришла в полк во втором часу ночи. По радио мы слушали сообщение о капитуляции фашистской Германии. Одновременно с этим сообщением был передан и Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР об объявлении 9 мая праздником Победы. Весь личный состав полка слушал эти сообщения, но слушал в разных местах, так как его подразделения еще вели боевые действия и собраться всем вместе не представлялось возможным. Уже поступил приказ с утра 9 мая продолжать преследование отказавшихся капитулировать войск фельдмаршала Франца Шернера.

Политработники разошлись по подразделениям. Сообщив в 1-м батальоне о победе, об окончании войны, я, по сути дела, ничего неожиданного бойцам и командирам не сказал — весь ход событий красноречивее всяких сообщений свидетельствовал о том, что война победоносно завершена. И тем не менее радость была неописуемая. Задумчивыми казались лишь отдельные воины, и среди них гвардии старший сержант Шота Берадзе, помкомвзвода минометчиков, комсорг подразделения. Подойдя ближе, я убедился, что он плачет.

— Что с вами? Радоваться же надо! — сказал я.

— А я от радости и плачу, товарищ гвардии майор. — Шота отнял от лица руки, глядя на меня блестящими, печальными

глазами, сказал: — У меня отец на фронте погиб. Когда об этом узнал — не плакал. А теперь вот плачу.

— Давно на фронте?

— С сентября сорок второго. Мне тогда восемнадцати не было. В наш полк после ранения пришел.

— Дома, поди, ждут?

— Пятеро у матери, я — старший. Ждет не дождется.

Домой Шота Берадзе попал лишь в 1946 году. И вот уже многие годы работает методистом лечебной физкультуры в одном из санаториев Цхалтубо. Мне прислали газету «Кутаисская правда», где опубликован очерк «Люди из легенды». В нем приведен рассказ пожилого колхозника Романа Проца о том, как три отважных советских воина героически оборонялись в окруженном горном дзоте. Двое из них погибли, третьего — грузина — крестьянам удалось спасти. Следопыты из города Львова во главе с Я. Денисовым начали поиск. Спасенным воином оказался Шота Берадзе.

Утром 9 мая почта доставила в полк дивизионную многотиражку, в которой был опубликован Акт о военной капитуляции Германии. Во всех населенных пунктах нас, освободителей, с неподдельной радостью встречало население. Женщины на руках держали детей. Отовсюду неслось приветствие «Наздар!», на лицах — улыбки, слезы. Усталые, но гордые, одухотворенные, наши люди проходили в этих плещущихся через край реках счастья подтянутые, энергичные.

К исходу 9 мая, как известно, Прага была освобождена войсками армии П. С. Рыбалко. Путь к отступлению на запад для немецких войск из группы армий «Центр» был отрезан.

12 мая для 327-го гвардейского горнострелкового полка был последним днем войны. На линии Хоенштадт, Высоке-Мото, Голинец, Братислава части нашего 3-го горнострелкового Карпатского корпуса во взаимодействии с войсками 1-й гвардейской и 60-й армий наголову разгромили войска Шернера. В этот день полк согласно приказу остановился в селе Бездеково в Чехии. В дальнейшем продвижении на запад необходимость отпала: к исходу 11 мая уже была пленена основная часть войск противника, оставались лишь мелкие группы.

В Бездекове состоялся митинг, посвященный окончанию войны. Наша страна уже отметила День Победы. Мы, солдаты 327-го полка, сделали это лишь 12 мая.

Один за другим выступают гвардейцы, выражая свою радость, славя свой народ, государство, родную Коммунистическую партию. Почти во всех выступлениях одна мысль: для нас война была исполнением воинского долга, святого долга перед

Родиной, и мы рады, что долг этот выполнили.

Но вот оратор сказал о погибших, о тех, кто не дожил до победы. И весь личный состав полка в скорбном молчании обнажил голову. Боевое гвардейское Знамя полка склонилось к земле. У наших женщин-однополчанок лица были в слезах — женское сердце особенно чувствительно. Мужчины стояли как бы с застывшими лицами.

12 мая полк оставил село Бездеково — самую западную точку, которой достиг в своем заграничном освободительном походе. К исходу дня наши подразделения сосредоточились в лесу северо-западнее сел Рзи и Добржиков.

Застучали топоры. Уже 14 мая полк жил в лесном лагере. Плащ-палатки, доски, сосновые ветки служили основным строительным материалом. Перед палатками разбили клумбы, появились цветы. Закипела лагерная жизнь.

128-я гвардейская горнострелковая дивизия перешла на лагерное положение. Наш полк приступил к плановой регулярной боевой подготовке. На совещании с командирами полков и их заместителями по политчасти комдив М. И. Колдубов, ставя перед нами очередные задачи, сказал:

— Здесь, на западе, мы войну закончили. Но если кто из вас сделал вывод, что война закончилась, он ошибается. Еще не разбит союзник Гитлера на востоке — милитаристская Япония. Что будет дальше, как будут развиваться события — увидим. Может оказаться, что война для нас с вами и не закончена. Что нам делать дальше? Заниматься. Изучать опыт Великой Отечественной войны. Организовать регулярную боевую и политическую подготовку. Вот это я вам и приказываю…

И солдаты, говоря словами поэта, «положив на брустверавтомат», занялись учебой. Для этого в полку были оборудованы учебные поля и стрельбища на пустующих площадях в районе чешского села Добржикова, составлены расписания боевой и политической подготовки. Партийное собрание полка обсудило задачи коммунистов в боевой и политической подготовке.

В идейно-политической работе, вполне естественно, всех нас занимали прежде всего итоги только что закончившейся войны с фашистской Германией, истоки нашей победы, устройство послевоенного мира, дальнейшие задачи Советских Вооруженных Сил.

В докладах и лекциях, а также на занятиях по политической подготовке наши командиры и политработники, партийный актив постоянно разъясняли возникавшие у личного состава вопросы об образе жизни в капиталистических странах, конкретные вопросы, относящиеся к Чехословакии, сопоставляли западный образ

жизни с жизнью нашей страны, с перспективами ее хозяйственного и культурного развития. В этой работе хорошо помогали нам инструкторы политотдела дивизии Войнилович и Кошевой.

Изучению опыта войны посвящались занятия в системе командирской подготовки, теоретические конференции, семинары политработников. На одном из семинаров мне довелось выступить с рефератом об опыте партполитработы в боевых условиях в стрелковом полку.

День за днем полк учился. А после напряженных учебных будней мои однополчане мечтали, строили планы на будущее.

Так уж устроена жизнь, что нормальным состоянием для человека, конечно, является мир, а не война. Только что отгремели пушки, а людей уже захватили мысли о мирной жизни.

Бойцы и командиры радовались победе, радовались тому, что враги Родины разбиты, что война окончилась, что теперь для каждого начнется мирная жизнь.

Перечитываю пожелтевший от времени номер дивизионной многотиражки за 17 мая 1945 года. Вот заметка, рассказывающая о том, что офицеры 327-го полка собрались за праздничным столом. За этот стол я сел, когда пришел из политотдела дивизии. В небольшой березовой роще, совсем такой же, как у нас в России, в Подмосковье, собрались мои друзья. Стройные в своем белом наряде березы заставили меня вспомнить конец сурового сорок первого года. На память пришли строки:

Белые березы,
Милые сестрички,
Свесили сережки,
Девичьи косички.

А вместе с этими строками вспомнилось и другое… Мела метель, на шоссе, которое вело к Москве, зияли воронки от бомб, и мы в Панфиловской дивизии не смыкали глаз уже трое суток, затыкая бреши в обороне. Совсем недалеко за нами была Москва. «Знаешь, я о березах стихи сочинил», — сказал я тогда товарищу. А тот, словно не слыша меня, тихо и как-то отрешенно промолвил: «Ну все… За этой березовой рощей — уже Москва…»

В тот день я был ранен. Через сутки мой товарищ погиб в бою, погиб как герой. Я вспоминаю его самым добрым словом…

Открыл праздничный обед Михаил Герасимович Шульта, провозгласивший тост в честь Победы. Затем он предоставил слово мне. Я сказал о партии, о Родине, о людях полка и их верности своему воинскому долгу. Меня сменил А. В. Берлезев,

командиры батальонов В. Е. Юрков, Ф. Г. Луков.

Добрыми и скорбными словами вспомнили тех, кто остался лежать на полях сражений, заплатив за победу своей жизнью.

Непринужденная обстановка располагала к товарищеским разговорам.

— Вернусь в свой институт, — делился с нами своими планами командир пулеметной роты Кокорин. — Я ведь геологом собирался стать. И стану.

— А мне институт не по зубам, рабочая я кость, — сказал командир минометной роты Груздев.

— А я что — барская? — усмехнулся Кокорин.

— Но ты уже учился, а у меня знаний маловато. Пойду мастеровым на фабрику.

— А мне дорога в хозяйственники, — вставил капитан Агеев. — Уже поздно учиться.

Говорили о разном — об общем, личном, большом, малом…

Праздничный обед был устроен и для рядового состава и младших командиров. Пришли начальники, поздравили наших гвардейцев с победой. А потом состоялся концерт полковой художественной самодеятельности, главная заслуга в подготовке которого принадлежала комсоргу полка Виктору Калинину, трудившемуся вместе с большой группой энтузиастов. У меня сохранилась фотография — на деревянном помосте все участники самодеятельности. Фотограф их запечатлел, когда они прощались со зрителями. На переднем плане танцевальная группа: в эффектных позах застыли минометчики старший сержант Шота Берадзе и санинструктор сержант Якушева. Позади танцоров другие участники концерта: командир артиллерийского взвода Оничко, старшина полковой батареи, лучший песенник полка Н. Ф. Харченко, санинструктор Ольга Рябичко.

Концерты художественной самодеятельности в то время в подразделениях полка устраивались часто — в плясках и песнях выплескивалась радость, бившая через край.

В один из воскресных дней у меня в палатке сидели пожилой коновод Н. П. Жвавый и ординарец Костя Точилин. Инициативой беседы быстро завладел Жвавый, он мечтал о том, как вернется к себе в Ростовскую область, в колхоз, станет работать конюхом.

— А я по музыке соскучился… К своей профессии музыканта вернусь, — вставил Точилин. — Приеду домой, высплюсь досыта, а потом — за музыку…

Прошло много лет, и до сего времени я с благодарностью вспоминаю этих славных людей, немало мне помогавших во фронтовом быте.

Нашу беседу прервал начподив Г. А. Бойченко. Командование

дивизии располагалось в лесу рядом с полком. Начальник политотдела решил посмотреть, чем люди занимаются в выходной день. Пошли в полковую пушечную батарею — оттуда до нас долетела песня. «Послушаем», — сказал Бойченко. Батарейцы сидели кто на пнях, кто на скамейках, сколоченных на скорую руку, кто на траве. Запевали Оничко, Харченко, Дробышев. Пела вся батарея. Увлекшись, к певцам присоединились и мы с Бойченко.

— О чем думаем-мечтаем, хлопцы? — спросил Бойченко, когда наступила пауза.

— О доме, — почти хором ответили бойцы.

— А что же о доме-то думаете? Какие планы?

— «Окончу с победой, к тебе я приеду» — как в песне, — сказал рыжеволосый, скуластый боец. Все заулыбались.

— И то верно. А вообще-то у каждого свое, — ответил гвардии старшина Метальников.

— Добраться бы поскорей домой, а там разберемся, что к чему, — весело посматривая на нас, молвил вислоусый боец.

— В колхозе ли, на заводе… Был бы рысак, а хомут всегда найдется. Там видно будет, кто куда подастся, — мрачновато отозвался еще кто-то.

— Ну, наш Емеля ухватился за свой конец, — урезонил его Оничко. — А я возвернусь на Сумщину. По сельской работе соскучился. Там у меня мать. Ждет.

В разведывательной роте нас встретил ее командир Симаков. Возле ленинской палатки в кругу разведчиков на ящике сидел солдат Грибко и, бойко перебирая лады и басы гармоники, наигрывал «цыганочку».

Попробовали и разведчиков порасспрашивать об их планах — получили в ответ то же самое, что и в батарее: «Спешу на Родину», «Была война — терпел, кончилась — заскучал по семье, места не найду», «Вернусь, буду работать, как и прежде, трактористом», «А я на завод, где до войны был, — писали уж, ждут меня», «Пойду учиться на философский факультет, хочу мир переделывать на новый лад». Один сказал: «На сверхсрочную останусь в армии. Можно? У меня семья погибла под бомбежкой».

Мечтали и наши девушки — славные труженицы войны — фельдшеры и санинструкторы Еськина, Марговская, Рашевская, Рябичко, Белялова, военнослужащие штаба Мария Копылова и Саня Черная.

Многие фотографировались в те дни на память о друзьях-однополчанах.

С большой радостью мы узнали, что два боевых наших

сержанта — полные кавалеры ордена Славы А. А. Гришин и Ф. Ф. Бородкин — будут участвовать в Параде Победы в столице нашей Родины Москве. Вскоре группа участников парада, представляющая 128-ю гвардейскую горнострелковую дивизию, возглавляемая командиром дивизии генерал-майором М. И. Колдубовым, уехала в Москву.

У меня о Колдубове сохранились самые теплые воспоминания. Это был способный, знающий командир. Боевой опыт он получил еще в первую мировую войну. Затем — служба в Красной Армии, в пограничных войсках, участие в Великой Отечественной войне, отмеченное высоким званием Героя Советского Союза. Михаила Ильича уже нет в живых.

Гвардии старший сержант А. А. Гришин, ветеран нашего полка, достойно представлял полк и дивизию на параде в Москве. Ему было 27 лет, когда началась Великая Отечественная война. С 1940 года Гришин проходил срочную службу в Ашхабаде, в том же горнострелковом полку, в котором прослужил все 6 лет до ухода в запас.

Вместе со своими однополчанами красноармеец, а позже сержант, Гришин сражался с немецко-фашистскими оккупантами под Туапсе и на Кубани, в Крыму, под Керчью и Севастополем, в Карпатских горах и в Татрах — у Каленова, Звалы, у Бачкова и Даргова, за Кошице, Моравска Остраву и Оломоуц в братской Чехословакии, у Гуциско и Живеца в Польше.

За бои на Кубани Гришин был удостоен медали «За боевые заслуги» и ордена Красной Звезды. Александр Алексеевич до сих пор помнит, какие жаркие, кровопролитные бои провела его стрелковая рота, которой тогда командовал старший лейтенант Мигаль. Уцелели в тех боях лишь сам Иван Мигаль, он, Гришин, боец Федор Бородкин да еще горсточка красноармейцев. Из всей роты с трудом можно было собрать стрелковое отделение.

В боях под Керчью его приняли в члены партии. До сих пор у него в памяти образ парторга полка Киселева. В одной жаркой атаке Киселев был в солдатской цепи, недалеко от Гришина. Цепь залегла на самом невыгодном месте, и Киселев, поняв это, поднялся с земли во весь рост и с возгласом: «Коммунисты, вперед!» — бросился на врага. Рота поднялась за Киселевым — и коммунисты, и беспартийные. В той атаке Киселев погиб, заплатив своей жизнью за успех роты. Киселев готовил Гришина в партию, не раз беседовал с ним. Гришин считает парторга полка Киселева своим партийным учителем и наставником.

Орден Славы III степени А. А. Гришин получил из рук командира дивизии генерала Колдубова в июне 1944 года, под Севастополем, когда закончились бои по освобождению Крыма. В

наградном листе командир полка писал: «В боях с немецко-фашистскими захватчиками в апреле — мае 1944 года в Крыму, в частности в районе Севастополя, старшина роты А. А. Гришин, не щадя жизни, подвергаясь постоянной опасности, в любой обстановке регулярно доставлял на передний край боеприпасы, пищу и воду. Участвуя в отражении вражеской контратаки на мысе Херсонес, Гришин проявил храбрость и отвагу, уничтожил 10 гитлеровцев. Возвращаясь из этого боя в тыл батальона, вынес двух тяжело раненных бойцов с оружием».

Орден Славы II степени А. А. Гришину вручил командующий 4-м Украинским фронтом генерал И. Е. Петров. Было это в августе 1944 года, когда дивизия прибыла в Карпаты.

Гришин — бессменный парторг роты, не раз шел в атаках вперед со словами: «Коммунисты, вперед!» В Карпатах у него прибавилось наград — две медали «За отвагу» и орден Красной Звезды. А в самом конце войны за мужество, проявленное в боях за Моравска Остраву, гвардии старший сержант А. А. Гришин удостоен ордена Славы I степени.

После увольнения Гришина в запас его автомат ППШ № 5000 был вручен отличнику учебы гвардии ефрейтору 4-й роты Г. В. Васильчуку. Имя Гришина навечно осталось в строю.

Федор Филиппович Бородкин участвовал в Великой Отечественной войне с 25 июня 1941 года. В Михайловне Сталинградской области он оставил жену Марию Григорьевну с детьми.

Разведчиком стал в ноябре 1943 года. До этого воевал в качестве минометчика, стрелка. В нашем полку Бородкина назначают командиром разведотделения. С января 1944 года 327-й полк ведет напряженные бои на Керченском полуострове. Здесь Бородкин отличился и 15 февраля 1944 года был награжден орденом Славы III степени. В наградном листе рассказывалось о том, что 22 января в районе Керчи Федор Бородкин с группой разведчиков прошел в тыл немцев, обороняющих высоту Безымянную, и разведал наилучшие подходы к высоте, а также добыл другие ценные сведения. С началом атаки Бородкин был проводником у наступающих стрелковых подразделений, провел их до рубежа атаки, а затем участвовал в штурме и одним из первых ворвался на высоту, уничтожив в этом бою семь вражеских солдат.

Немало Федор Филиппович выполнил боевых заданий, каждый раз проявляя себя смелым, инициативным и разумным разведчиком. Вот что писал о Бородкине командир разведроты Симаков: «При разгроме гитлеровцев на севастопольском плацдарме Бородкин со своим отделением прорвался в глубину

вражеских позиций и в момент наступления полка активно действовал в тылу у немцев, вызвал у них панику и облегчил полку решение боевой задачи. При этом отделение Бородкина уничтожило до взвода вражеских солдат. Командование высоко оценило дерзкие действия гвардии старшего сержанта помкомвзвода Ф. Ф. Бородкина: он был награжден орденом Славы II степени».

В той же характеристике Симаков сообщал: «В 1944 году полк вел тяжелые, кровопролитные бои в Карпатах. Однажды создалось такое положение, когда некоторые подразделения полка были отрезаны противником от наших основных сил. Бородкин был отправлен на разведку и поиск путей, по которым можно было бы пройти на помощь окруженным. Эта задача разведчиками под командованием Бородкина успешно выполнена». Был захвачен в плен немецкий фельдфебель. За смелые действия Федор Филиппович Бородкин был награжден орденом Славы I степени, став первым в 128-й дивизии полным кавалером ордена Славы. Генерал Колдубов вручил этот орден, горячо поздравив славного гвардейца-разведчика. Бородкин сказал тогда командиру дивизии, что, видимо, все получилось так потому, что командующий фронтом генерал И. Е. Петров еще в августе 1944 года предсказал ему и его другу Гришину, что они будут полными кавалерами ордена Славы. «Вот и отлично, — ответил ему Колдубов. — Мы с вами не верим ни в господа бога, ни в дьявола, и генерал Петров — тоже. Но раз он предсказывал, — значит, верил в вас. И я рад, что командующий не ошибся. Вы оказались отличным разведчиком, настоящим патриотом Советской Родины. Мы гордимся вами».

На всю жизнь Ф. Ф. Бородкин запомнил слова генерала — в них была справедливая оценка нелегкого труда полкового разведчика. Они сфотографировались — генерал Колдубов и старший сержант Бородкин. Уже после войны Федор Филиппович прислал мне эту фотографию. Наша дивизионная многотиражка «Ворошиловец» под крупной шапкой «Полный кавалер ордена Славы Ф. Ф. Бородкин» посвятила его подвигам целую страницу.

Не успел Федор Бородкин возвратиться из Москвы в родной полк и рассказать ребятам о московских впечатлениях, как его вызвали к командиру дивизии, а через полчаса машина уже мчала его в Прагу. На сей раз наш разведчик оказался участником Парада Победы в Праге. Церемониальным маршем прошел он по улицам и площадям чехословацкой столицы.

Вместе с родным полком возвратился Бородкин на Родину. Вскоре он уволился в запас. Его автомат ППШ № 456 был торжественно вручен отличнику боевой и политической

подготовки молодому красноармейцу 2-й роты Б. П. Дробинке.

Более четверти века Ф. Ф. Бородкин в запасе. Я переписываюсь с ним. Последние годы он работает старшим мастером на Михайловском заводе пусковых двигателей (Волгоградская область). Работает по-ударному, пользуется авторитетом. У него большая семья — два сына, четыре дочери, девять внуков, есть и правнуки. «Живем мы с Марией Григорьевной хорошо, в радости, дети нас не забывают, внуки и правнуки часто бывают у нас», — писал мне в одном из своих писем Федор Филиппович Бородкин.

…И вот наступил долгожданный день, когда 128-я гвардейская дивизия получила приказ начать марш на Родину. Наш полк вышел 5 июня. Надлежало в пешем строю, с обозами проделать около 1000 километров.

По дорогам с запада на восток тянулось множество колонн. Красная Армия возвращалась на родную землю. В колонне полка шли роты, двигались артиллерия на конной тяге, обозы.

Маршрут проходил примерно по тем же районам, по которым полк шел с боями на запад. Было о чем вспомнить, поговорить. Мы отдавали почести однополчанам, захороненным на чешской, словацкой и польской землях.

Повсеместно в населенных пунктах нас встречали и провожали местные жители — старики, молодежь, дети, женщины, мужчины. «Наздар!», «Нех жие!», «Да здравствует Красная Армия!» — слышалось со всех сторон. Нашим воинам подносили цветы. Возникали задушевные беседы.

В городе Лослау, где были захоронены участники боев у Гожице и фольварка Червин, состоялся митинг личного состава. Второй митинг мы провели на кладбище нашего полка на высоте с отметкой 752. Вдоль обелисков, расположенных на склоне высоты, в линию ротных колонн вытянулся полк, застывший в скорбном молчании. Приспущено полковое Знамя. Я волновался — нахлынули воспоминания о кровопролитнейших боях, которые наши батальоны вели здесь с 21 сентября по 3 октября 1944 года. С горы видны населенные пункты Каленов, Боров, Габуре. На юге вздымает вершины к небу горный хребет Камяна, у подножия которого погибли Ненахов, Ковшов, разорван вражескими самоходками лейтенант Павлюк, истекал кровью батальон Брагина, пал смертью храбрых командир полка Моргуновский… Вдали, на востоке, синели горы, покрытые лесами, за ними где-то, не так уж и далеко, родная советская земля.

Не таясь, я вытер глаза платком. Волнение передалось и другим. Каждый думал свое, и вместе с тем у всех была общая

дума: у каждого из нас здесь, за рубежом, в сырой земле оставались друзья, товарищи, для всех нас они — однополчане, соратники по войне. Гвардейцы полка произносили слова клятвы на верность Родине, ленинской партии, народу, на вечную память о погибших советских воинах. Раздался залп — полк отсалютовал своим героям, не дожившим до Дня Победы. Мы уходили, надеясь на то, что чехи и словаки позаботятся о своих освободителях, о тех, кого мы оставляем в их земле, оставляем навсегда.

Марш продолжался. Ко мне подошел майор Николай Игнатьевич Войнилович, суровый с виду человек, возмужавший в боях. «Хочу на память подарить сувенир. Я буду увольняться, — сдержанно произнес он. — Вот возьми книгу. Всю войну протаскал с собой — потрепанная, но мне дорога. Прими как искренний дар». Это оказался старый шахматный учебник. Я его и сейчас храню у себя.

Полковой парторг Петр Григорьевич Поштарук рассказал мне, что инструктор политотдела дивизии Войнилович на марше разговорился с одним красноармейцем. У того была лишь одна награда — медаль. Боец недавно пришел в полк с пополнением. Узнав о том, что красноармеец по сложившимся обстоятельствам (долго пролежал в госпитале) как-то был обойден другими наградами, Войнилович снял со своей гимнастерки орден Красной Звезды и приколол на грудь бойца: «Считай, что ошибку исправили». Орден Войниловичу спустя некоторое время вернули, а бойца командир дивизии наградил орденом Красной Звезды уже на законных основаниях. Этого и хотел человеколюб, старый большевик Войнилович.

19 июля на последней нашей дневке перед переходом советско-чехословацкой границы в селе Тибаве командир полка вручил большой группе бойцов и офицеров ордена и медали. Стало известно, что командир дивизии принял решение — в город Ужгород, первый советский город на нашем пути, центр Закарпатской Украины, во главе колонны дивизии войдет наш 327-й полк. Стали решать, какому же подразделению возглавить колонну полка. Кандидатов оказалось немало. Лучшие показатели но итогам марша были у 2-й стрелковой роты гвардии старшего лейтенанта М. Б. Балова.

О Балове стоит рассказать подробнее…

Кавалеры ордена Славы Гришин и Бородкин, старший лейтенант Балов… Я не случайно выделяю этих людей из числа других хороших, отважных воинов нашего полка. Думая о наших людях, об их особенностях, я неизменно прихожу к выводу, что в офицере Балове так же как в Гришине и Бородкине, как-то по-

особому счастливо, полно и ярко раскрылось то типичное, что было характерно для советского воина.

Вспоминаю слова Фридриха Энгельса: «Личность характеризуется не только тем, что она делает, но и тем, как она это делает». У Балова — командира, стойкого коммуниста — был свой почерк в работе с подчиненными, свой стиль. Особенности его заключались в умении слиться с подчиненными, как бы раствориться в них и вместе с тем остаться командиром-единоначальником с непререкаемой властью и авторитетом.

Балов умел увлекать за собой подчиненных. Ему редко приходилось прибегать к резким административным мерам. Командовал он внешне спокойно, без подчеркивания своей власти, как-то обыденно и просто, но не уговаривал, а убеждал и приказывал. В роте всегда были высокая дисциплина и хороший воинский порядок.

Балов никогда не выпячивал себя. Внимательно относился к опыту других. Он насаждал в роте дух коллективизма, товарищества, призывал бойцов учиться у достойных. Когда Мухтар Балов прибыл во 2-ю роту командиром стрелкового взвода, в боях погибли один за другим два командира роты, боевые, отличные молодые лейтенанты Молчанов и Киселев. И роту принял Балов. Пришло в роту пополнение. Я помню, как Балов выступал перед новыми бойцами. Он прежде всего рассказал о Молчанове, Киселеве, о лучших бойцах-ветеранах. О себе ничего не сказал, лишь представился: «Я ваш командир, мне приятно, что мы с вами будем служить Родине вместе».

20 июля рано утром полк с развернутым Знаменем пересек государственную границу. Раскатами «ура» встретили гвардейцы родную советскую землю. Показался Ужгород. Был солнечный день. Перед зданием ЦК Коммунистической партии и Народной Рады Закарпатской Украины возвышалась украшенная трибуна — нас встречали местные руководители. Площадь была запружена народом.

Впереди колонны ехал командир корпуса генерал-майор А. Я. Веденин. Он перерезал ленту, подошел к руководителям партии и правительства Закарпатской Украины, отрапортовал о возвращении корпуса с фронта на Родину.

Рапорт принял секретарь ЦК КП(б) Закарпатской Украины (он же председатель Народной Рады Закарпатской Украины) Иван Иванович Туряница.

Грянул сводный оркестр. На площадь вышла колонна, возглавляемая командиром 128-й гвардейской горнострелковой Туркестанской Краснознаменной дивизии Героем Советского Союза генерал-майором М. И. Колдубовым. Первым шел 327-й

гвардейский горнострелковый полк. На площади раздаются приветствия: «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует советская гвардия!», «Да здравствует Красная Армия!». В ответ несется мощное гвардейское «ура».

А по площади все идут и идут колонны корпуса, забрасываемые цветами.

Вот она, Родина, вот она — советская земля.

Пришли!

345 дней и ночей наш полк в составе 4-го Украинского фронта совершал боевой поход по Карпатам. Из них более 200 дней находился в боях. Много мои однополчане-гвардейцы сделали, много пережили. Много отдали сил, жизней во имя Победы, во имя освобождения братских народов Чехословакии и Польши.

Иллюстрации

А. А. Гришин.

В. Н. Головань.

М. И. Брагин (первый справа), Д. И. Супряга, В. С. Осипов.

Группа красноармейцев, командиров и политработников 327-го гвардейского горнострелкового полка.

В. П. Иваненко.

Я. В. Гора. Снимок 1965 года.

Е. М. Моргуновский. Снимок 1940 года.

Л. Б. Консон. Снимок 1939 года.

Смерть немецким оккупантам!

Всегда и везде будь на-чеку.
Выше бдительность!

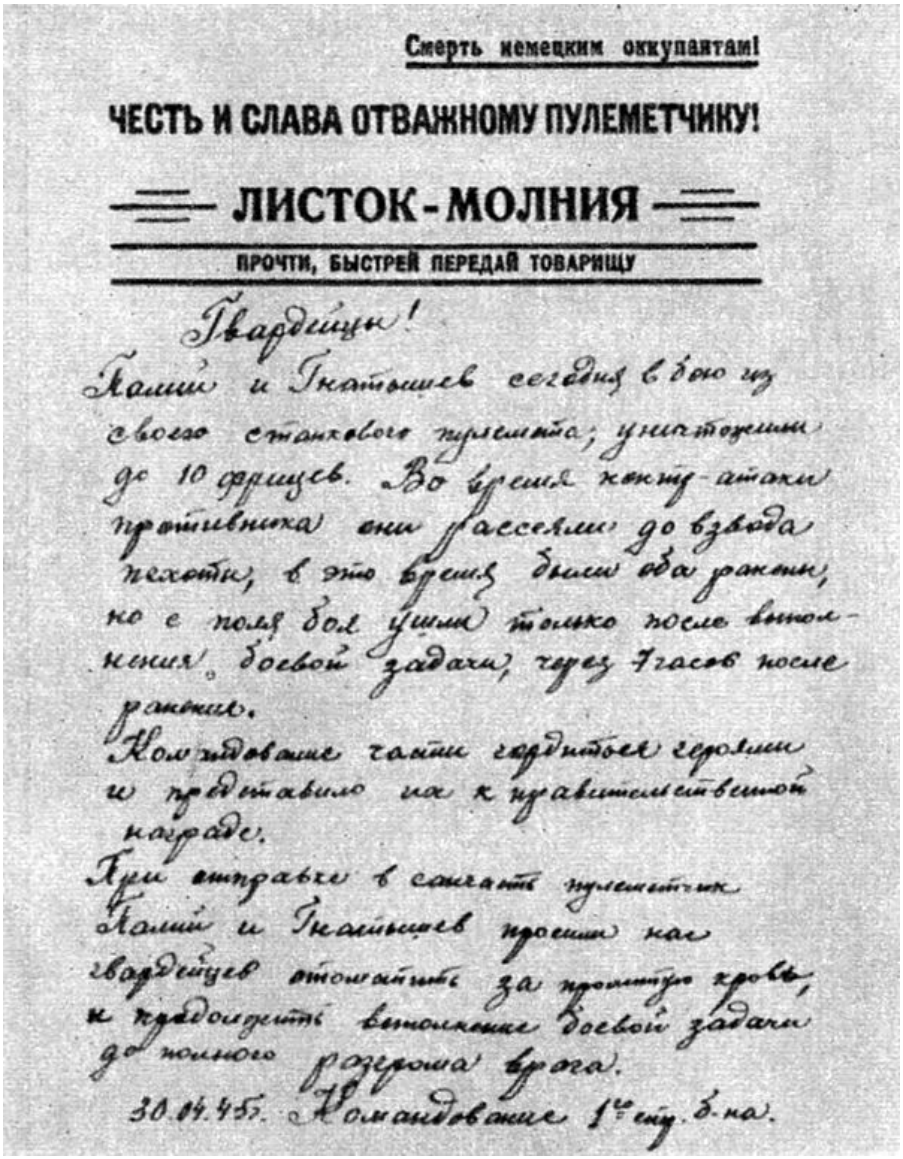
ЛИСТОК-МОЛНИЯ

ПРОЧТИ, БЫСТРЕЙ ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ

Товарищ!

Мы получили боевую задачу. Для успешного ее решения нужны, наряду со смелостью и отвагой, умелое использование своего оружия, еще и следующее.

1. На походном положении для отдыха окопайся в полный рост, это спасет тебя от пуль



Смерть немецким оккупантам!

ЧЕСТЬ И СЛАВА ОТВАЖНОМУ ПУЛЕМЕТЧИКУ!

ЛИСТОК-МОЛНИЯ

ПРОЧТИ, БЫСТРЕЙ ПЕРЕДАЙ ТОВАРИЩУ

Гвардейцы!

Калий и Гнатышев сегодня с бою из своего станкового пулемета уничтожили до 10 фрицев. Во время контр-атаки противника они рассеяли до взвода пехоты, в это время были оба ранены, но с поля боя ушли только после выполнения боевой задачи, через 4 часов после ранения.

Командование частью гвардейцев героями и представило их к правительственной награде.

Пусть отправят в санчасть пулеметчик Калий и Гнатышев просим нас гвардейцев отомстить за пролитую кровь, и продолжить выполнение боевой задачи до полного разгрома врага.

30.04.45г. Командование 1-го стр. б-на.

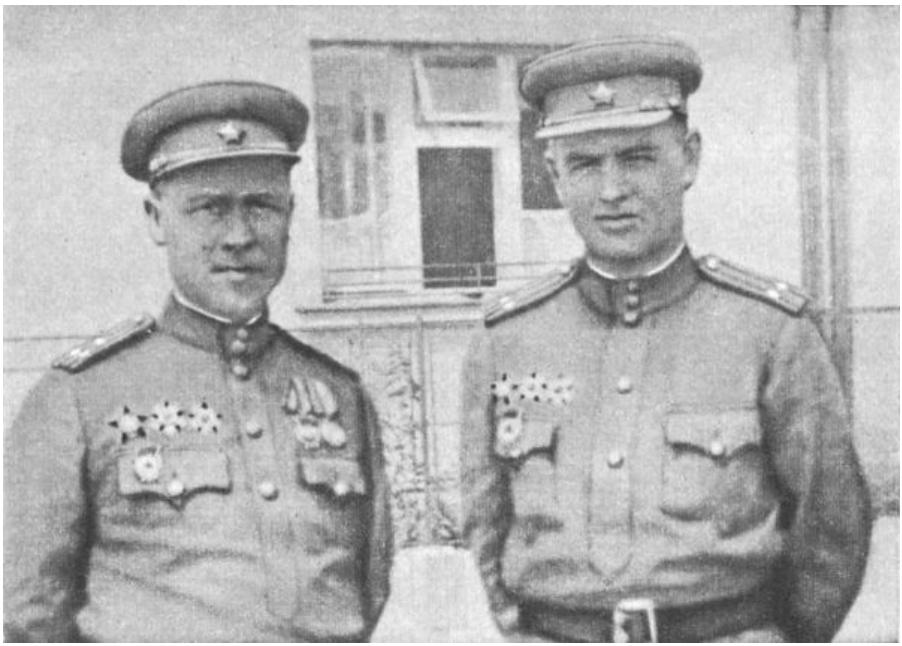
Листок-молния. Он славил героев боев, звал воинов полка на подвиги.

Группа политработников 128-й гвардейской горнострелковой дивизии. Первый справа в первом ряду — редактор дивизионной газеты «Ворошиловец» М. В. Енченко. Снимок 1944 года.

Группа политработников 3-го Карпатского горнострелкового корпуса и политотдела 18-й армии. Во втором ряду (четвертый слева) — начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев. Снимок 1944 года.

Ф. В. Монастырский.

Г. А. Бойченко. Снимок 1944 года.

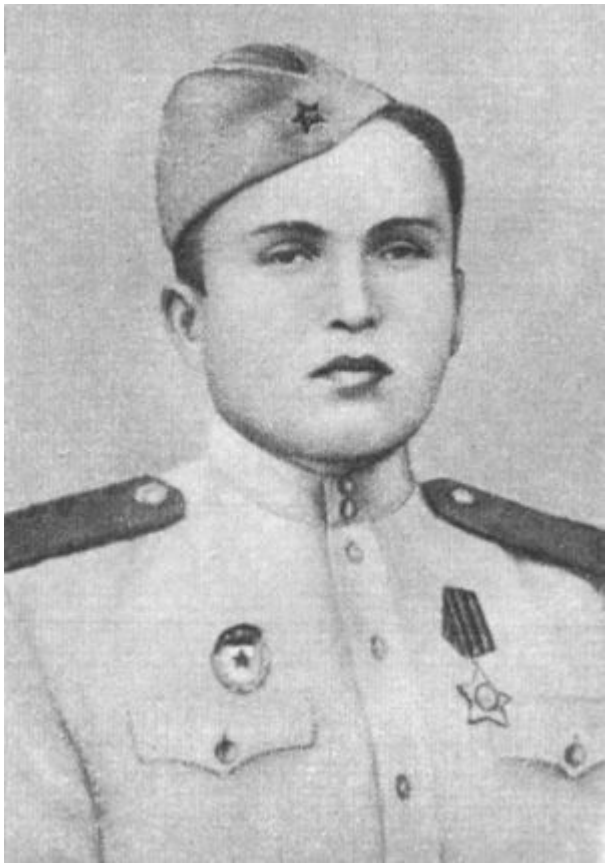


И. П. Чибисов (слева), В. И. Кушниренко. Снимок 1943 года.

М. И. Колдубов.

П. Г. Поштарук. Снимок 1965 года.

М. Г. Шульга. Снимок 1943 года.



Д. Каракулов.

Группа командиров и политработников 327-го полка. Внизу (сидит) агитатор полка И. Т. Андрухаев. Во втором ряду (первый слева) заместитель командира 2-го стрелкового батальона по политчасти В. И. Ботов.

Н. И. Войнилович. Снимок 1941 года.

М. М. Полищук.

Участнику боев за БОГУМИН

Тов. Гв. мл. л-т Барунов В. И.

Приказом № 356 от 1 мая 1945 года Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза товарищ СТАЛИН объявил ВАМ БЛАГОДАРНОСТЬ за отличные боевые действия в боях за освобождение города БОГУМИН.

Командир части

1 мая 1945 года.

Такие сообщения вдохновляли гвардейцев полка.

М. Б. Балов.

М. А. Хорошавин.

№2

Тов. Голованъ!

ДОРОГОЙ ТОВАРИЩ!

В успешных боях за высоты 840, 756, 935, а также при захвате населенного пункта ЗВАЛА и других высот в районе этого села Вы проявили себя отважным в наступлении, стойким в обороне Гвардейцем-воином, за что ОБ"ЯВЛЯЮ ВАМ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Надеемся, что Вы и впредь своим оружием будете умело бить врага, держаться в бою стойко и поднимать наступательный порыв своих товарищей, чтобы приблизить час окончательного разгрома немецко-фашистского зверя.

С БОЕВЫМ ПРИВЕТОМ

16.10.44г. Командир полка Гвардии подполковник /ШУЛЬГА/

Зам.ком.полка по политчасти Гвардии майор /МАЛКИН/

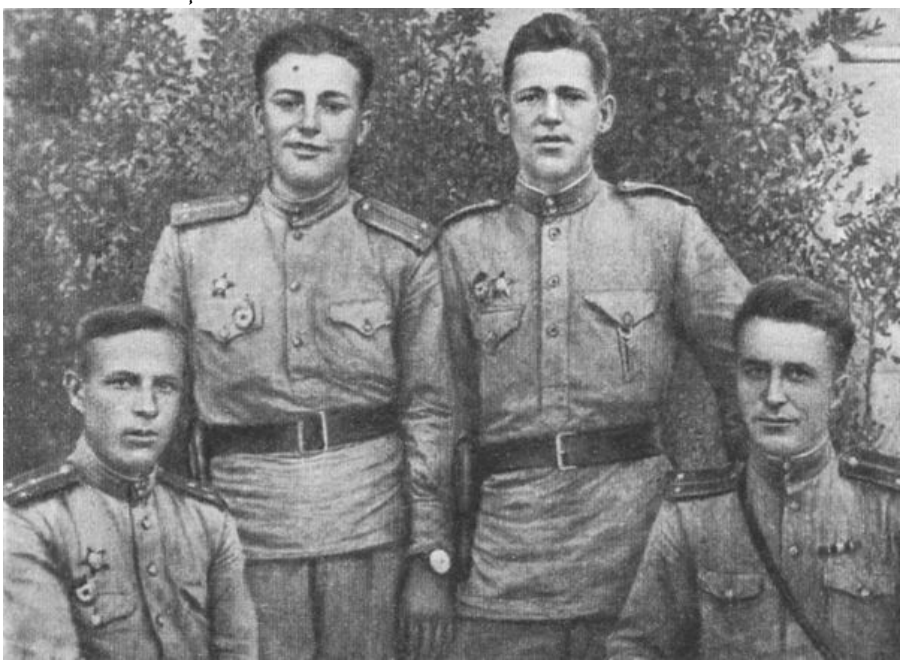
Мастеру боя — благодарность.

Л. Л. Еськина.

Ф. Ф. Бородкин.

В. И. Костин.

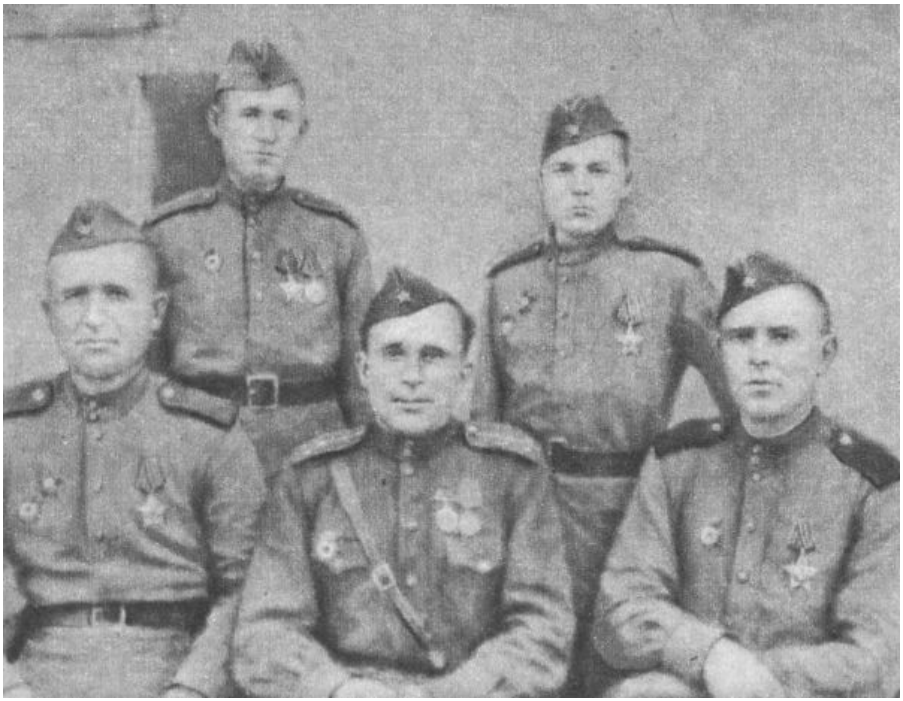
В. Л. Онищенко.



П. Г. Лук (первый слева), И. И. Киселев, В. П. Аленович, И. М. Хлопков.

О. А. Рябичко.

Ф. Г. Луков.



Лучший минометный расчет в 1-м батальоне 327-го полка сержанта В. М. Харенко (первый слева); в центре — заместитель командира 1-го батальона по политчасти М. А. Игнатьев.

Д. А. Кокорин.

М. С. Князев (справа), В. М. Подзигунов.

И. В. Нечесов.

Б. Я. Марговская.

В. Я. Груздев.

Ш. Ю. Берадзе.

И. Я. Науменко.

А. В. Берлезев.

А. В. Румянцев.

И. Ф. Агеев.

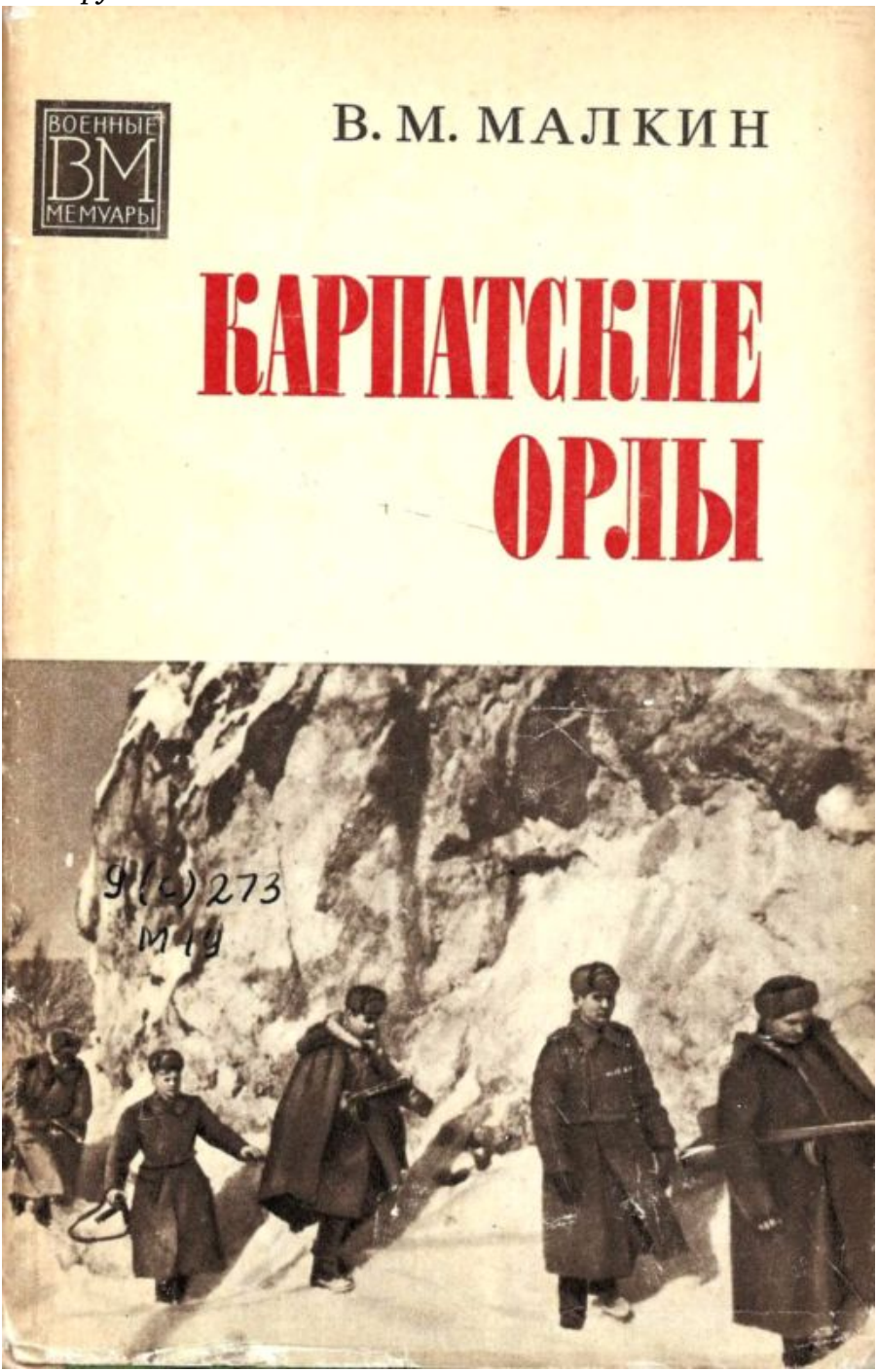
Бережно хранят воины 327-го полка память о Герое Советского Союза В. Н. Головане.

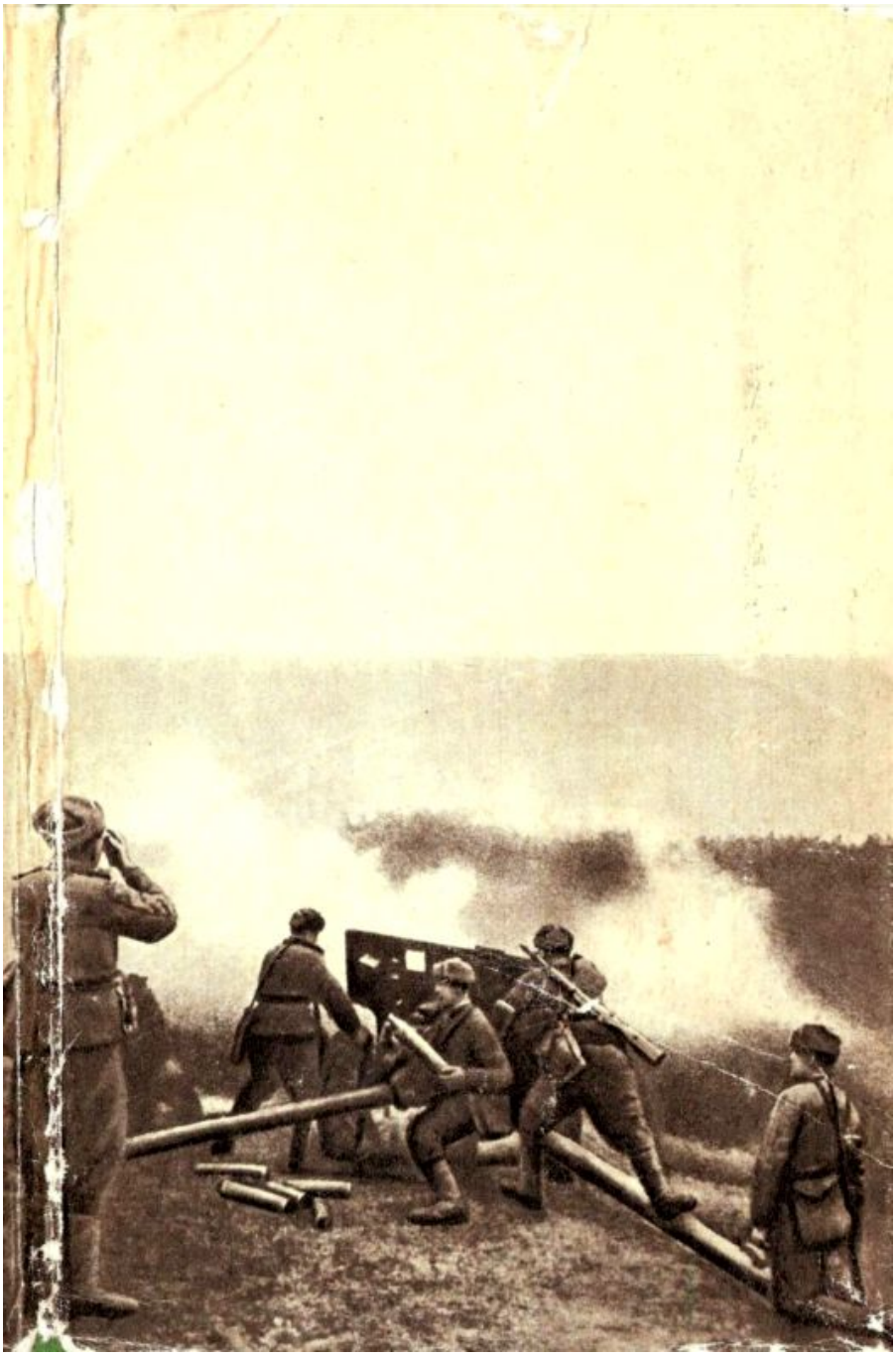
А. А. Часнык.

И. И. Королев.

Боевые друзья-однополчане встречаются вновь. Слева направо:

Я. В. Гора, В. М. Малкин, М. А. Хорошавин, А. В. Румянцев, П. Г. Поштарук. 1972 год.





Цена 69 коп.